

ЛЕВ КВИН
РЖАВЫЙ КАПКАН
НА ЗЕЛЕНОМ ПОЛЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1985

ЛЕВ КВИН

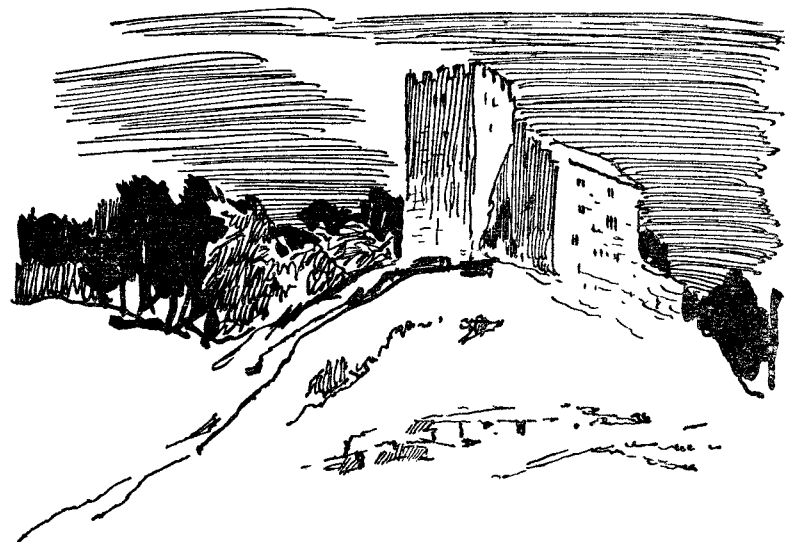
РЖАВЫЙ КАПКАН
НА ЗЕЛЕНОМ
ПОЛЕ

Роман

•ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА•

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Рисунки И. Ушакова

Все события и персонажи этого романа являются исключительно плодом моей фантазии, и любые возможные совпадения с реальностью, даже в частности, могут носить лишь случайный характер

Автор

Квин Л. И.

К32 Ржавый капкан на зеленом поле: Роман/Рис. И. Ушакова.— Изд. 2-е.— М.: Дет. лит., 1985.— 304 с., ил.— (Б-ка приключений и научной фантастики).

В пер.: 90 коп.

Роман о мужестве и стойкости советских людей, оказавшихся во время зарубежной поездки в смертельно опасной ловушке и с честью вышедших из этой сложной ситуации. В книге освещена тема современной идеологической борьбы на международной арене.

К 4803010102—100 263—85
M101(03)85

P2

© Иллюстрации
Журнал «Сибирские огни», № 8 и 9, 1979 г.
Издательство «Детская литература», 1980 г.

ТУГИЕ СТРУЙКИ

ледяными иголочками ударили по разгоряченному телу. Перехватило дух — и сразу же наступило желанное облегчение. Но я знал, что это ненадолго. Жара в Вене стояла страшная — газеты писали, раз в пятьдесят лет случается такое. Спасти себя нельзя было даже в прославленных вальсами Йоганна Штрауса окрестных гористых лесах, куда мы ездили днем вместе с Ингой. А здесь, в центре города, серые каменные здания, которые с утра до позднего вечера обжигало яростное солнце, прогревались до такой степени, что даже стены квартиры в глубине дома излучали тепло.

Я выключил душ. Но стоило только чуть приотворить дверь, как сюда, в сырую прохладу ванной, словно дунул знойный сирокко.

В коридоре, у входа на лестничную площадку, Инга разговаривала по неудобному, с нелепыми блестящими металлическими кругляшками, больше похожему на медицинский инструмент телефону — подделка под первые говорящие аппараты Эдисона. Рядом на стене, как в доброй конюшне, висел самый настоящий хомут, служивший опорой для зеркала. Под ним, на низком столике с инкрустацией из слоновой кости громоздился тяжеленный чугунный, черный от въевшейся копоти утюг.

Ничего не поделаешь, дань моде! Старые облезлые хомуты, духовые утюги, даже огромные деревянные колеса со ржавыми ободами продавались в шикарных магазинах по баснословным ценам. Конечно же, Инга не упустила случая подтрунить:

— Вот видишь, к чему приводит пренебрежение к моде, отец. Будь ты чуть-чуть посовременнее, мы с тобой, перед тем как поехать сюда, собрали бы по деревням целую гору этого шик-модерна — и в контейнер. Не пришлось бы теперь экономить каждый шиллинг.

Насчет экономии это было явно несправедливо. Денег нам обменяли на поездку не так уж мало, во всяком случае куда больше, чем обычным туристам в группах. И все-таки Инга, совершившая в первый же день приезда большой марафон по венским магазинам, сокрушенно вздыхала:

— Остается только облизнуться!

И запела восторженную песню о потрясных джинсах с какими-то особыми медными пуговицами, потрясных дамских холщовых сумках наподобие пастушьих торб, потрясных туфлях из белесой джинсовой ткани и об еще более потрясных ценах на всю эту неопишемую «роскошь».

Дома, перед отъездом, я провел с дочерью профилактическую беседу, и она согласно кивала головой в ответ на мои глубоко аргументированные наставления особо не увлекаться в Австрии барахлом. Потому что, во-первых, это неэтично, во-вторых, неприлично, в-третьих, у нас просто не будет для этого достаточно денег. Но, очевидно, витринные соблазны оказались сильнее моих отеческих назиданий. И я, вздохнув тайком, приготовился к — увы! —

неизбежной тяжелой борьбе с архиджинсами из архимодных магазинов на Грабене.

И вдруг!..

Нет, все-таки не зря утверждают некоторые философы, что из всего окружающего нас мира мы хуже всего знаем самих себя и своих близких! Правда, насчет самих себя я с ним не вполне согласен, тут у этих философов явный полемический перегиб. Но что касается наших близких...

Взять хотя бы ту же Ингу, мою собственную дочь.

После гибели Веры в автомобильной катастрофе она, годовалая, осталась на моем попечении. Я заменял ей и мать, и бабушку, и тетей, и дядей: проклятая война сожрала всех наших родных — и моих, и Веры. Уж я ли не знал Ингу! И тем не менее попадал впросак бесчисленное количество раз.

Маленькой ее невозможно было отличить от мальчишки. Коротко стриженные вихры, изодранные штанишки — никаких юбок она не признавала, — ссадины на коленях, синяки на скулах — следы уличных драк. И вдруг неожиданный крутой поворот, сразу, без всяких переходных нюансов: Инга надевает платье, Инга отпускает косы; визгливая и крикливая, она начинает говорить тихим мелодичным голосом. Даже походка у нее преобразается, становится спокойной и плавной, почти величавой, словно у принцессы или балерины.

В доме у нас никогда не переводились собаки, кошки, ежи, белые мыши, черепахи. Даже какое-то время обитала в большой стеклянной банке змея-медянка, оказавшаяся впоследствии самой настоящей гадюкой, правда от старости, вероятно, вполне мирного нрава.

Все было ясно: Инга шагает прямой дорогой в биологи. Но опять неожиданный вираж — в восьмом классе. Ежи и черепахи перекочевывают в школьный живой уголок, а их место занимают всевозможные хитросплетения проволок и прямоугольных кусочков пластмассы. Инга становится радиолюбителем, основательно и всерьез.

Восьмой класс, девятый, десятый... Что же дальше? У Инги никаких колебаний: она поступает в радиотехнический институт. Уже поданы все документы, уже вступительные экзамены на носу.

И снова сюрприз. В самый последний момент, без моего ведома, Инга взяла документы из радиотехнического и «перебросила» в педагогический, на иняз...

Ошибся я и теперь, когда решил, что наши небогатые запасы валюты находятся под угрозой. Джинсовая лихорадка не продолжалась и суток. Инга сходила с Эллен в бывший кайзеровский дворец на бульваре Ринг и увлеклась... историей династии Габсбургов.

Два дня подряд, с утра до вечера, бегала она по их бывшим дворцам, а ныне музеям. А затем на вполне сноском немецком, более чем приличном для второкурсницы иняза, изводила своими бесконечными расспросами моих австрийских приятелей — Вальтера и Эллен. Вальтеру, естественно, доставалось больше: как-никак профессор-историк, хотя и специализировавшийся главным образом на историографии — науке, изучающей не столько само прошлое, сколько развитие знаний о нем.

На третий день после нашего приезда рано утром Вальтер перевез меня с Ингой на новенькой спортивной «шkode», которой он очень гордился, сюда, в квартиру своего сослуживца; тот очень кстати отправился со всей семьей на летний отдых в горы, разрешив Вальтеру поселить нас у себя.

Квартира была шикарней: в самом центре, четыре комнаты, все окна выходят во двор, так что одуряющий городской шум сюда не проникает. Но Инга почувствовала себя задетой и принялась злословить:

— Это он специально, чтобы от меня отделаться. Что у него ни спросишь — «точно не помню, посмотри энциклопедию»!

— Ну и что?

— Я же его компрометирую, неужели не понятно? Все-таки профессор.

Пришлось ее разочаровать; она явно преувеличивала значение своей персоны. Прошлый раз, несколько лет назад, когда я приезжал в Вену один, Вальтер тоже, как и теперь, устроил меня в пустующей квартире своего знакомого. Не очень-то привычно: у нас гостей принято поселять у себя. Поначалу даже кажется обидным. Но потом сам приходишь к выводу: так удобно и рационально. Образ жизни Вальтера, как у большинства венцев, не совпадает с нашим.

Если даже Вальтер втайне и лелеял надежду отделаться от настырной Инги, то его расчеты никоим образом не оправдались. Ведь в ее распоряжении оставался телефон.

Напрасно я уговаривал дочь не звонить Редлихам:

— Вальтер работает. Ты помешаешь.

— Нужен он мне очень, этот твой сухарь! Я не ему — тете Эллен!

— Ты и ей надоела своими Габсбургами.

— Ничего подобного! Она рада моим звонкам.

— Ты так думаешь?

— И думать мне нечего. Она сама говорит.

— Из вежливости.

— Отец, отец! — Инга укоризненно качала головой. — Они, в отличие от тебя, нисколько не закомплексованы. Надоест — так и скажут прямо: надоело!

Вот и поговори с ней!..

Я все еще сидел на краю ванны, никак не решаясь расстаться с влажной прохладой. По обрывкам телефонного разговора, доносившимся в ванную, было совершенно понятно, о чем идет речь. Инга вкисливо выпрашивала подробности о Шенбрунне. Бедная Эллен! Опять Габсбурги — дворец Шенбрунн, их летняя резиденция.

Но вот Инга обратилась через коридор ко мне:

— Отец, ты готов?

— Сейчас! Осталось только обтереться... Фу, черт! Инга, поищи, пожалуйста, мохнатое полотенце. Оно, кажется, лежит на кровати.

Она сбегала в спальню, кинула мне в ванную полотенце и снова вернулась к телефону:

— Тетя Эллен, он уже идет, еще несколько секунд... Вот, появился! — И протянула мне трубку: — У них линия немного барахлит, не обращай внимания.

— Алло, это ты, Арвид? — Мягкий бархатный голос Эллен перекрывал писклявые прерывистые гудки. — Оказывается, я обещала девочке завтра после работы поехать с ней в Шенбрунн. А у нас на заводе должно быть профсоюзное собрание, я совсем упустила из виду. Может быть, выберешься ты?

— Не могу, у меня программа. — Я не на шутку разозлился на предприимчивую Ингу. — Посещение общества «Восток — Запад».

— Тогда пусть девочка едет сама. Это не слишком сложно. Экскурсионные автобусы с гидами отходят прямо от оперы. Каждые полчаса.

— Хорошо, обдумаем на семейном совете... Как Вальтер?

— Немного лучше.

Вальтер уехал от нас утром с сильной головной болью. Он даже опасался, что не сможет вести машину — такое уже случилось однажды. Последнее время голова у него болела довольно часто, и это тревожило их обоих.

— Привет ему, когда увидишь...

Тяжеленная трубка сама выскользнула из руки и брякнулась на уродливо вытянутый рычаг, высоко торчавший над деревянной резной коробкой с рукояткой для вызова. Декоративной, разумеется. Сюда же, в стенку коробки, был врезан наборный диск.

— А теперь...

Инга подняла вверх руку — внимание! — и включила необычной формы магнитофон, лежавший на столике рядом с телефонным аппаратом. Тотчас же раздались вызывные гудки.

— Что это?

— Автоответчик. Может провести за тебя разговор по телефону... Живут же люди!

Что-то щелкнуло. Пленка зафиксировала, как на другом конце провода сняли трубку.

«Квартира Редлих», — услышал я голос Эллен, перебиваемый частыми гудками.

«Это я, тетя Эллен».

«А, Инге, — Эллен называла мою дочь на немецкий манер. — Рада тебя слышать».

«Рада слышать»... Я взглянул на Ингу. Она озорно высунула язык: мол, что я говорила? Кто из нас прав?

«Я перезвоню, что-то мешает».

«Бесполезно, Инге. Это неотвратимо, как рок. Само собой возникает время от времени где-то на линии и ничего нельзя сделать. А потом опять само по себе исчезает... Ты хотела о чем-нибудь меня спросить, детка?»

«Когда мы с вами встретимся завтра, тетя Эллен?»

«Надеюсь, как обычно, вечером, детка».

В голосе Эллен звучало легкое удивление, и мне стало стыдно за навязчивость Инги.

«А Шенбруни?..»

«Ах да!.. Извини, я совсем забыла... Понимаешь, наверное, не получится... Скажи, пожалуйста, папа где-нибудь рядом?»

«Отец в ванной. — Инга никогда, даже в раннем детстве, не называла меня папой, только — отец. — Душ...»

Инга выключила магнитофон.

— Дельная штука! Уходишь из дому, наговоришь кучу всяких приветов и подключишь к телефону. Ребята мои звонят — каждому свой привет. Может, разоримся, а, отец? Взамен плановых джинсов?

— Ну нет, это не для нас. С твоими «ребятами» никакой пленки не хватит.

За Ингой, как за кометой, волочился длинный хвост обожателей. То и дело дребезжали звонки, и она неслась к телефону. А в ее отсутствие доставалось мне:

«Ингу можно?»

«Ее нету дома».

«Когда будет?»

«Не имею понятия».

«Передайте, пожалуйста, что ей звонил Костя».

Или Саня. Или Витя. Или Сережа...

Эти однообразные до кошмара диалоги уже снились мне по ночам...

Я распахнул окно во двор. Вместе с капризным визгом и чиханием автомашины, которая никак не хотела заводиться, оттуда хлынула удушливая волна зноя. Пришлось захлопнуть снова.

— Как спать будем?

— Вентилятор! — сообразила Инга. — Должен же здесь быть какой-нибудь паршивенький вентилятор!

И ринулась на поиски.

Вентиляторы — не один, а целых три штуки! — обнаружили в просторной кладовке рядом с ванной. Там царил идеальный порядок. Все разложено по полочкам. На одной лекарства — целая аптека банок, склянок, тюбиков. На другой — всевозможные стиральные порошки и чистящие средства. Третья полка целиком занята пустыми коробками из-под магнитофонов, транзисторов, фотоаппаратов и кинокамер. Тут же аккуратно сложены в стопку руководства к пользованию и запасные предохранители в целлофановых мешочках.

Отдельную полку в самом низу занимали вентиляторы и старые вещи: стоптанная обувь, продранный мужской зонт, вполне приличного вида современный телефон ярко-красного цвета — безвременно пал жертвой изменчивой моды, бедняга.

Со свистом завертелись лопасти вентиляторов, нагоня прохладу. Сразу стало легче дышать.

— Хочу есть! — заявила Инга.

— Ты же ужинала у тети Эллен.

— Да что там эти их бутербродики!

— Перебьешься как-нибудь до утра.

— Опять экономия валюты! Поздравляю, отец, ты вполне вписываешься в местный уклад жизни.

Ох и язва же у меня доченька!

— Все магазины давно на замке, забыла?

Торгуют здесь тоже не как у нас. Начинают ранним утром, а закрывают в шесть вечера.

Но разве уймешь неугомонную Ингу? Она уже металась по квартире в поисках съестного.

— Они ведь только уехали. Неужели ничего не осталось? Хотя яичко завалящее! Хотя хлеба ломтик! — приговаривала она как заклинание.

Щелкнула дверца холодильника на кухне. И сразу же следом раздался торжествующий вопль:

— Отец, смотри!

Объемистый холодильник был битком набит продуктами. Даже оранжад в литровых бутылках, который Инга поглощала у Редлихов в опасных для жизни количествах.

— Тетя Эллен! — Инга была в восторге. — Смотри, ее коронный «кугель»! — Она набивала рот вкуснейшим тортом с изюмом. — И когда только успела! Ведь вроде бы никуда от нас не отлучалась.

— Вероятно, Вальтер привез вчера после работы, — я тоже был тронут их заботой.

— Вот еще! Сухарь он, твой Вальтер! Ему и в голову не придет. Распорядком не предусмотрено!..

В чем-то Инга была права, хотя и сильно преувеличивала, по своему обыкновению. Вальтер временами и меня раздражал своей четкой и непоколебимой запрограммированностью. В прошлый раз, когда я впервые после долгих лет приехал в Вену по его приглашению, он встретил меня у вагона, поздоровался, пожал руку — ну это, положим, в порядке вещей, я тоже не очень-то склонен ко внешнему проявлению чувств. Отвез к себе, переоделся. Снова вышел ко мне, улыбнулся, потрепал по плечу. Затем озабоченно посмотрел на часы:

— А теперь, Арвид, я удаляюсь в свой кабинет. С девятнадцати тридцати в течение часа у меня работа над темой.

— Сегодня не грех отложить тему в сторону.

Он покачал головой, снисходительно улыбаясь, словно неразумным словам малыша-несмышлениша:

— Невозможно! Даже если бы — не приведи господь! — умер кто-нибудь из моих близких, все равно в девятнадцать тридцать я сел бы за письменный стол. До двадцати тридцати... — У меня, наверное, был очень огорченный вид, потому что он тут же поторопился добавить: — Эллен покормит тебя — ты ведь, вероятно, проголодался с дороги. Через час я опять в полном твоем распоряжении. До двадцати одного. Ровно в двадцать один мы отходим ко сну.

И шагнул к себе в кабинет, бесшумно прикрыв за собой дверь, обитую каким-то темным пористым звуко- непроницаемым материалом.

Эллен с виноватым выражением на лице развела руками. Она была несравненно мягче Вальтера, но тоже жила по его программе.

— Бутерброды? Чай? Виски? Ты не стесняйся, Арвид!

— Если можно, лучше кофе.

Было обидно, хотя разумом я отчетливо и ясно понимал, что обижаться просто глупо. Каждый живет по своему разумению и своим привычкам, выработанным десятилетиями.

Минут через десять, когда мы с Эллен сидели возле уже начавшей урчать электрической кофеварки, в гостиной неожиданно возник Вальтер. По расширившимся от изумления глазам Эллен я понял, что это явление сверхъестественного свойства.

— Может, и для меня выкроится чашечка? — Он подошел ко мне, крепко сжал плечи. — Да, приятель, оказывается, старая дружба хуже крепкого вина. Вот ударило в голову — и не могу сосредоточиться, хоть убей! — Продолжая одной рукой придерживать меня за плечо, он другой подтянул стул, уселся рядом. — А, пусть! Имеет ведь человек право хоть раз в жизни сбросить с себя броню незавершенных дел!.. И знаешь, что именно мне вспомнилось, дружище, когда я насиловал свой мозг за столом?.. Как мы с тобой ночь напролет смотрели кино. Помнишь? Кажется, в сорок девятом это было. Или в пятидесятом...

И стал, хохоча, хлопая ладонью по колену, увлеченно рассказывать Эллен, как ребята в Союзе молодежи раз-

нюхали, что в венскую контору «Совэкспортфильма» поступило по одной служебной копии «Путевки в жизнь», «Чапаева», «Веселых ребят», и им всем до смерти захотелось посмотреть эти всемирно известные советские киноленты. Сунулись сюда, сунулись туда — ничего не вышло. И тогда Вальтер пришел за содействием ко мне:

— Арвид, сотвори чудо!

В то время мы уже были с ним близко знакомы. Я работал в газете Советской Армии для населения Австрии, с нами сотрудничало немало прогрессивно настроенных австрийцев. В их числе и Вальтер Редлих, молодой ироничный тиронец, участник антигитлеровского подполья в годы недавно отгремевшей войны. Читателям нравились его лаконичные, без лишней воды, обзоры книжных новинок, очень точные и категоричные в своих оценках рецензии на кинофильмы и спектакли, тоже немногословные. На свою историографическую науку, ставшую для него главным делом жизни, Вальтер переключился позднее.

С помощью своих друзей из советской части Контрольной комиссии по Австрии я и впрямь сотворил это маленькое чудо, вырвал для Вальтера и его ребят специальный киносеанс — глубокой ночью.

— Господи! А как эти коровы принялись слизывать с праздничных столов торты! А у нас у всех урчит в животе — кусочек торта был тогда пределом мечтаний... Четыре часа утра! Пять! А мы всё смотрим и смотрим! Чапаев мчится на коне! Белое офицерье идет в психическую атаку! И не можем мы никак оторваться! И вот уже совсем светло, а остается еще один фильм. И Арвид спрашивает, вежливо так, интеллигентно: «Не хватит ли, не устали?» Помнишь? И наш вопль в ответ: «Нет! Нет! Еще давай! Еще!»

Вот когда он снова стал прежним! Озорной прищур, ощущение сжатой пружины за неторопливостью речи, за внешней скупостью движений. Да, это был тот самый, прежний Вальтер!..

Но без пяти минут девять он вдруг встал. Эллиен тоже. Оба они попрощались со мной, пожелали спокойной ночи и ушли в свою спальню.

А я долго ошарашенно бродил по еще залитым солнцем, но почему-то пустынным улицам Вены. Лишь позднее сообразил, что так рано укладывается здесь спать не одна только семья Редлихов.

Вернулся домой, почитал, по своему обыкновению, до двенадцати. Потом ворочался без сна с боку на бок на жестком диване в гостиной.

Разбудил меня Вальтер. Мне показалось — среди ночи.

— С добрым утром! Хорошо спалось?

— Как?! Уже утро?

— Сейчас ровно четыре тридцать. Эллиен приглашает на завтрак. Поторопись, пожалуйста, Арвид. В четыре сорок пять я должен выйти из дому...

В молодости, когда мы сдружились, Вальтер не был таким. То есть и тогда уже он умел укрощать свою клочущую энергию и без малейших издержек направлять всю ее только на четко заданные цели, как, скажем, пускают по заготовленному руслу поток кипящего металла из домны. Но теперь, спустя много лет, наряду с прежней точностью и организованностью, качествами, которыми я, признаться, даже завидовал, в нем появилось еще и что-то от робота. Весь свой день — не день даже, а целиком сутки — Вальтер строил строго по графику. Как будто стоит ему только передержать где-либо минутку, и лопнет пружина, остановится раз и навсегда заведенный механизм.

Нет, он и шутил, и веселился, и подолгу барахтался после работы в теплой воде рукава Дуная, где они с Эллиен арендовали на все лето пляжную кабину. Но его четкий машинный распорядок держал меня в постоянном напряжении. Я все время посматривал на часы. Осталось еще полчаса, осталось еще пять минут... В голове словно отдавалось громкое тиканье чужого часового механизма.

Это нервировало и злило. По-моему, не только меня одного. Эллиен тоже, хотя она за многие годы и сумела приспособиться к такому образу жизни.

А Инга вот не желала приспособливаться, даже на несколько дней. То, пренебрегая правилами вежливости, ворвется к Вальтеру со своими вопросами, когда он с половины восьмого до половины девятого вечера священнодействует за своим письменным столом. То явится на завтрак, когда мы уже сидим на кухне, и мило щебечет:

— Ах, я, кажется, опять проспала!

Вальтер кисло улыбался и принимался мерно жевать: у них в семье было принято начинать есть только тогда, когда все являлись к столу.

Он всегда спокойно и терпеливо, даже благожелательно, отвечал на ее вопросы о Габсбургах — правда, и его они иногда заставляли врасплох, — никогда и ни в какой форме не делал замечаний за частые опоздания. Но я убежден, что в глубине души он был очень доволен, когда, наконец, его сослуживец отправился в свой горный отпуск и мы перешли на собственные хлеба в другую квартиру.

Глазастая Инга как-то заметила: уплатив за наш проезд в трамвае, Вальтер внес расход в свою записную книжечку. И сколько я ни уверял ее, что это вовсе не от жадности, а от аккуратности и любви к порядку, он с тех пор навсегда сделался для нее скупердям и сухарем.

Зная свою дочь, я боялся одного: как бы она не высказала ему все в глаза. Впрочем, вряд ли даже это смогло бы вывести его из себя. Скорее всего, он снисходительно улыбнулся бы в ответ и стал разъяснять преимущества такого образа жизни...

Неугомонная Инга, последовательно, кусок за куском уминная кугель, одновременно изучала квартиру, то и дело сообщая мне всё новые подробности:

— Телевизор цветной. «Телефункен»!

— Ковер в гостиной — закачаешься! Чистейший перс!

— На торшере абажур из настоящей кожи, только какой-то особой выделки. По-моему, японская работа... Ну, точно, вот: «Мейд ин Джепэн».

Обследовав спальню, она снова явилась ко мне в кабинет. Уселась в кресло прямо напротив, уже без кугеля, в своей излюбленной позе — подперев голову ладонями.

— Кому из нас спать на полу, отец? — спросила вкрадчиво.

— Почему на полу? В спальне две кровати. Одну перетасим. Четыре комнаты — слава богу, есть где развернуться.

— В спальне одна кровать.

— Двухспальная. Она разделяется.

— При помощи пилы?

— При помощи рук.

— Интересно! — Инга ехидно улыбалась. — Не покажешь ли, как это делается?

Пришлось встать и посмотреть самому.

Я был посрамлен. Гигантская кровать — что в ширину, что в длину — не растаскивалась. Одна рама, один такой же широченный матрац из поролона. И все! Ни кушетки,

ни дивана во всей квартире. Огромные мягкие кресла, но на них не поспишь. Великолепные стулья с мягкими сиденьями и спинками, но тоже не для сна...

— Может быть, раскладушка?

Посмотрели в кладовке. Никаких следов...

Девяти еще не было, и я позвонил Вальтеру Трубку взял он сам.

— Да-да, — услышал я размеренный деревянный бас.

И к этой постоянной неторопливой деревянности я тоже никак не мог привыкнуть. Все-таки тогда, в дни своей молодости, он иногда еще взбрыкивал, как юный козлик.

— Герр профессор, прошу извинить, что отрываю вас от плановых занятий.

— Я слушаю, — не слишком любезно ответил Вальтер, видимо не узнав меня.

— Вам знакомо такое русское слово: «раскладушка»?

— Что?! А, так это ты, товарищ профессор! — Голос слегка потеплел, но размеренность осталась прежней. — Раскладушка?.. Нет... Очевидно, это что-то из еды?

— Совсем наоборот, из мебели. Кровать, которая на ночь раскладывается, а на день убирается.

Я объяснил возникшую у нас неожиданную ситуацию.

— Нет ли у вас дома такой кровати?

— Нет, насколько мне известно... — Он помолчал недолго. — Знаешь, а ведь там, у вас, должна быть. Я сам привозил им с пляжа — у них такая же кабина, как и у нас.

— Исключается! Мы с Ингой тут все кругом осмотрели.

— Подожди... — Мне было слышно, как он позвал: «Эллен! Эллен!» Потом они обменялись невнятными репликами. — Слушай, Арвид, спустись-ка вниз и посмотри там.

— Куда вниз? В подвал?

— Ну да! Ключи должны висеть где-нибудь на кухне. Поищи хорошенько. Эллен говорит, они все ненужное убирают вниз. Я бы сам приехал, но еще чувствую себя неважно. Пришлось принять успокоительное.

— Никакой необходимости, герр профессор! Справимся сами. Спокойной ночи!

Ключи нашлись сразу. Они висели на виду, у холодильника, на предназначенной для них дощечке со специальными гнездами и подробными надписями под каж-

дым: «От входа в подвал», «От двери подвальной комнаты», «Запасной ключ от входной двери»... Тут же рядом, на полочке, был предусмотрительно положен электрический фонарик-жучок.

На лестничной клетке царила тишина. Я вызвал лифт и, пока он, слегка постукивая, поднимался на шестой этаж, оглядел площадку. На нее выходили двери четырех квартир. Медные таблички с фамилиями владельцев, овальные пластинки с выгравированными номерами квартир, циновки в прямоугольных углублениях перед дверьми. Все добротно, солидно, основательно. В доме проживали состоятельные люди.

Мне показалось, что дверь квартиры прямо против лифта чуть приоткрыта и за мной оттуда наблюдают. Но в этот момент лифт, негромко звякнув, остановился на моем этаже и почтительно раздвинул створки. Я вошел, нажал кнопку с надписью «Подвал» и стал спускаться.

Наблюдают? Ничего удивительного. Новый человек, притом в квартире, откуда всего только день или два назад уехали в отпуск.

Впрочем, до сих пор никто из тех, с кем я днем встречался на лестнице, не проявил ко мне никакого интереса. Вежливое поднятие шляпы, легкий кивок. «Добрый день» — и все. Как будто я живу здесь уже долгие годы. А ведь чужому не так-то просто войти в дом. Подъезды на замке, у каждого обитателя ключ.

Входная дверь в подвал открыта, внутри горит яркий свет. Пожилой мужчина в комбинезоне, в плоском беретике возится у распахнутой дверцы кабельного шкафа, куда сходятся концы телефонных проводов со всего дома. Возле него, на полу, стоит аккуратный, на манер модного прямоугольного портфеля «атташе-кейс» черный ящичек с инструментом.

— Добрый вечер!

— Могли бы и не утруждать себя, уважаемый господин! — Он повернулся ко мне с недовольным видом. — Я ведь сказал: повреждение пустяковое. Уже и готово.

— Рад слышать. Только сказали вы это кому-то другому. Мой телефон в полном порядке.

Он присмотрелся ко мне, потное красное лицо расплылось в извиняющейся улыбке:

— Ох, простите, теперь я вижу!.. Этот господин из соседнего дома уж такой беспокойный: «Я с вами, я с ва-

ми...» А зачем он мне нужен? Терпеть не могу, когда я работаю, а они глазек... Ну вот! — Он захлопнул металлическую дверцу, вставил отвертку в замочную скважину, повернул. — Старье! Давно тут пора все менять — и телефонный кабель, и электропроводку. Экономят! А если пожар? Влетит тогда эта экономия в копейчку. А впрочем, им-то что? Страховой компании — вот той придется раскошеливаться!

Мужчина быстро собрал инструмент и, попрощавшись, вышел. А я отправился искать свой сарайчик. Впрочем, слово «сарайчик», с которым у нас связано определенное представление как о чем-то вспомогательном, временном, а потому и не обязательно тщательно обихоженном, сюда никак не подходило. В подвале тоже, как и на лестнице, царила идеальная чистота. Ряды крашенных белой масляной краской дверей по обе стороны длиннющих коридоров. Такие же медные пластинки с номерами, как и на квартирах. Такие же циновки, разве что повытертее, вероятно отслужившие свой срок у парадной, но еще вполне годные к употреблению.

Сорок пять, сорок семь, сорок девять... А на другой стороне? Сорок четыре... Сорок шесть... «Внимание! Распределительный щит. Будьте осторожны!» ...Сорок восемь...

Нет, мне не сюда — в левый коридор.

Пришлось вернуться. Да, все верно. Двадцать три, двадцать пять.

Нужную мне дверь под номером «двадцать семь» я обнаружил в самом конце коридора. Точнее, помещение за ней являлось его прямым продолжением. Видимо, прежде здесь был сквозной проход, а потом по каким-то соображениям его перегородили. Может быть, хозяин продал часть дома и захотел отделиться.

Этот район города считается самым старым в Вене. Здесь еще до нашей эры размещался укрепленный лагерь римлян — Виндобона. Можно себе представить, сколько раз здесь все строилось, перестраивалось, разрушалось и строилось вновь. Наш дом, как и все дома вокруг, стоит на наслоениях десятиков эпох.

Подвальная комната оказалась довольно узкой, зато длинной. В середине стоял стол для пинг-понга и, по всему судя, его не просто выставили за ненадобностью, а сюда приходили играть. Вдоль всей левой стены тянул-

ся шкаф с многочисленными дверцами, к правой прислонены три-четыре складных стула. Очевидно, на них отдыхали свободные от игры. В противоположной стене — дверь, обитая жостью и закрытая на задвижку.

В комнате было довольно светло, не пришлось даже зажигать электричества. От самого потолка до середины правой стены спускались три окна, выходившие во двор. Сквозь одно из них виднелось автомобильное колесо. Машина стояла почти вплотную к стене дома.

Раскладушки в шкафу не оказалось. Зато я извлек оттуда пляжный надувной матрац в ярких разноцветных полосках. Что ж, на крайний случай пригодится и он.

Но где же все-таки раскладушка? Уж не увезли ли хозяева ее с собой в горы?

Я подошел к двери, обитой жостью. А что, если это подвальное помещение состоит из двух комнат?

Оттолкнул задвижку, дверь открылась со скрипом.

Длинный коридор, точно такой же, по которому я шел сюда. И такие же окна под потолок.

Это уже другой дом. Вернее, другая половина дома, со своим собственным двором, со своим фасадом, выходящим на соседнюю улицу, параллельную нашей. Я мысленно прикинул, на какую именно. Наверное, тот переулок, который начинается за знаменитыми музыкальными часами с многочисленными движущимися фигурами, ежедневно привлекающими к себе толпы зевак. Как он называется? Кажется, Юденгассе?

Торопливо, с каким-то чувством неловкости, словно невзначай попал в чужую квартиру, я захлопнул дверь. И тут же увидел раскладушку, такой же яркой расцветки, что и матрац. Она стояла у входа в подвальную комнату, на самом виду. И не заметил я ее сразу лишь только потому, что, пока искал в шкафу, ни разу не обернулся...

Прибыв благополучно на поскрипывающем лифте на шестой этаж, я стал вытаскивать свои трофеи. Надувной матрац я тоже прихватил с собой; решил, что на нем все-таки удобнее, чем на голой раскладушке.

Дом уже спал, не слышно было даже радио, и я старался не шуметь, придерживая одной рукой неподатливые пружинистые створки лифта, а другой осторожно выволакивая раскладушку. Мне казалось, я не произвожу ни малейшего звука. И поэтому я очень удивился, когда вдруг услышал рядом дребезжащий старческий голос:

— Что это вы делаете, интересно?

Я обернулся. Дверь против лифта приоткрыта, но говорившего не видно.

— Устраиваюсь на ночь, с вашего позволения.

— Следовало бы побеспокоиться днем.

— Вы совершенно правы. Но днем я еще не знал, что мне придется этим заняться.

— Не знали, что ночью придется спать?.. Вы из какой квартиры?

Голос был строгим, в нем явственно звучали нотки подозрения.

— Из двадцать седьмой... Вы не беспокойтесь, пожалуйста.

— Как из двадцать седьмой?

Дверь открылась, и я увидел маленькую сгорбленную старушку в длинном черном платье с кружевами и почему-то в соломенной шляпе с букетиком искусственных цветов. В руке она держала трость набалдашником книзу. К ее высоким зашнурованным ботинкам жалась крохотная тонконогая собачонка.

— Добрый вечер, мадам! — Я поклонился, улыбаясь как можно дружелюбнее, чтобы продемонстрировать полное отсутствие враждебных намерений: трость она захватила с собой явно в целях самообороны. — Меня звать Арвид Ванаг. Я со своей дочерью Ингой вселен на время в двадцать седьмую моим другом профессором Вальтером Редлихом.

— Но ведь там ремонт! — У старушки было подвижное, все в морщинах лицо и очень живые черные глаза. — Еще вчера поздно вечером ремонт там шел полным ходом!

— Вы ошибаетесь, мадам. Господа Шимонеки, хозяева квартиры, несколько дней назад отбыли на летний отдых, передав ключи профессору Редлиху. А сегодня с утра в квартиру вселились мы.

— Я не ошибаюсь! Я не ошибаюсь никогда! — Она сердито пристукнула тяжелым металлическим набалдашником трости по плиткам пола, и собачонка, тоненько взвизгнув, метнулась внутрь квартиры. — Не бойся, Альма, нельзя же быть такой трусихой!.. Два вечера подряд там что-то скоблили, в вашей квартире. Я как раз решила кончать со снотворным и вертелась без сна в постели. И, надо вам сказать, злилась ужасно. Не самое подходя-

щее время для такого рода дел! Хоть и негромко, а все равно мешает, особенно если не можешь уснуть. А вчера вечером, тоже достаточно поздно, настало уже время прогуливать Альму, рабочий вынес в ведре штукатурку — я совершенно случайно подглядела в глазок. Так что же это, если не ремонт? Как это еще называется, по-вашему?

Странно... Вальтер не говорил мне ни о каком ремонте. Скорее всего, он и сам ничего не знал. Ремонт... В отсутствие хозяев... Перед самым нашим вселением... А старушка стояла рядом и, подняв голову, с величавой суровостью ожидала моего ответа.

— Вы правы, мадам. Судя по всему, это и в самом деле был непредвиденный ремонт. Возможно, прорвало трубы, обвалился потолок, еще что-нибудь в этом роде.

— А ключи? Они ведь были, вы говорите, у вашего друга.

— О, это просто! Шимонеки могли оставить запасной комплект в дворницкой. Так что приношу вам извинения, мадам, за свою невольную вину.

— Вот видите, я все-таки была права. — Ее взгляд смягчился. — Элизабет Фаундлер. — Она протянула мне сморщенную коричневую руку для поцелуя. — Из Тироля. Из Южного Тироля! — добавила она со значением.

— Но ведь он, кажется, в Италии?

— «Кажется!» Хорошенькое дело — кажется! Южный Тироль в Италии с тех пор, как император Франц-Иосиф проиграл ту дурацкую войну. Я из местечка Лавис. Не знаете? Только не из того Лависа, что возле Тренто; тот Лавис жуткая дыра. Я из Лависа, что у Больцано, курортный Лавис. У нас там вилла. Прекрасная вилла в горах. А Ирен взяла да и вышла замуж за венца. Вот этого! — Она сердито постучала тростью. — Всю зиму я живу там. Одна. Караулю виллу. А летом они уезжают туда. А я приезжаю сюда. Тоже караулю, только не виллу, а квартиру. И тоже одна. Хотя нет, не одна, с Альмой... А вы нас дважды вспугнули, — она смотрела на меня с укоризной.

— То есть?

— Хозяева дома запрещают водить собак во двор. Вот и приходится... когда все сладко спят. Мы собрались — и тут вы. Мы переждали, собрались снова — и опять вы. Со всем этим скарбом. — Она скользнула взгля-

дом по матрацу и раскладушке.— Альма, Альма! Пошли! Путь свободен. Вы не выдадите меня, надеюсь? Запретить — придумали же! Как будто собаки не живые существа и могут обходиться без прогулки... А вы производите впечатление вполне порядочного человека. Как, вы ска-зали, ваша фамилия?

— Банаг. Арвид Банаг.

— Австриец? Венец?

Я рассмеялся:

— А разве это не одно и то же?

— Глубоко заблуждаетесь, молодой человек. Австрий-цы — это тирольцы, штирийцы. Каринтийцы, на худой ко-нец. Но не венцы. Ни в коем случае не венцы! Венцы... это венцы.

— Нет, я не австриец и не венец.

— И слава богу! Строго между нами говоря,— она огляделась, словно нас могли подслушать, и заговорщи-чески приблизила ко мне свое сморщенное лицо с моло-дыми ясными глазами,— между нами говоря, я их недо-любиваю... Может быть, потому что мой милый зять... Все! Все-все-все! — Она остановила сама себя, решив, что заходит слишком далеко.— Итак, Англия? Нет?.. Фран-ция? Испания?.. Тоже нет? Скандинавия?

— Россия, мадам. Советский Союз.

— О! — Она посмотрела на меня с новым интересом.— О! Я видела живых русских только по телевизору. Пред-ставьте себе, такие же люди, как мы с вами. Такие же люди... О!.. А теперь извините, Альма больше не может ждать!.. Пошли, Альма!

Собачонка шустро вскочила в лифт. Мадам Фаундлер проследовала за ней и, строго посмотрев на меня, при-ложила палец к губам.

Дверь мне открыла смеющаяся Инга.

— Подумать только: такие же люди, как мы!

— Ты слышала?

— Убиралась в коридоре — что-то тут вроде как мел рассыпан, пачкает пол. И вдруг доносится с площадки: «Что вы тут делаете?» Это когда она тебя остановила... Забавная старушка! Настоящий вопрос. А потом и сама разболталась.

Я все ждал, спросит ли Инга про ремонт? Нет, не спросила. Ингу ремонт не заинтересовал. А у меня он из головы не выходил. Что тут, в квартире, потребовалось

ремонтировать так срочно? И почему Вальтер ничего не сказал мне про ремонт? Он что, тоже не знал? Судя по всему, нет.

Инга решительно отказалась от двухспальной кровати и постелила себе на раскладушке в гостиной. Дверь в спальню, где лег я, она оставила открытой. Время еще было, по нашим понятиям, не позднее. Спать не хотелось ни Инге, ни мне. Она болтала о всяких пустяках, потом стала расспрашивать о Вене первых послевоенных лет.

— Где вы тогда жили с мамой?

— На Зингерштрассе. Это довольно близко отсюда. За собором святого Стефана. Там напротив кабачок со смешным названием: «Три топора». Говорят, его завсе-гдаем был Франц Шуберт. Интересно, уцелел ли?

— Сходим?

— Непременно! Вот только разделаюсь завтра с обя-зательной программой, и пойдем тогда бродить по всем нашим с мамой местам.

Инга замолкла. Я уже подумал — задремала. Мне это было на руку. Требовалось кое-что предпринять, и я не хо-тел, чтобы она видела.

Подождал немного для верности. И вдруг она спро-сила:

— Отец, а какая у тебя была цель в жизни?

Голос бодрый, свежий, и я понял, что она не дремала, а о чем-то думала.

— Почему «была»? Я еще жив.

Инга рассмеялась.

— Я имею в виду твою юность. Когда ты работал в подполье в Латвии.

— Мировая революция.

Снова раздался ее тихий смех. Точно так же смеялась Вера. Удивительно, каким неожиданным образом повто-ряются родители в детях.

— Я серьезно, отец.

— Я тоже.

— Смотри-ка! На меньшее ты не был согласен?

— Нет, я был жутким максималистом.

— А теперь?

— И теперь.

— Например?

— Например, мне жутко хочется спать.

Она помолчала.

— Ты полагаешь, со мной нельзя говорить серьезно?

— Почему же? Когда я тебя просил не беспокоить по пустякам Редлихов, я говорил совершенно серьезно.

Кажется, этого хватит. Инга обиделась и больше заговаривать не будет. Но к утру все пройдет: Инга отходчива. Это качество она тоже унаследовала от Веры.

Во втором часу ночи я встал, взял на столике рядом с кроватью подготовленные заранее спички, сигару. Хотя я и давно уже бросил курить, но всегда, когда уезжал из дому, брал с собой две-три сигары. Мне нравился их запах, он как-то примирял меня с чужими комнатами, где приходилось жить, действовал по-домашнему успокаивающе.

Инга сказала: в коридоре следы мела. Скорее всего, это не мел, а штукатурка. И если мое предположение верно...

Я вышел в коридор, сунул в рот сигару. Чиркнул спичку о коробок.

В верхнем углу против входа, между стеной и потолком, среди лепных украшений, сверкнул ответный огонек. Сверкнул и погас вслед за спичкой. Но мне уже этого было достаточно.

Не спеша я раскурил сигару, пустил несколько клубов дыма. Заглянул на кухню, в ванную, повсюду зажигая спички. Подносил их к кончику дымящейся сигары, одновременно внимательно наблюдая за потолком и стенами. Нет, как будто нигде больше не отсвечивало.

Вернулся в спальню, лег. Вентилятор старался всюду, разгоняя духоту. Но разогнать тревожные мысли он не мог. Что ж, все ясно. Огонек моей спички отразился в миниатюрном объективе телевизионной камеры, установленной перед нашим вселением в коридоре квартиры.

Мы с Ингой находились под наблюдением. Кому-то потребовалось поместить нас под колпак.

Но почему? Зачем? Кого мог заинтересовать в Вене советский ученый, доктор исторических наук, специалист по истории коммунистических партий Прибалтики? И какую пользу для себя собирались эти люди извлечь из наблюдений за входной дверью квартиры?

Или я интересую их вовсе не как ученый, не как историк, а просто как Арвид Ванаг? Как комсомолец-подпольщик, якобы подписавший некогда тайное обязательство о сотрудничестве с латвийской охранкой?

Неужели это возможно?

Неужели только теперь, спустя больше чем тридцать лет, выполз, наконец, на свет божий из мрака запыленных архивов этот плотный белый лист с моей собственноручной росписью под коротким, но емким текстом?

А может быть, я зря ломаю себе голову? Может быть, совсем другое? Ну, например, Шимонеки, отсутствующие хозяева квартиры, привлекли к себе чье-то пристальное внимание, и мы с Ингой здесь совершенно ни при чем?..

ГРОМКИЙ ЗВОНОК

раздался рано утром. Я, сразу проснувшись, ринулся в коридор к телефону. Бросил беглый взгляд на часы: четверть седьмого. Кому взбрело в голову звонить в такую рань?

— Ванаг у телефона... Алло! Алло!

В ответ непрерывный гудок.

И снова звонок. Что за наваждение!

— Домашний телефон! — подсказала Инга из гостиной.

Верно! Я совсем забыл. Посторонний человек, чтобы попасть в наш дом, должен предварительно попросить через микрофон внизу, у подъезда, разрешение у хозяина соответствующей квартиры. И тот уже решает: пускать или не пускать.

Я снял трубку другого телефонного аппарата, висевшего на стене у самого входа. Интересно, телевизионная камера работает круглые сутки? Или она включается автоматически, каждый раз, когда кто-то попадает в ее поле зрения?

— Слушаю.

— Доброе утро, Арвид.— Говорила Эллен.— Впусти меня, пожалуйста.

— Ты внизу? Сейчас я спущусь.

— Зачем же? Нажми красную кнопку возле телефона.

— Ах, да-да!

Некоторые здешние удобства казались мне лишними, ненужными. Вполне можно было обходиться без них, и поэтому я просто-напросто забывал об их существовании. И заработал от пробегавшей в ванную комнату своей злоязыкой Инги:

— Деревня! Тебя в порядочное государство и пускать нельзя!

— А по-моему, проще держать открытым подъезд.

— Чтобы в него набегала всякая шушера?

Эллен вошла свежая, улыбающаяся. Удивилась:

— Еще спали?

— Поздно легли вчера.

— Слушай, Арвид, если здесь вам не очень удобно, Вальтер может подобрать другое место. У него десятки друзей, и каждый из них с удовольствием примет у себя советского профессора, да еще с такой милой дочуркой.

— Нет, нет, нет! — Инга среагировала моментально. — Тут просто замечательно, тетя Эллен! Мы с отцом великолепно устроились.

— Ну смотрите. — Эллен выложила на кухонный стол бумажный пакетик. — Свежие венские булочки к утреннему кофе... А это билет для Инги. — Рядом с пакетиком лег продолговатый желтый листок. — Экскурсия в Шенбрунн, автобус отходит в восемь. Не опоздай!

— Спасибо, тетя Эллен, большое спасибо! — Инга выскочила из ванной, обняла ее порывисто.

— Ну, ну!.. Я побежала. Мне в управление, это не слишком близко.

За завтраком Инга без умолку разглагольствовала об Эллен. Инге казалось, что Вальтер просто недостоин такой жены. Тиран, эгоист, бессердечный сухарь.

— И все-таки они живут вместе скоро тридцать лет, — заметил я.

Но у Инги своя логика:

— Тем хуже! Значит, скоро тридцать лет, как он ее тиранит... Скажи, а мама была с ним знакома?

— Конечно. Он не раз приходил к нам на Зингерштрассе. Однажды мама даже угостила его борщом... Не пожимай плечами, в Вене тех лет это было не так-то просто. Продукты шли наравне с сигаретами, а сигареты — наравне с золотом.

— Ну и как же все-таки?

— Ему очень понравилось. Съел все до доньшка, сказал спасибо и попросил еще.

— Отец! Я не о борще!

Инга сделала вид, что злится, а я, в свою очередь, изобразил на лице удивление. Это была своего рода игра, ставшая для нас уже привычной.

— А о чем?

— Об отношении мамы к Вальтеру.

— А-а... Знаешь, он был такой веселый, такой остроумный и прекрасно танцевал... Я просто сгорал от ревности.

Инга фыркнула:

— Значит, он ей нравился?.. Удивительно! А ты все твердишь, что я очень похожа на маму!..

До оперного театра, откуда начинался экскурсионный маршрут, было недалеко. Я хотел проводить Ингу, но встретил решительный отпор. Время от времени у нее возникали рецидивы детства, и тогда вспыхивала война против моей мелочной опеки. А сказать ей о своем ночном открытии я не решался. Это могло ее напугать. Либо, наоборот, предприимчивая Инга приступила бы к самостоятельным действиям. Так или иначе, это внесло бы нежелательные осложнения в нашу жизнь.

Надо было сначала хорошенько разобраться во всем самому. Пока еще ровным счетом ничего не случилось. Телевизионная камера, направленная на входную дверь, говорила лишь об одном: интересуются не столько мною, сколько посетителями, приходящими сюда, в квартиру. Но я никого не ждал и никого не собирался приглашать к себе. Ну, засекли приход Эллен со свежими булочками. Ну, засекут еще Вальтера.

Что это может им дать?

Нет, не следует ничего предпринимать. Пусть пока все идет своим чередом.

Вальтер ждал меня у себя в библиотеке. На сей раз мой приезд в Австрию тоже носил частный характер, но по его просьбе я должен был выступить с публичной лекцией о Советской Прибалтике. Вальтер придавал моей лекции большое значение. И вероятно, не без оснований, так как по поводу установления Советской власти в республиках Прибалтики на Западе долгие годы извергались целые реки грязной клеветы и всевозможных измышлений.

Сегодня нам предстояло вместе с ним договориться о месте и времени проведения лекции с ее организаторами из недавно созданного общества с длинным наименованием. Полностью оно звучало так: «Независимая исследовательская ассоциация по изучению связей и улучшению взаимопонимания между людьми Востока и Запада». Для

удобства вместо этого чересчур уж сложного названия применяли сокращенное: «Восток — Запад».

Общество не принадлежало к числу официальных институтов, а носило любительский характер, существуя за счет всевозможных частных пожертвований, и это его желание провести мое выступление под своей эгидой, как считал Вальтер, служило верным признаком усиления интереса к СССР в самых различных слоях населения Австрии.

Вальтер работал научным руководителем по отделу истории одной из крупнейших библиотек Австрии. Библиотека размещалась в бывшем дворце кого-то из Габсбургов, не то брата, не то дяди последнего из императоров Франца-Иосифа. Египетские фараоны всю жизнь строили пирамиды, чтобы почтить там вечным сном. Австро-венгерские кайзеры, наоборот, строили свои дворцы для того, чтобы в них наслаждаться жизнью. Но это редко кому удавалось. Здания из тщеславия и жажды славы затевались таких грандиозных размеров, что строили и достраивали их в течение нескольких поколений. В итоге они доставались совсем не тем, кому поначалу предназначались. Тот самый брат или дядя лопнул бы от злости, если бы узнал, что дворец, который должен был утвердить его славу и величие, займет какая-то библиотека, пусть даже из сотен тысяч томов. А о нем самом будет напоминать лишь безвкусный памятник из позеленевшей бронзы, каких в Вене десятки на каждой мало-мальски приличной улице и площади, и которые примелькались глазу так же, как безликие чугунные столбы с гроздьями фонарей.

В кабинет к Вальтеру пройти не просто — путь пролегал через хранилище старинных рукописей. Но он предупредил смотрителя о моем предстоящем приходе, и тот, вежливо пропустив меня вперед, сразу же повел мимо полок с бесконечными рядами металлических коробок.

— Господин профессор, к вам гости!

— Приветствую, товарищ профессор! — Вальтер, широко улыбаясь, поднялся мне навстречу из-за просторного с резными тумбами письменного стола. — Ну как твоя эта... раскладушка? Достаточно ли удобна?

— Об этом спроси Ингу. Мне по праву старшего досталась кровать.

— Я уже договорился с Францем — там, где ты жил

в прошлый раз. Можешь перебираться хоть сейчас: он с семьей на даче. Правда, это почти окраина. Я предвижу, Инга будет недовольна: от Габсбургов далековато.

— Не стоит, пожалуй. Элден мне уже говорила.

— Ну смотри. Здесь, конечно, удобнее... Да, я ведь вас еще не познакомил.

Только теперь я заметил, что в просторном, с высоким сводчатым потолком кабинете Вальтера мы не одни. В стороне, у книжного шкафа из того же резного гарнитура, что и письменный стол, стоял тщедушного вида мужчина с седым венчиком волос вокруг розовой лысой макушки. Вальтер представил нас друг другу:

— Профессор Арвид Ванаг... Профессор Отто Гербигер.

— И профессор Вальтер Редлих! — рассмеялся я. — Не слишком ли много ученых мужей для одного, хоть и такого просторного, кабинета?

— А! — махнул рукой Гербигер. — У нас в Вене на каждый квадратный метр площади по пять докторов и полтора профессора.

— А собак на всю Вену пятьдесят тысяч! — подхватил шутку Вальтер. — Разводили бы лучше псов. И дешевле, и безопаснее — собаки, как правило, только лают.

— Это он потому, что его сегодня укусили. — У Гербигера были кроткие голубые глаза; он походил на святого, сошедшего с картин мастеров Возрождения.

— Какая-нибудь газета? — догадался я.

— Да, рецензия в «Курире». Так, бестолковщина, элементарная неграмотность! — Все-таки по тону Вальтера чувствовалось, что он уязвлен. — Не стоит об этом.

Он укоризненно посмотрел на Гербигера, тот слегка покраснел:

— Извини, я с полным к тебе сочувствием.

Негромко постучали в дверь. Снова вошел смотритель.

— Господин профессор Редлих, вас приглашает к себе директор.

Вальтер поморщился:

— Еще один сочувствующий!.. Ну, вы пока побеседуйте. У вас, я думаю, найдутся общие темы для интересного разговора. А потом, Арвид, поедем с тобой в научное общество «Восток — Запад». Я условился с ними на одиннадцать.

Мы остались с Гербигером вдвоем.

И тут он меня поразил.

— Будучи на вашем месте, я не стал бы в данный отрезок времени следовать приглашению навестить Вену, — сказал он на очень приличном, хотя и по-старомодному витиевато-церемонном русском языке. — Наша милая добрая старая Вена в настоящий период не представляет собой слишком спокойную обитель. Вы читали в прессе об этих отвратительных скандалах с клопами из ФРГ?.. Нет, нет, не с кровососущими насекомыми, — улыбнулся он, истолковав по-своему удивленное выражение на моем лице. — «Клопы», по новомодной терминологии, — это крохотные предметы для подслушивания разговоров по телефонной аппаратуре. Это ужасно! Ужасно!

— Как хорошо вы говорите по-русски! — Мне нужно было выиграть время, чтобы оценить обстановку. — Откуда?

— От верблюда, — прозвучало уж совсем неожиданно. — Извините меня, — снова застенчиво улыбнулся Гербигер, — но трудно было удержаться от соблазна... Дело в том, что я довольно долго жил в вашей стране. С тридцать девятого по сорок седьмой. Восемь лет. Весьма значительный срок, не правда ли? Не желаете ли знать, где именно?

— Если не секрет.

— В отличие от некоторых господ, с которыми вам предстоит сегодня встретиться, у меня нет решительно никаких секретов, — сказал Гербигер довольно загадочно. — В Москве. И в Свердловске. И в Сибири.

— Вот как, и в Сибири тоже?

— Да, в Новосибирске, во время войны. Я работал там в театре. Бутафором. Не смейтесь, пожалуйста, я и это умею. А после войны стал проситься обратно к себе в Вену. Я был вынужден покинуть Вену при владычестве Гитлера, у меня здесь никого не осталось, ни одного даже дальнего родственника. И потянуло! Зачем? Для чего? Кому я тут нужен?

Кончики его век покраснели. Голубые глаза наполнились влагой. Он отвернулся, узкие плечи вздрогнули и обмякли. Я поторопился налить воды из графина.

— Ничего, ничего, не извольте беспокоиться, товарищ Ванаг! — Он мягко отвел мою руку со стаканом. — Надеюсь, вы разрешите называть вас товарищем? Я ведь, собственно, не имею на это права. В компартии я не со-

стою, советским гражданином не являюсь... Да, да, товарищ Ванаг, Вена, к превеликому нашему сожалению, перестала быть безопасным местом — я опять возвращаюсь к давешнему разговору. Даже «Восток — Запад». Вы ведь как раз туда собираетесь.

То ли он зачем-то нагонял на меня страху, то ли сам был напуган до смерти.

— Должен ли я вас понимать так, что меня там могут убить? Или похитить?

— Напрасно изволите шутить, товарищ Ванаг. Если бы вы знали хотя бы частицу того, что ведомо мне... Я знаю по крайней мере двоих господ... — Словно сомневаясь, пойму ли я, он показал для убедительности два пальца. — Вы, разумеется, осведомлены о некоей организации с аббревиатурным названием ЦРУ?.. Так вот, эти двое — ее сотрудники. Ужасно! Ужасно! — снова запричитал он. — Конечно, доказать я ничего не могу, но почти стопроцентная гарантия.

— Однако вы неплохо осведомлены.

— Как же! Я ведь сам состою у них на службе.

— В ЦРУ?

Кроткие глаза испуганно расширились, потом он рассмеялся, тихо, почти неслышно.

— В научном обществе «Восток — Запад». Ученым библиотекарем, всего-навсего... Не буду скрывать: в начальный период моей работы одним из тех двоих была произведена слегка замаскированная попытка подобрать ко мне. Но вскоре он понял, что совершает ошибку. Нужна исключительная способность к воображению, чтобы представить меня в качестве шпиона. — Гербигер снова беззвучно рассмеялся. — А вот для научного общества я вполне полезен. И не одними только своими скромными познаниями в библиотечном деле, хотя и как служащий я почти идеален: даже законными вакациями пренебрегаю — к чему мне, одинокому, отдых? Другое вполне важное обстоятельство. Общество носит название «Восток — Запад», а у них представлен почти один только Запад. Франция, Англия, США... Мало, чрезвычайно мало людей, знающих Восток. Вот тут профессор Гербигер очень и очень к месту, не правда ли? Жил в Советском Союзе, знает в какой-то мере язык, лоялен к русским, даже глубоко симпатизирует им... Коротко говоря, профессор Гербигер — это как бы лицо общества, обращен-

ное на Восток. О-о, если бы только у вас нашлось желание и время, как много я мог бы поведать вам о нашем двуликом Янусе!

Он явно напрашивался на встречу со мной. Не заметить этого, промолчать было бы бестактно, и я сказал:

— Послушаю с большим удовольствием. Вижу, вы многое повидали в своей жизни.

— Благодарю! — он обрадованно схватил мою руку, пожал крепко. — Вы верите мне?

— Почему же я должен вам не верить?

— Только, пожалуйста, пожалуйста, не говорите никому о нашем разговоре! И Вальтеру тоже, да? Нет-нет, он очень хороший человек, но у него так много знакомых... И еще одна просьба. Когда будете в нашем обществе, меня, возможно, вам представят. Пожалуйста, не подавайте виду, что вы меня уже знаете; Вальтера я тоже предупредил. Ничего особенного, просто тот человек за мной присматривает и следствием могут явиться небольшие неприятности. Зачем они, не так ли? Я вас разыщу потом, если не возражаете. Вальтер говорил мне, что вы на квартире Шимонекков. Я позвоню, их телефон наверняка есть в справочнике, и мы условимся о встрече. Хорошо? И на лекцию вашу я явлюсь всенепременнейше. Но прошу: будьте осторожны, очень осторожны!

На какое-то мгновение у меня возникло желание предупредить его, чтобы не звонил: уж если там установлен телеобъектив, то и телефон наверняка прослушивается. Но все-таки я промолчал. Как объяснить, что у меня возникло такое подозрение? Сказать ему про глазок в стене?

Гербигер ушел, так и не дождавшись Вальтера. Что-то уж слишком долго выражал ему сочувствие по поводу критической статьи в газете директор библиотеки!

Он вернулся лишь в половине одиннадцатого.

— Не беспокойся, Арвид, у нас еще уйма времени. Тут всего каких-нибудь десять минут езды.

— Что твой шеф?

— А! Старый осел! Он хочет, видите ли, сам написать другую рецензию, хвалебную. А у него такая научная репутация — пусть уж лучше кто-нибудь поругает. Еле отговорил... Что так смотришь? Думаешь, я расстроен? Ничуть! Наоборот! Критика всегда вызывает интерес. Некоторые тут у нас специально заказывают ругательные статьи своим добрым знакомым. А то и платят.

Он снял ослепительно белый халат, который всегда носил на работе, аккуратно расправил и повесил в шкаф на плечики, сняв с них предварительно пиджак.

Даже в самую жару Вальтер не позволял себе появляться на людях без пиджака. Давным-давно уже минуло то время, когда он носился по Вене на стареньком тарахтящем мотоцикле в коротких замшевых штанах на помочах, аккуратно пристроив к заднему сиденью тощий портфель с очередным книжным обозрением для нашей газеты.

Машину Вальтер водил виртуозно. Ехал вроде бы и не быстро, но с тонким расчетом, всегда оказываясь возле светофора именно в тот миг, когда загорался зеленый и он мог на скорости обойти скопление автомобилей. На поворотах всегда притормаживал и вежливо пропускал пешеходов, даже если имел преимущество перед ними. И все равно каким-то непостижимым образом оказывался впереди всех лихачей, которые проскакивали, распугивая народ, раньше него.

За рулем Вальтер разговаривал редко, лишь односложно отвечая на вопросы. Но тут спросил меня сам:

— Как тебе Гербигер?

— Еще не разобрался. Во всяком случае, интересно.

— Станный человек. Всего боится, от всего бежит... Русским он действительно владеет? Или только хвастает?

— Очень прилично.

Я не сказал Вальтеру об архаизмах. Слишком долго объяснять. Да и не к чему.

— Судьба у него — не позавидуешь. — Вальтер коротко посигналил неосторожному босоногому юнцу в джинсах. — Он тебе не сказал, что сидел при всех режимах?

— Нет.

— Его посадил наш Дольфус, потом одержимый Адольф. Потом он бежал в Польшу, там тоже посадили. Освободили Советы. А затем он и при Советах сел: заподозрили его в преступной связи с немцами. Ненадолго, правда. Перед самой войной выпустили... Жалкий человек. Ни семьи, ни родных — никого! Была близкая женщина, такая же одинокая, как он. Погибла недавно в автомобильной катастрофе. Он чуть не помешался... Ну, вот мы и на месте.

Он замедлил ход, отыскивая свободное место для стоянки. В центре Вены это было не так-то просто. Иной

раз приходилось дважды, а то и трижды объезжать квартал, чтобы хоть куда-нибудь втиснуться.

На этот раз нам повезло. От тротуара отчалила какая-то дипломатическая каравелла с цветным флажком на радиаторе, и Вальтер ловко всадил свою верткую «шкоду» на освободившееся место, перед самым носом целившего сюда же черного «мерседеса» с шикарными сиденьями из красной кожи.

— Зевать не надо! — заключил он весело, поворачивая замок в дверце машины.

Из «мерседеса» не отозвались.

Научное общество «Восток — Запад» размещалось, как и библиотека Вальтера, в великокняжеском дворце. Только не в парадных апартаментах, предназначенных для пышных приемов и балов, а в жилых помещениях бывших его владельцев, маленьких неудобных комнатах вдоль длинного коридора на самом верхнем, не видимом с улицы за шикарной колоннадой, этаже здания. До появления системы центрального отопления эти не очень-то уютные комнаты имели одно решающее преимущество перед роскошными залами нижних этажей: их можно было натопить.

Нас встретил ответственный работник общества, черноволосый, смуглый, широкоплечий атлет с короткой фамилией Кен.

— О, как я рад! — рука у него была словно из стали. — Мне столько приходилось слышать о трудах господина профессора!

Вряд ли он прежде слышал даже мою фамилию. Но правила хорошего тона предписывали максимальную любезность по отношению к гостю.

— Президент нашего общества болен, но сегодня как раз зашел ненадолго на работу и выразил желание лично встретиться с вами... По секрету сказать, болезнь его намного серьезнее, чем он сам предполагает, — без видимой причины вдруг разоткровенничался Кен. — Да, по всей вероятности, у нас скоро откроется вакансия... Жаль, очень жаль! — торопливо, словно спохватившись, добавил он.

Предупредительно распахивая двери, Кен провел нас с Вальтером в светлый душный кабинет в углу здания.

— Господин президент, наш русский гость!

В отличие от Кена председатель правления общества

или президент, величественный старик с коротким седым бобриком, географ с мировым именем, не стал делать вид, что ему знакомы мои работы.

— Мы с вами трудимся в далеко отстоящих друг от друга отраслях науки, — тактично пояснил он, мягко улыбаясь при этом. — Но я искренне рад знакомству, поверьте. И лекция ваша тоже придется как нельзя более кстати. К сожалению, мы пока очень мало преуспели в связях с гуманитарными науками социалистических стран... Господин Кен, надеюсь, все организовано должным образом? — Он нажал кнопку вентилятора, подставил розовое лицо под освежающую струю. — Извините, пожалуйста, последнее время я не очень здоров и плохо переношу жару.

— О, да-да! Все готово! — засуетился Кен, быстро потирая руки, словно в предвкушении какого-то счастливого события. — Лекцию, господин президент, мы намерены провести в малом зале старой резиденции...

— Но ведь там, насколько я помню, всего мест двести.

— Что поделать, господин президент. Слишком сильная жара, на большой приток слушателей, к сожалению, рассчитывать не приходится. Люди стремятся за город, к воде.

— Верно, — кивнул Вальтер. — Даже наша библиотека пустует. А зал резиденции я знаю. Он хоть и невелик, но очень уютен, и это дает свои преимущества. Профессору Ванагу будет там нетрудно наладить контакт с аудиторией.

— Ну вот! — Кен не переставал радостно потирать руки. — Теперь о времени. Может быть, послезавтра? Оповестить мы успеем. Пресса, радио, телевидение.

— Нет, послезавтра не годится, — к моему удивлению, возразил Вальтер. — Господин Ванаг отправляется в небольшое путешествие по Австрии. — Он, улыбаясь, повернулся ко мне: — Мой маленький сюрприз тебе и Инге. Мы еще поговорим об этом... Так что лекцию придется провести после возвращения в Вену. Я думаю, лучше всего во вторник. Если, разумеется, со стороны господ из общества не будет возражений.

— Возражения? — Кен с преданным выжиданием уставился на своего шефа.

— Ну разумеется, нет! — Президент общества так и не отрывал лица от воздушной струи; он, по-видимому,

действительно очень страдал от жары.— Как удобно гостю, так удобно и нам.

Уточнили тему лекции, ее продолжительность. попрощались с президентом, и Кен повел нас знакомиться со штатными работниками. Я переходил из комнаты в комнату, пожимал руки, выслушивал любезности. Кен, не жалея красок, расписывал научные достижения общества. По его уверениям, в этой дюжине комнатух творилось нечто грандиозное — работа таких масштабов была не под силу не то что сравнительно маломощной любительской организации, но даже и солидному исследовательскому институту на государственном бюджете.

Входя в раж, Кен совершенно упустил из виду, что перед ним как-никак люди, имеющие отношение к науке. Вальтер явно забавлялся, хитро улыбаясь, но все-таки помалкивая. Мне же в конце концов надоело пребывать в роли такого легковверного губошлепа:

— Итак, насколько я понял, вы охватываете решительно все аспекты отношений между регионами. Географические, культурные, экономические...

— Этнографические,— продолжая ехидно улыбаться, вставил Вальтер.

— Кроме политических! — торопливо сообщил Кен, потирая руки.— Политикой мы не занимаемся. Мы ученые.

Сам-то он с его могучим торсом профессионального борца не очень походил на мужа науки.

Провел он меня и в библиотеку, которая помещалась в мансарде, этажом выше. Здесь было просторно и на удивление прохладно: в помещении приглушенно гудел мощный кондиционер.

— А это господин Гербигер! — представил Кен библиотекаря и добавил с такой гордостью, словно демонстрировал редкий экземпляр малоизвестного животного: — Он у нас говорит по-русски. Скажите что-нибудь по-русски господину Ванагу! — скорее приказал, чем попросил он библиотекаря, из чего вытекало, что тому здесь приходится не сладко.

— Здравствуйте! — покорно изрек Гербигер и поклонился.— Мы все весьма рады приветствовать вас в стенах нашего общества.

В его робких голубых глазах я прочитал немую мольбу.

— Здравствуйте. Рад познакомиться с вами.

— Теперь дальше,— заторопил меня Кен, продолжая

потирать руки.— Следующий отдел — редакционно-издательский. Там мы познакомим вас с нашими издательскими планами и вручим памятный подарок.

Памятным подарком оказался брелок с эмблемой общества, к которому Кен тут же собственноручно прикрепил мои ключи от квартиры.

— Нам будет приятно сознавать, что он всегда с вами.

Кроме брелока, мне вручили еще кучу всяких красочных брошюр и проспектов. Часть этого добра помог нести Вальтер. Другую же кипу, несмотря на все мои протесты, взял Кен, который проводил нас до самой машины:

— Нет, нет, господин Ванаг, позвольте, разве можно затруднять гостя!

Мы отъехали, чудом не задев переднее крыло втиснувшегося все-таки рядом с нами «мерседеса».

Кен улыбался, кивал вслед головой и радостно потирал руки.

— Он что, тоже ученый? — спросил я Вальтера.

— Кто?.. Кен? — Он от души расхохотался.— Какой там ученый! Обычный делец, если не хуже. Про него ходят всякие слухи.

— Почему же, в таком случае, нельзя было обойтись без него?

— Ну, во-первых, он работник общества, а «Восток — Запад» — это стоящая марка. Во-вторых, Кен деловой человек, толковый организатор — наша библиотека уже не раз прибегала к его услугам, и, скажу тебе, небезуспешно. В-третьих, нам, в конце концов, важна сама лекция. Это главное. А слухи есть слухи, в нынешнее бурное время от них не уберется бы даже святой. Хотя Кен, конечно, далеко не святой,— добавил он со смехом.

У площади Шварценберга, где в виде строгой полукруглой колоннады установлен памятник нашим воинам, павшим в боях за освобождение Вены, Вальтер свернул с Ринга вправо, в сторону, противоположную своей библиотеке.

Я оглянулся с удивлением:

— Куда мы едем?

— Обеденное время. Вообще-то говоря, я рассчитывал на обед в «Востоке — Западе», но они что-то пожались. Ничего, тут поблизости есть одна приличная забегаловка. Дешево и вкусно. Сегодня ты мой гость, разумеется,— счел нужным уточнить Вальтер, и я почему-то

сразу вспомнил о его записной книжечке, которая так возмущала Ингу.

За обедом на вольном воздухе, в маленьком тенистом дворике, зажатом со всех сторон серокаменными громадами, Вальтер рассказал мне о своем сюрпризе. В отделе печати у него есть знакомый чиновник, очень ему обязанный. Какие-то у него возникли осложнения по службе, ему грозило увольнение. Но Вальтер, используя личные связи в высоких сферах, сумел все уладить. Однако оставил чиновника у себя на крючке, и тот время от времени оказывает ему всяческие услуги.

— Так, по мелочам! — Вальтер мерно разжевывал свое мясное филе. — Устроить бесплатный номер в гостинице, организовать поездку по линии отдела печати — у них там куча средств на представительство. Словом, вы с Ингой пройдете по высокому классу.

— Но ведь я не журналист и в периодической печати выступаю довольно редко.

— Зато у тебя десятки научных публикаций и книг... Итак, ты едешь в Зальцбург и Инсбрук, да еще в качестве гостя отдела печати. Доволен?

Свозить меня на своей машине в старинный Зальцбург Вальтер обещал еще в прошлый раз. Однако помешала его сильная занятость на работе. Тем не менее в письмах он снова обещал непременно провезти меня по Австрии. Сейчас он тоже не свободен: Вальтер страстный лыжник, и свой отпуск плюс всякие отгулы приурочивает к поздней осени — началу «белого сезона». И вот нашел, оказывается, возможность! Изобретательно, ничего не скажешь: и волки сыты, и овцы целы.

Смушала лишь некоторая неопределенность положения. Все-таки отдел печати. Меня будут принимать за журналиста, затевать беседы о прессе...

— Ты напрасно щепетильничаешь, — убеждал Вальтер. — В Австрии нет резких разграничений между журналистикой и наукой. Печатаешься — значит, журналист или писатель. Кстати, они знают, что ты историк, я уже им сказал. Так что спросят — рассказывай о своей научной работе сколько душе угодно, всем будет интересно. А в субботу вечером мы с Эллен тоже прикатим в Инсбрук, это я тебе обещаю твердо. Обратю в Вену поедем вместе... Ну что ты такой узколобый! Не хочешь думать о себе, подумай об Инге.

Зальцбург — город всемирно известных музыкальных фестивалей. Инсбрук — место зимних олимпиад... Инга меня загрызет.

Да и самому интересно. После войны эти города находились в зоне оккупации западных союзников, и для нас из-за начавшейся холодной войны доступ туда был наглухо закрыт.

— Ну хорошо, предположим, я соглашусь. Как же тогда все оформить?

Вальтер неторопливо, маленькими глотками, смакуя, пил холодную, со льда, «коку».

— Уже все оформлено; я предвидел, что ты согласишься. Зайдешь завтра к Штольцу, представишься и заберешь программу и железнодорожные билеты. Главное — билеты. У нас это целое состояние — железнодорожные билеты и гостиницы. Или ты предпочитаешь всю свою австрийскую поездку просидеть в гнезде у Шимонек? — Он хитро прищурил глаз.

— Ну уж нет! По правде сказать, в их шикарном гнездышке немножко душновато. Кстати, а кто они такие? — спросил я, поскольку подвернулся удобный случай.

— Он тоже библиотекарь — разве я тебе не говорил? Конечно, рангом пониже по сравнению со мной. Не все же у нас такие ученые, как господин Редлих! — рассмеялся Вальтер. — Ну, а она... Вообще-то она служит в довольно скромной фармацевтической фирме, да и должность не ахти. Но в ней есть нечто... Сплошные загадки! Начну хотя бы с того, что она индонезийка — не правда ли, экзотично? А продолжу вот чем — смотри только со стула не уподи! — Он пригнулся к самому моему уху: — Строго между нами, даже Эллен не должна знать: мадам Шимонек очень заинтересовала некие полицейские чины.

— Полицейские? — Я и в самом деле удивился.

— Наркотики, — произнес Вальтер тихо, одними губами, и тут же резко вскинул руки ладонями наружу: — Не знаю, не знаю, не знаю! Они живут на широкую ногу, люди завидуют; может быть, просто-напросто болтовня...

Вот оно что — наркотики... Что ж, этим вполне можно объяснить такой необычный интерес к нашей венской обители.

Значит, все-таки не я, а Шимонек...

— Мне пора! — заспешил Вальтер, взглянув на часы. — Еду через центр, могу тебя подбросить... Ахмед!

Он рассчитался с подбежавшим официантом-турком, дав ему несколько шиллингов на чай.

Домой мне было рано. Мы условились с Ингой встретиться в два. Я решил пройтись по нашим с Верой старым местам и посмотреть заодно, существует ли еще тот крохотный филателистический магазинчик, с дряхленьким хозяином которого мы были добрыми друзьями. В отличие от многих других владельцев подобных магазинов, типичных стяжателей и спекулянтов, он был настоящим коллекционером, знал и ценил марки и получал радость, когда удавалось помочь какой-нибудь редкой маркой такому же одержимому собирателю, как и он сам.

Я как-то забрел в его лавчонку в поисках нужного мне знака почтовой оплаты старой Латвии. Неожиданно выяснилось, что он, как и я, коллекционирует эту, в общем-то, не слишком популярную среди австрийских филателистов страну. Общий интерес нас сблизил. Старичок оказался очень милым знающим человеком, я ему тоже понравился. Магазин был в двух шагах от нашего дома на Зингерштрассе. Когда у меня выдавалось свободное время, я забегал к старичку, и мы подолгу рассматривали марки, находя удовольствие во взаимном общении. И ни его, ни меня не смущало, что покупал я всего-то ничего. В нашем скромном семейном бюджете расходы на марки не предусматривались.

Зато позднее, уже вернувшись в Советский Союз и занявшись научной деятельностью, я развернулся вовсю. Особенно после гибели Веры. Маленькая Инга и коллекция марок — вот все, что мне оставалось, не считая работы. Вечерами, с трудом уложив спать свою неугомонную девочку, я допоздна просиживал за марочными альбомами.

Впоследствии, когда горе потеряло первоначальную остроту, марки перестали занимать в моей жизни такое большое место. И все-таки я по-прежнему оставался любителем коллекционирования.

...Магазинчик оказался на своем старом месте, на узенькой улочке, в доме с облупившимися лепными змеями вдоль карниза, держащими в зубах щит родового герба. Та же вывеска «Почтовые марки» над входом. Та же скромная половина витрины с филателистическими новинками в целлофановых конвертах; вторая часть витрины, отделенная перегородкой, уставлена фарфоровыми статуэтками — рядом помещается такая же крохотная анти-

кварная лавка. Та же узкая дверь с истертым каменным порогом.

А вот и новшество: за стеклом двери броская табличка с надписью: «Коллекционирование почтовых марок — лучший вид капиталовложения». И ниже таблица, показывающая, как подскочили цены на марки за последние несколько лет.

Я толкнул дверь. Негромко звякнул колокольчик, опять-таки как в то далекое время. И звук у него был тот же: тонюсенький, жалобный. У меня возникло фантастическое ощущение, что время повернуло вспять. Сейчас шевельнется легкая кисейная занавеска, отделяющая торговое помещение от служебного, и появится сам хозяин, сгорбленный, седоголовый, с постоянной доброй улыбкой.

И занавеска действительно шевельнулась. Но человек, который вышел из-за нее, очень мало походил на моего знакомого. Средних лет, крутой с залысынами лоб, пустой левый рукав пришит к легкой летней куртке.

Он бросил на меня быстрый изучающий взгляд поверх массивных роговых очков.

— Добрый день! Что господину угодно?

— Собственно...— Объяснить было довольно трудно. Я и сам толком не знал, чего хочу.— Видите ли, я был знаком с хозяином магазина...

— С хозяином? Простите, но не имею чести вас знать.

— Я имею в виду — с прежним,— поторопился уточнить я.

— С каким именно? — Во взгляде мелькнула совершенно откровенная ирония.— Наше предприятие существует ровно девяносто лет. За это время сменилось шесть владельцев. Я седьмой по счету.

— Верно, с шестым.

— С моей покойной женой?

— О, простите! Тогда, наверное, с пятым. В конце со- роковых годов.

— Значит, с ее отцом. Он был владельцем предприятия с девятьсот десятого по пятьдесят второй год.

Слово «предприятие» он произносил на полном серьезе, даже с долей гордости, словно речь шла о бог весть каком важном заводе с тысячами работающих.

— Ах вот как!

Наступило неловкое молчание. Я уже не рад был, что зашел. Старичку уже тогда подходило к восьмидесяти.

Ну неужели действительно можно было подумать, что он жив!

Хоть бы этот однорукий догадался предложить посмотреть филателистические новинки! Но он, вероятно, не видел во мне клиента и молча буравил взглядом.

— Вы латыш! — вдруг произнес он облегченно, будто, наконец, решил сложную, не дававшую покоя задачу.

— Да, — поразился я. — Как вы определили?

— Старик часто рассказывал о вас. Я как раз тогда вернулся из русского плена. — Он показал головой в сторону пустого рукава. — Меня там долго таскали по всяким госпиталям; рана-то оказалась с гнильцой. Я вас всех ненавидел, а старик твердил и твердил о своем латыше оттуда. Вы как-то уезжали к себе в отпуск и привезли ему оттуда сигареты. Нет, не сигареты... Как это называется? Картонная коробка со всадником на фоне гор...

— Папиросы... Что-то не припомню.

— Зато я хорошо запомнил. Он сам был некурящий, старик, папиросы отдал мне. А я мучился: этично или неэтично курить папиросы, подаренные врагом?

— Ну и как?

— Мучился, пока не выкурил все. Потом перестал мучиться.

— А с ненавистью как?

— Я ведь не голову потерял — всего-навсего руку. Обидно, конечно, вернуться калекой... Не надо было лезть. Других гнали, а я сам напросился. Нет, не идея. Какая там идея! Молод был, сила была через край, приключений захотелось. Ну и получил приключения... Надо же! — Он снял очки, глаза потеплели. — А я все сомневался: сочиняет старик в целях моего воспитания или его латыш существует на самом деле? Даже когда он папиросы принес. Уж не купил ли, думаю, у спекулянтов, специально, чтобы меня воспитать? Хотя, с другой стороны, откуда у него такие деньги на папиросы? Наверное, помните, как мы тогда жили?.. А вы в Вене что делаете? Уж не в посольстве ли?

— Нет, в гостях. У меня здесь старые друзья.

— А говорят, оттуда никого не выпускают.

— Ну, значит, перед вами дух бестелесный.

— Во всяком случае сюда, ко мне, ни один русский за все время не заявлялся.

— Это совсем другое дело. У нас филателия не так

популярна. Да и с шиллингами затруднительно. Вон у вас на дверях какие цены!

Он улыбнулся:

— Заманиваем! «Купите сегодня за шиллинг, завтра продадите за два». Инфляция! Люди ищут, во что надежно вложить лишние деньги, чтобы они не обесценились.

— А у кого их нет?

— Тот не занимается филателией... Послушайте, насколько я помню, старик говорил, вы собираете Латвию.

— Уже не собираю — собрал.

— Все?

— По-моему, все. Разве за исключением каких-либо особых разновидностей.

Он, кажется, учуял возможность заработка, и в нем проснулся дух торговца. Ловко орудуя одной рукой, снял с полки большой кляссер.

— Вот.

На прилавок легли беззубцовые марки стандартных выпусков Латвии двадцатых и тридцатых годов. Странно! Такие марки существуют только в зубцовых вариантах. Беззубцовки не встречались мне ни в одном каталоге.

Я посмотрел их на свет. Нет, не подделка. Водяной знак на месте.

Хозяин магазина торжествовал.

— Значит, нет? Так я и знал!

— Что это такое? Впервые вижу, — признался я.

— Так называемые министерские. Редкая вещь. Из листов, которые давались на подпись министру. Это целая история... Чашечку кофе? Пожалуйста, не отказывайтесь, мы ведь с вами старые знакомые, хоть и заочно.

Он провел меня за занавеску, в крохотное служебное помещение, куда едва втискивались лишь низкий круглый столик и два стула. Стал заваривать кофе, отвергая все мои попытки помочь ему, и одновременно рассказывал.

История оказалась любопытной и запутанной, правда в ней явно мешалась с вымыслом. Вроде бы гитлеровские оккупационные власти, покидая Ригу перед самым ее освобождением Советской Армией, поручили какому-то офицеру полиции эвакуировать важные архивы. Часть их была переправлена морским путем в Германию. Другая, в том числе и эти пробные листы из почтового музея, попала в курляндский котел и исчезла. Лишь позднее, много лет спустя, «министерские» в небольшом коли-

честве снова вынырнули из небытия, на этот раз в Швеции. Похоже, что все они попали в руки одного лица, который понемногу, чтобы не сбить цену, пускал их на филателистический рынок.

Кофеварка сердито зашипела, а затем торопливо заурчала, выбрасывая из гнутаго носика густую черно-коричневую жидкость.

— Готово.

Он налил мне крепчайшего ароматного напитка.

— Благодарю.— Я никак не мог оторваться от клясера.— Только тут у вас не все номиналы. Зубцовых гораздо больше.

— А всех и нет. Очевидно, кто-то несведущий пустил часть листов на обертку... Да пейте вы, пейте; я смотрю, у вас разжегся филателистический аппетит.

Он играл со мной, как кошка с мышью.

— Марки, разумеется, стоят дорого?

— Даже очень.

— Жаль!

Со вздохом сожаления я положил кляссер на столик.

— Но вам, именно вам, я уступил бы по себестоимости. Мы, австрийцы, sentimentalны. В том числе и торговцы марками.

Сумма, которую он назвал, была в пределах моих возможностей. Даже учитывая новые джинсы для Инги. Даже учитывая расходы на предстоящую поездку по Австрии. Придется лишь отказаться от покупки диктофона, который я уже присмотрел себе в магазине радиотоваров на Грабене. Но, в конце концов, диктофон можно приобрести и в Москве. А вот эти «министерские» я не видел еще ни у одного из многочисленных моих знакомых коллекционеров, с которыми обменивался марками...

Домой я явился с опозданием и легким чувством вины перед Ингой. Знай она о моей покупке, непременно распалилась бы по поводу бессмысленной, по ее мнению, траты драгоценных шиллингов. Мои почтовые марки она считала никчемными бумажками. Так же как я считал никчемными эти ее босяцкие брюки из вытертой серо-синей ткани с бахромой понизу.

— Ну как Шенбрун?

— Кошмар какой-то, а не дворец! Бедные Габсбурги!

— Смотри — пожалела! А ведь их двор считался чуть ли не богатейшим в Европе. Ошибка истории?

— Нет, серьезно! Эти бесконечные анфилады громадных комнат с распахнутыми дверьми! Даже не дверьми, а воротами какими-то! Сквозняки, холодина! Никуда не спрячешься, всюду щели для подслушивания, для подглядывания... Нет, я бы ни за что на свете не согласилась там жить... Несчастный Франц-Иосиф! Несчастливая Мария-Терезия! Знаешь, у нее было шестнадцать детей — пять мальчиков и одиннадцать девочек, — и весила она сто десять килограммов. А самая тяжелая люстра в Шенбрунне всего сто семь.

— Значит, целых три килограмма в пользу Марии-Терезии. Чем же она тебя так разжалобила?

— Все шутишь! Тебя бы в кайзеры, хоть на недельку! Франц-Иосиф спал на жесткой солдатской койке. Вставал, бедняга, в половине пятого утра каждый день, даже в праздники. Ел мало и очень быстро. Его обед продолжался не более семи минут. Придворные не успевали за ним и вставляли из-за стола голодными. Это явилось одной из главных причин свержения монархии в Австрии.

Да, гид Инге попался с фантазией. Она со смехом рассказывала об его оригинальной трактовке истории.

— И ты молча слушала?

— Было очень интересно! Я только раз не выдержала и спросила, часто ли встречались среди придворных случаи голодной смерти.

Легко было представить себе, с каким наивным видом задала Инга этот вопрос. Она великий мастер по части всякого рода розыгрышей.

— И что же твой гид?

— Неглупый парень, вероятно студент на летних работах. «В то время причины смерти не регистрировались, мадемуазель, поэтому точно неизвестно». И подмигнул. Он почему-то принимал меня за француженку и видел, что я веселюсь.

— А остальные?

— Я попала в группу западных немцев, фермеров изпод Мюнхена. Они его слушали с разинутыми ртами, как пророка. И все добивались, сколько что стоит: gobelены, спальные гарнитуры, весь Шенбрунн.

— И он, конечно, врал?

— Напропалую. Хватал цифры прямо с потолка. Бедные немцы только ахали!.. Отец, мы с тобой идем сегодня вечером в собор святого Стефана, — неожидан-

но заявила Инга. — Органный концерт Баха. Представляешь?

— А билеты?

— Гид сказал — вход свободный.

— Может, тоже наврал?

Она помотала головой:

— Исключается! Я сама прочитала объявление...

Стопятидесятиметровая готическая башня собора святого Стефана — Штефль, как его по-свойски называют горожане, — гигантским сталагмитом возвышается над всей Веной. Это сердце австрийской столицы, и не только по своему местоположению. Храм простоял здесь по меньшей мере полстолетия. Все вокруг с течением времени ветшало и разрушалось. Меняли свой облик дома, кварталы, целые улицы, со всех сторон обтекающие каменную громаду собора, наглядно свидетельствуя не только о тленности самого человека, но и созданий его рук. Один лишь Штефль как бы символизировал вечность.

Однако только до последней войны. Во время бомбежек авиации союзников и боев за город собор тоже основательно пострадал. Особенно досталось его уникальному островерхому покрытию площадью во многие тысячи квадратных метров. Для его восстановления пришлось создать, по существу, специальный завод, так как материал нужно было подогнать под сохранившуюся часть крыши.

И вот опять стоит Штефль одинокой и гордой вершиной среди жалко лепящихся к нему пяти-шестизэтажных строений старого города. Текут автомобильные реки, скапливаются толпы на пешеходных переходах, кричат огни разноцветных неоновых реклам, потухая и загорающаяся вновь. Из глубокого искусственного каньона у подножия собора непрерывно бьют очереди многочисленных отбойных молотков — там идет строительство станции и подземных переходов метрополитена. А Штефль стоит себе молчаливо среди этого шума и суеты.

— Красив старик! — высказался я вслух. — Так и веет от него мудростью веков.

Инга, органически не переносившая высокопарных фраз, сразу же уцепилась:

— Скорее бездушием и тупостью каменного истукана.

— Сама ты бездушный циник! Это великое творение человека.

— Истуканы тоже творения человека. И среди них тоже попадаются очень даже впечатляющие. И все-таки это просто тупые камни, и нечего наделять их человеческими качествами. Мудры сами люди, а не вещи, пусть даже и такие громоздкие, как твой Штефль.

Убеждать Ингу было бессмысленно. Она спорила из любви к спору. А уж формальной логики ей не занимать.

Мы заявили к Штефлю задолго до начала органного концерта. Обошли, не торопясь, весь собор снаружи, подолгу приглядываясь к латинским и готическим надписям на каменных плитах — местах захоронения коронованных особ и знатного духовенства. Затем через боковой вход с кружевной аркой прошли в молельный зал.

Высоченные, терявшиеся где-то в сумеречной выси, в несколько обхватов колонны обманывали глазомер. Внутри собор поначалу не казался таким уж вместительным. Но стоило только измерить шагами расстояние от одной колонны до другой, как сразу становилось ясно: да это же целая большая площадь! Одновременно присутствовать на богослужении могло чуть ли не пятнадцать тысяч человек.

Инга обратила внимание на телефонные аппараты, подвешенные на основаниях колонн.

— А это для чего? Разговаривать с богом?

Мы подошли ближе, прочитали надписи на немецком, английском и французском языках. Автомат давал двухминутную справку об истории собора на любом из названных языков. Стоило только бросить монету и нажать нужную кнопку.

— Очень удобно! — похвалила Инга. — И богу помолишься, и культурный уровень поднимешь.

Век техники не обошел Штефль и в другом отношении. Собор был радиофицирован. Современным проповедникам во время богослужения не приходилось драть глотку, как прежним поколениям служителей культа.

Вообще человеческий голос звучал здесь подавленно и жалко. Иное дело орган. Римские папы знали, что делают, когда решили внедрить в католические храмы этот поразительный инструмент. Казалось, сам бог вещает людям на своем бессловесном, но громогласном и хватающем за душу языке.

В интерпретации Баха владыка небесный не только басисто рокотал, сотрясая своды и внушая священный

трепет, он умел и нежно ворковать, даже смеяться переливистыми трелями. Бах и в церкви, наперекор всему, оставался самим собой: жизнелюбцем и весельчаком.

Мы сидели на старинных, почерневшего от времени дерева скамьях для молящихся. Инга прижалась к моему плечу и слушала самозабвенно, даже рот чуть приоткрыла. Но когда я, воспользовавшись короткой паузой между частями, спросил тихонько: «Нравится?» — она покосилась на меня и пожала плечами:

— Нормально.

Я невольно поморщился. Экзамены — нормально. Джинсы — нормально. Теперь уже и Иоганн Себастьян Бах — тоже нормально. Для чего это маскировочное словечко? Почему нужно за ним, как за какой-нибудь ширмой, прятать человеческие эмоции?..

Концерт подходил к концу. Среди публики, набившей собор, началось вдруг непонятное движение. Люди вставали со своих мест и, рассыпая на все стороны извинения и поклоны, пробивались к выходу. Это было очень похоже на то, что происходит в некоторых наших театрах, особенно зимой, когда часть зрителей, не дожидаясь финала пьесы, устремляется за верхней одеждой. Но там хоть понять можно: через несколько минут в гардеробе выстроятся длиннющие очереди. А здесь? Какая необходимость заставляет этих людей портить удовольствие себе и другим?

Все прояснилось, когда орган замолк и мы, не спеша, рассматривая картины и роскошную золоченую лепку на колоннах, стали продвигаться к боковому выходу.

К нашему удивлению, он оказался запертым.

— Смотри, смотри! — Инга дернула меня за рукав. Я обернулся.

Несколько монахов в сутанах, опоясанных веревкой, быстро двигаясь с противоположных сторон, тащили навстречу друг другу металлическую решетку. Она растягивалась наподобие гармошки, охватывая полукругом людей, которые после концерта густым потоком хлынули к широко распахнутым центральным дверям храма.

— Мы в ловушке! — Инга сияла. — Сейчас она захлопнется, и нас заставят силой принять католичество!

Но металлические створки не сомкнулись полностью. Служители церкви, тащившие решетку, затормозили, оставив узкий проход. В нем тотчас возник низкорослый

жирный монах с бритой головой и с горящими глазами. В руках он держал большое серебряное блюдо.

Все это было сделано ловко и быстро, в течение каких-нибудь десяти секунд, как хорошо отработанный цирковой номер.

— Да не оскудеет рука дающего! — провозгласил бритоголовый нараспев. — Жертвуйте на нужды храма божьего!

Весь расчет строился на тонком знании человеческой психологии. Хлынули бы выходящие всей массой, и большинство прошло бы, ничего не положив в серебряное блюдо. Но вместо этого охваченная решеткой часть толпы панически заметалась по церкви, как рыбий косяк в неводе. А так как все другие выходы к тому времени были уже заперты, не оставалось ничего другого, как потянуться узкой цепочкой мимо бритоголового, по обе стороны которого шпалерами выстроились остальные участники операции. Смирненно опустив очи долу, они тем не менее достаточно зорко следили за идущими. Люди чувствовали себя проигравшими, даже виноватыми, и покорно лезли в карманы.

— Да воздастся вам сторицей на небесах! — гудел бритоголовый.

В голосе его явственно звучало упоение минутной властью над толпой, которую он вместе со своими братьями во Христе перехитрил, подчинил своей воле и заставил раскошелиться.

Пришлось и мне вытаскивать бумажник.

— С ума сошел! — зашипела Инга. — Не смей! Это же самый настоящий шантаж!

Ладно, не обеднеем. Неудобно.

— Ах так!

Она демонстративно отошла в сторону, показывая, что не имеет со мной ничего общего, и царственной походкой, громко стуча каблучками по каменному полу и высоко подняв голову, продефилировала мимо протянутого к ней блюда с горкой мятых ассигнаций. Монахи, отбросив напускное смирение, воззрились на нее с гневным презрением. Инга ответила им не менее выразительным взглядом, насмешливо кривя губы.

На улице, дождавшись меня, она спросила торжествующе:

— Ну как?

— Жанна д'Арк!

— Сколько ты им отвалил?

— Двадцать шиллингов.

— Мощно! Ну, отец, ты хорош!

— Концерт того стоил. Не жадничай!

— Да разве в этом дело! — взвилась Инга. — Если хочешь знать, я сегодня в Шенбрунне отдала слепому пятьдесят шиллингов. Но этим вымогателям!.. Ты обратил внимание, у них сутаны из превосходнейшей шерсти, а веревки свиты из шелка!.. Нет, ни гроша! Принципиально! Пишут «Вход свободный», а сами что делают?.. Жулье богомольное!

Я ее плохо слушал. Если Инга завелась, то лучше не возражать. Тогда ее пыл угаснет сам собой.

Вена уже готовилась ко сну. Улицы опустели, пешеходов почти не было. Лишь разносчики газет, в большинстве своем арабы-студенты, подрабатывавшие на жизнь, одетые в оранжевые безрукавки с броской надписью «Курир», носились по мостовой с гортанными криками:

— «Курир»! «Курир»!

Останавливались машины, протянутые руки брали газеты.

— Данке! Данке! — разносчики с поклоном принимали монеты.

И опять возник черный «мерседес», который уже раз за сегодняшний день! Сидевшего за рулем я не разглядел, только успел заметить по руке, в которую смуглый парень-араб сунул газету, что он в светлом костюме.

Я проводил машину взглядом, машинально зафиксировал номер: «W 23.325».

А Инга все еще пилила меня. Заклеймила мой поступок как гражданскую трусость, как капитуляцию перед психологическим террором монахов, а затем подвела и политическую базу:

— Ты еще и как коммунист не имел права давать им деньги! На что пойдут твои двадцать шиллингов? На поддержку католической церкви. Значит, ты, коммунист, член партии, оказал материальную поддержку черной клерикальной реакции. Вот узнают в твоей партийной организации, интересно, как там среагируют...

Мы уже подходили к нашему дому. Я сунул руку в карман, нащупал ключ от подъезда... И вдруг застыл.

— Что такое? — Инга заинтересованно повернулась в ту сторону, куда смотрел я. — Что ты там увидел?

— Так, ничего.

Инга прошла вперед в темный подъезд, нажала кнопку освещения. Все было устроено практично и хитро. Электричество горело ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы не спеша дойти до лифта, подняться на верхний этаж и отпереть дверь квартиры. Ну, а на случай непредвиденной задержки можно снова нажать подобную же кнопку на любом этаже.

Включив транзисторный магнитофон «Рекордер», Инга под поп-музыку занялась на кухне ужином. А я уселся за газету, которую вытащил внизу из почтового ящика.

Только я не читал. Вчерашнее беспокойство вспыхнуло во мне с новой силой. И вовсе не потому, что я знал: глаз телекамеры зафиксировал наш приход.

Там, внизу, у подъезда, я снова увидел черный «мерседес» с красными кожаными сиденьями. Он стоял с приглушенными огнями на другой стороне улицы возле магазина тканей.

Не исключалось простое совпадение. В Вене довольно много «мерседесов». Машины этой западногерманской фирмы завоевали популярность не только потому, что служили признаком принадлежности к сливкам общества. Была еще и другая, более прозаическая причина: некоторые модели «мерседеса» работали не на все дорожавшем бензине, а на гораздо более дешевом дизельном топливе.

Нет, совпадение не исключалось...

— Отец, все готово!

— Сейчас.

Но эта машина носила запомнившийся мне номер «W 23.325». Больше того, теперь я был почти уверен, что именно она рыскала возле общества «Восток — Запад», когда мы с Вальтером, опередив ее, втиснулись на стоянку.

— Отец!

— Да-да!..

Что-то уж подозрительно часто пересекаются наши пути!

И опять я с тревогой подумал о той давнишней, необычного содержания бумаге, которую когда-то написал.

ПАССАЖИРСКИЙ ПОЕЗД

пришел в Ригу с большим опозданием. До условленного времени остались считанные минуты, и я с вокзала понесся прямо на явку. Нужно было пройти по узенькой кривой улочке старого города, начиная от Пороховой башни и до самой набережной Даугавы. По пути меня остановят и назовут пароль.

Стоял пасмурный день, похожий больше на осенний, хотя по календарю значился самый разгар весны. Дождя не было, но с неба свисала завеса мелкой водяной пыли. Сквозь нее все казалось одинаково серым: и дома, и булыжная мостовая, и бульвары с жаждущими солнышка набрякшими почками на деревьях, и вывески магазинов, и лица прохожих.

Со стороны моря порывисто хлестал холодный ветер, кого подгоняя в спину, а кому, наоборот, мешая идти. Дрянная погода была мне на руку. Люди отворачивались от ветра, придерживая руками шляпы или полы плащей. Никто не обращал никакого внимания на долговязого спешащего парня.

У Пороховой башни я вытащил из внутреннего кармана пальто вчерашнюю газету «Ритс», заранее сложенную таким образом, чтобы идущим мне навстречу были видны первые две красные буквы названия — мой опознавательный знак. И, теперь уже не торопясь, двинулся по нечетной стороне улицы.

Было ровно одиннадцать. Я успел вовремя.

Прошел до самой Даугавы, никого не встретив. Постоял на набережной, посмотрел на воду, такую же скучную и серую, как и все кругом. Потом повернул обратно.

Опять никого!

Больше, по правилам конспирации, я не имел права оставаться на условленном месте и нырнул в один из извилистых боковых переулков. Шаги отдавались как в пустой бочке. Легко было проверить, не тащится ли позади хвост.

Нет, все в порядке. Никто за мной не пошел.

Оставалась запасная явка на улице Марияс. Но это лишь поздно вечером.

Целый день я просидел в укромном уголке зала ожидания на вокзале. Товарищ Пеликан из областного комитета партии, посылая меня в Ригу, предупредил, чтобы

я зря не шатался по городу. На носу Первое мая, рижские товарищи могут проявить активность. Пойдут всевозможные проверки, облавы. Задержат случайно на улице, потом доказывай полицейским, что ты ни при чем.

Вечером, когда я отправился на улицу Марияс, задал дождь, надоедливый, нудный, к тому же еще и густой. Демисезонное пальто стало быстро набухать влагой. Со шляпы капало за шиворот.

И опять на явку никто не пришел.

А дождь все лил. На улице не появлялось ни единой живой души. Я стоял под прикрытием какого-то балкона. Как быть дальше? Товарищи ждут к Первому мая партию подпольных листовок и газет из Риги. Если я вернусь с пустыми руками, это будет настоящей катастрофой. Но и обратиться в Риге мне не к кому. Пеликан сообщил только эти две явки. «Обязательно придут!» — сказал он.

И вот — не пришли.

Случилось что-то непредвиденное...

По мокрым плитам тротуара прошлепали башмачки. Уличный фонарь тускло осветил невысокую фигурку под большим мужским зонтом.

Девчонка лет четырнадцати поравнялась со мной, бросила беглый взгляд на мокрую газету, которую я машинально мял в руке.

— Что там у вас?

Я растерялся от неожиданности.

— А тебе какое дело?

Но это ее не смутило:

— «Ритс»?

— Да,— ответил после секундного промедления.

Неужели...

— Простите, не найдется ли у вас спичек?

Пароль, рассчитанный на курящего мужчину, в устах этой пигалицы прозвучал смешно и нелепо. Зачем ей спички в такую погоду? Тоже закурить? Или осветить себе путь?

Тем не менее я ответил как было положено:

— Нет, знаете ли. Сам не курю и вам не советую.

— Фу! Я думала, никого уже не застану на месте.— Она тяжело дышала; неслась, видно, всю дорогу.— Брат просил передать: чемодан будет в вагоне второго класса. Первое купе, на левой полке. Коричневый, замки медные.

— А где он сам? Почему не пришел?

— «Почему, почему»! — передразнила она нахально.— Много будешь знать, скоро состаришься!.. Второй класс... Первое купе... Замели его сегодня ночью, теперь ясно?

И побежала дальше, сутулясь под своим здоровенным зонтом.

Ночь я продремал в зале ожидания. Рядом на подоконнике сушились пальто и шляпа. К утру, когда открылось окошечко кассы, они все еще оставались влажными.

Беспокоило, что чемодан придется брать из вагона второго класса, так называемого господского. Надумали же куда сунуть! Чего проще было бы в общий. Зашел, взял, никто не обратит внимания. А в господском вагоне в коридоре вечно торчит проводник. Попробуй улучи момент!

Билет я попросил в пятый вагон, смежный с господским. Когда подали состав, походил вдоль него по перрону. Вагоны были старые, скрипучие, с узкими окнами. Один лишь господский поновее других. Сели в него всего двое — щеголеватый капитан латвийской армии и пожилая дама в траурной вуали.

Было раннее утро, народ шел хмурый, невыспавшийся. В основном рабочие. Они возвращались после воскресного дня в Кегумс, где на Даугаве строилась новая электростанция.

Вошел я в свой вагон за две минуты до отхода поезда. Дежурный по станции вторично ударил в гонг, предупреждая о скором отправлении. Проверять, на месте ли чемодан, я не стал. Уж очень не понравился мне проводник. Коренастый, одутловатый, с тяжелым немигающим взглядом и седым ежиком жестких волос. Типичный службист! Такому лучше не попадаться лишний раз на глаза.

Под мерный стук колес я задремал снова, а когда проснулся, поезд уже стоял в Ливанах. Отсюда до нашего хутора «Ванаги» было всего верст двадцать. Дал бы заранее знать отцу, он обязательно явился бы к поезду с домашними гостинцами.

При мысли о еде сразу засосало под ложечкой, и я выскочил на перрон посмотреть что-нибудь в станционном буфете.

У господского вагона трое мужчин, в том числе и один

полицейский в чинах, провожали четвертого — в сапогах, галифе, охотничьей шляпе с кисточкой. Я узнал его сразу. Гуго Штейнерт, один из руководителей отдела политической полиции нашего города. Очевидно, он приезжал сюда, в Ливаны, на воскресную охоту. Про него говорили, что он мозг охранки, в то время как Петерис Дузе, восседавший в кресле начальника, только ее зад.

Вся группа веселилась, хохотала — до тех пор, пока порывом ветра со Штейнерта вдруг не снесло шляпу с кисточкой. Она покатила по мокрому асфальту, а полицейский чин все бежал за ней, бежал и никак не мог догнать.

В конце концов победил в этом поединке все-таки полицейский. Почтительно улыбаясь, он вернул шляпу владельцу. Но у Штейнерта настроение уже испортилось. Мясистые губы на его исчерченном шрамами лице плотно сомкнулись, он торопливо пожал руки провожающим, коротко махнул им из тамбура и скрылся в вагоне.

В самый последний момент перед отходом мне удалось раздобыть два бутерброда с ветчиной. Поезд тронулся, и я, утолив голод, стал размышлять над новой ситуацией. Чемодан всего в нескольких шагах от меня. Но мне не взять его оттуда, пока там Штейнерт. Вполне возможно, что он устроился именно в первом купе, откуда мне знать?

А впрочем, почему бы и нет? Я зайду, извинюсь, сниму чемодан с полки. Ничего он не заподозрит. Может быть, даже еще и сам поможет мне. Вот будет умора!

А проводник? Если он увидит? Он же знает, что я не ехал в его вагоне.

Нет, придется ждать до города. Там конечный пункт следования поезда. Выйдет Штейнерт, вагон опустеет, тогда и с проводником легче будет сладить. В крайнем случае, на вокзале работает один знакомый парень...

Замелькали пестрые лоскутки пригородных деревень. Вот уже армейские склады... Старая лютеранская кирха, водокачка... Поезд начинает тормозить. Лязгают буфера.

Мы подъезжаем к длинному серому зданию вокзала.

Народ, заполнивший по пути вагон, устремляется к выходу. Пожилые крестьяне-латгальцы, усатые, худые, молчаливые — все как на подбор. Тетки с бидонами и корзинками — эти, наверное, на рынок.

Мне торопиться некуда. Пусть схлынет волна пассажиров.

Выглянул в приспущенное окно. Штейнерта встречали двое. Вон уже идут, неся его ружье и охотничьи трофеи — пару худых линиялых весенних зайцев. Что-то рассказывают ему на ходу, размахивая руками.

Вышел офицер, дама в трауре. Проводник выносит ее вещи, окликает носильщика:

— Эй, кто там!

Все! Время!

Я быстро прошел через тормозную площадку в соседний вагон. Никого! Торопливо рванул дверь в первое купе.

Вот он, мой чемодан. В самом углу. Кожаный, с медными замками. Но старенький, выдавший уже виды, даже перевязан толстой веревкой для верности. Не раз, видно, путешествовал туда и обратно.

— Положь!

В проеме двери вырос проводник. Как он успел!

— Видите ли... — Я полез в карман за деньгами: теперь только в них мое спасение! — Мой рижский приятель...

— Положь, говорю! Не видишь, что деется!

Он указывал пальцем в окно.

У выхода в город столпотворение. Полицейские, шпики. Дядьки-латгальцы стоят, сбившись в кучу. Бабы мечутся растерянно со своими корзинками. Кто-то ругается, кто-то плачет. У кого-то просматривают документы, кого-то обыскивают, заставляя выворачивать карманы. Облава!

И командует всем Штейнерт. Только приехал с воскресной охоты и сразу включился в дело! С охоты на охоту.

— Что делать будем, а, парень? И ждать-то никак нельзя: сейчас состав отведут в тупик. Как потом потащишь в открытую, через все пути?

А на вокзале по-прежнему шум, гам. Но, замечая я, только на одном конце перрона. На другом — никого. Там находится второй выход в город. Для господ. Для тех, кто следует в вагонах второго и первого класса. Офицер и дама уже прошли, предъявив свои билеты кондуктору для контроля, и он стоит теперь без дела, сложив за спиной руки и поглядывая в сторону бурлящей толпы.

— Билет лишний у вас найдется? — спрашиваю проводника.

Надо ведь так ошибиться! Я его боялся, даже психологический портрет соответствующий нарисовал, а он оказался своим.

— Билет? — Он смотрит то на меня, то сквозь окно на кондуктора, дежурящего у выхода. — А что? Здорово! Молодец — придумал!.. Скорей, скорей!

Открыв другую дверь вагона, ту, которая была поближе к кондуктору, он выпустил меня, сошел сам. Не дал притронуться к чемодану:

— Что вы, господин, что вы!

И потащил его вслед за мной, как за важной персоной.

На кондуктора у выхода это произвело впечатление. Даже не спросив билета, он распахнул передо мной дверь.

— Извозчика изволите нанять?

Проводник не спрашивал, он подсказывал мне, что делать. На привокзальной площади шла та же кутерьма. Облава на сей раз производилась с невиданным размахом.

Почему вдруг?

Ответ на этот вопрос я получил, когда пролетка с поднятым верхом — здесь тоже шел дождь, как и в Риге, — проехала по главной улице города. Дворники под надзором полицейских остервенело соскребали со стен лозунги, нанесенные красной краской с помощью самодельных трафаретов. Дело, видно, подавалось туго. Можно было легко прочитать лозунги:

«Да здравствует Первое мая!»

«Долой фашистскую диктатуру Ульманиса!»

Превосходно!.. Я ликовал. Подпольщики провели первомайскую акцию раньше обычного и оставили охранку с носом. Вот она и бушует, нанося удары вслепую.

Везти чемодан прямо к месту назначения в такой ситуации рискованно. Я придумал другое. Остановил извозчика возле дома, на одном из окон которого увидел прямоугольный белый листок. Он означал, что здесь сдается комната.

Встретила меня совершенно высохшая древняя старуха, похожая на ожившую мумию. Голова у нее тряслась, руки дрожали, и вообще было непонятно, каким образом

она еще держится на земле. Тем не менее мумия проявила вполне деловую хватку, содрав с меня пять латов в качестве задатка за клетушку, которую я вовсе не собирался снимать. Она словно почуяла, что мне нужно лишь на несколько часов оставить здесь свой чемодан, и извлекала из этого свою выгоду.

Теперь, освободившись от опасной ноши, я обрел на время свободу действий.

Прежде всего нужно было понюхать воздух возле домика сапожника Казимира Ковальского. Именно здесь помещалась явочная квартира, куда поступала нелегальная литература, прежде чем начать свой сложный извилистый путь в подпольные ячейки города.

Пехотная улица, больше похожая на деревенскую, как обычно, пустовала. Здесь жила городская беднота, главным образом — сапожники, работавшие на дому для больших фирм, некоторые, в том числе Ковальский, подрабатывали еще и на починке обуви. Только клиентов у них было немного. Обитатели соседних улиц, экономя сантимы, чинили свои башмаки сами, а более состоятельным горожанам сюда было слишком далеко.

Казимир Ковальский еще зимой отправил свое многочисленное семейство подкормиться на хутор к родственникам, а сам занялся домиком, отделав его как картинку. Мастером он был великим, работал с любовью, и неказистое, сколоченное из чего попало жилище преображалось с каждым днем. Резные ставенки, наличники, даже петушок на крыше... А когда он взялся за забор, старательно отделявая каждый колышек, и к его домику стала сбегаться ладкая на зрелища ребятня со всей округи, неожиданно забеспокоился Пеликан.

— Так не годится! У тебя явочная квартира, а не выставка.

— Так что, по-твоему, я должен теперь жить как в конюшне?

— Во всяком случае ты не должен привлекать к своему дому внимания.

Разговор происходил при мне, на той неделе, когда мы договаривались о предстоящей поездке в Ригу. Но, видно, трудовой пыл Ковальского не охладился. За эти дни он приладил к своему новенькому ярко-зеленому, с гранеными пиками верхушек частоколу такую же ярко-зеленую калитку с замысловатой щеколдой.

Калитка эта и успокоила меня окончательно. Я смело вошел в дом.

И сразу, еще в сенях, понял, что попался.

— Проходите, проходите,— ухмыльнулся носатый, с усиками под Гитлера, полицейский, появляясь из своего убежища за дверью.— Вас уже ждут — заждались!

Мне не оставалось ничего другого, как подчиниться.

В просторной комнате, которая служила Ковальским и мастерской, и кухней, и столовой, а по ночам еще и спальней для младшего поколения, на низких сапожных стульчиках с кожаными ремнями, приколочеными к раме крест-накрест, сидели двое в штатском. Густым облаком висел табачный дым, из чего я сделал заключение, что они здесь давно — сам Ковальский не курил.

— Вот! — радостно доложил полицейский.— Явился!

И сразу вышел. Караулить следующего.

— Ага! — Один из двоих, коренастый, с приплюснутым, как у боксера, носом, резво вскочил на ноги.— Кто такой? К кому? — Его маленькие невыразительные свинные глазки впились в меня злыми буравчиками.— Ну!

— Человек. Гражданин Латвийской республики. Звать Арвид Ванаг. Пришел к сапожнику. А вы кто такие?

Он пропустил мои колкости, а заодно и вопрос, мимо ушей.

— Зачем?.. Зачем пришел?

Я пожал плечами:

— Зачем ходят к сапожнику?

Мне впервые приходилось сталкиваться с охранниками вот так, лицом к лицу. Но я давно готовил себя к такой встрече. В конце концов, почти каждому подпольщику, как бы он ни берегся, предстоит эта неприятность. Теперь все зависело от того, как я смогу выкрутиться. Ковальский, конечно, арестован, но он не проговорится, тут уж можно биться об заклад.

— Да, зачем? — Охранник подступил ко мне вплотную, задирая вверх свой расплоснутый боксерский нос; он был много ниже меня.— Зачем ходят к сапожнику?

— Не костюм же шить, ясное дело! Чинить обувь, наверное.

— Ах, чинить обувь! Садись!

— Спасибо, я лучше постою, если недолго.

— Недолго?

Он переглянулся со вторым, и оба, как по команде, оглушительно захохотали.

— Ну, это еще как знать — долго-недолго! — Охранник толкнул меня в плечо: — Садись — кому сказано!

Пришлось опуститься на низкий стул.

— Я лично думаю, что меньше, чем пятью годами, ему никак не отделаться. Как считаешь, Таврис?

— В лучшем случае! — пробасил второй охранник.— А то и все семь. Смотря какой судья попадетсЯ.

— Скинь свои лапти! Раз, два! — скомандовал охранник с битым носом; он явно был здесь за старшего.

— С какой стати?

Раз уж начал, придется до конца играть роль серьезного, с чувством собственного достоинства парня.

— Ты же сам говоришь: к сапожнику пришел. Вот мы и починим... А ну, без разговоров!

Больше тянуть нельзя было. Я молча расшнуровал свои парадные черные туфли.

— Проверь, Таврис!

Второй охранник, длиннорукий и длинноногий, какой-то весь словно развинченный в суставах, брезгливо морщась, поднял туфли за задники и беглым взглядом окинул подошвы.

— Целехоньки! Месяц как куплены, не больше.

— Ну, что ты теперь скажешь? Зачем тебе вдруг понадобился Ковальский?

Он резко замахнулся, но не ударил. Ему определенно не терпелось перейти от слов к делу. Однако пока я не подследственный, даже не арестован, нас еще разделяет невидимая грань, которую он не решаетсЯ переступить. Вот позднее, в охранке, можно будет дать волю рукам.

— Не понимаю, чего вы от меня добиваетесь?

— Правды!

— Я и говорю правду. На прошлой неделе я занес Ковальскому ботинки в починку: каблуки совсем стоптались. Он сказал: «Зайдешь после воскресенья». Сегодня понедельник, вот я и зашел. Не в туфлях же ходить по такой погоде? А тут... придрались ни с того ни с сего!

Они, разумеется, не поверили — я на это, вот так сразу, и не рассчитывал. Старший из охранников отдернул занавеску на шкафчике с полками, куда Ковальский ставил принесенную клиентами обувь.

— Которые твои?

Я уверенно снял с полки пару коричневых ботинок:

— Смотри-ка! И верно починил!

— Надень!

Ботинки пришлось мне впору. Иначе и не могло быть. Они на самом деле были моими и стояли здесь, на полке, уже чуть ли не полгода — как раз для такого случая.

Однако охранников и это не убедило. Они были лишь слегка сбиты с толку. Факты говорили одно, а гончий нюх безошибочно подсказывал им, что со мной не все ладно.

— Какой размер?.. Сорок первый?.. Самый распространенный номер! Они и мне впору, и ему. Верно, Таврис?

Тот поспешно закивал, хотя сапожищи на его ходулях были по крайней мере сорок четвертого размера.

— Где живешь?

Я сказал.

— Так то ж в самом центре! — снова придрался охранник. — Снес бы их Иосельсону! Или Римше! Нет взял да поперся в такую даль.

И к этому я был готов:

— Да дерут они там безбожно! Римша заломил целых два лата. А Ковальский взялся за пятьдесят сантимов — разница! Спросите у него самого, если не верите. Я и уплатил вперед.

Но он не верил. Не хотел верить, не мог.

— Кто может подтвердить, что ботинки твои?

Пока все шло как по рельсам. Они клюнули на наш тщательно разработанный трюк с обувью, сданной в починку, и я, артачась и сопротивляясь, потихоньку увлекал их за собой в нужную для себя сторону.

— Ковальский, разумеется.

— А ты, я гляжу, умник! Шестилетку небось кончил?

Сам-то он, по всему виду, проучился недолго.

— Гимназию.

— Вот! Значит, должен понимать, что Ковальский для тебя не свидетель.

— А что с ним такое? Хоть сказали бы! А то жмете из меня сам не пойму что!

— Кто еще? — продолжал напирать охранник к моей радости. — Кто еще может подтвердить насчет ботинок?

— Ну кто? — я изобразил на лице сосредоточенность, хотя все уже было готово заранее. — Отец, мать, брат. Но они далековато.

— Где?

— На хуторе. Возле Ливанов.

— Еще кто?

Охранник начинал терять терпение. Пусть позлится, это тоже мне на руку. Я рискую в крайнем случае зуботычиной, а запутав его, увеличиваю свои шансы на выигрыш.

— Еще квартирная хозяйка, — «вспомнил» я.

— Кто такая?

— Гриета Страздынь. Телефонистка с центральной. Я у нее снимаю комнату.

— И она опознает?

— Думаю, да. При ней были куплены.

— Ну смотри! Если ты только вздумал водить меня за нос... — Он выразительно потряс мощным кулаком. — Таврис, беги в католический приют на Кавалерийской. Там телефон. Позвони нашим, пусть приведут.

— Так начальник ее и отпустил! — подначил я. — Она ж на государственной работе.

— Ничего! — Свиные глазки, оказывается, умели и улыбаться. — Мы одно слово знаем. Не только ее отпустит — сам, если понадобится, следом прибежит... Гимназию кончил, а не понимаешь простых вещей!

Я промолчал, уставясь взглядом в стену. Он победно ухмыльнулся, сунул в рот тонкую папиросу с желтым мундштуком, закурил. «Леди», высший сорт. Десять штук в коробке. Жалованье в охранке платили, видно, побольше, чем у нас в типографии. Даже директор Кришьян Земзар мог позволить себе только второсортные «Треф».

Украдкой я оглядел комнату. Да, обыск здесь учинили по всем правилам. Обои сорваны со стен, в двух местах вздыблены половицы. Только напрасно! Дома Ковальский ничего не держал. Тайник у него в необычном месте. За домиком в огороде колодец. Так вот там тайник, почти у самой воды. Хитроумное устройство в виде большого ящика на колесиках, которое заходило в стенку колодца и поднималось с помощью вброса.

Таврис вернулся быстро. На таких ходулях дойти до приюта и обратно сущий пустяк.

— Послали машину. Шеф сказал — не отпускать, — кивок в мою сторону. — Ни в коем случае!

— Еще бы! — старший охранник почти с нежностью похлопал меня по плечу. — Пойдет у нас первым сортом.

Машина примчалась через несколько минут, прямо как на пожар. Не замолк еще рокот мотора, а в комнату уже входила Гриета в сопровождении...

Ого! Сам Гуго Штейнерт! Меня и впрямь считают важной птицей.

— Бог в помощь, ребята!

— Наше почтение, господин начальник. — Оба вытянулись во фронт.

— Этот? — Штейнерт оглядел меня с головы до ног. — Где-то я его уже видел... Ваш квартирант? Узнаете?

Гриета испуганно жалась к двери:

— Что ты натворил, Арвид?

— Да вот, снес ботинки в починку. Оказывается, нельзя.

— Молчать! — пристукнул сапогом Штейнерт. — Вы должны только отвечать на вопросы.

— Так она же спросила.

Он не рассердился, наоборот, засмеялся.

— На мои вопросы. Теперь понятно?

— Теперь — да.

— Доложите, Османис!

Мой боксер стал объяснять, путано и бестолково. Но Штейнерт с лету ухватил суть.

— Ясно!.. Подойдите, пожалуйста, сюда, госпожа Страздынь. Да не бойтесь вы, вас ни в чем не обвиняют, — успокоил он Гриету; у нее, бедной, от испуга зуб на зуб не попадал. — Вот смотрите: кругом полно всякой обуви. Есть здесь что-нибудь, принадлежащее вашему квартиранту?.. Не волнуйтесь, спокойно, неторопливо. Ошибетесь в одну сторону — нас подведете, ошибетесь в другую — своего квартиранта. А ведь какой приятный молодой человек...

Он говорил, словно завораживал. Гриета и впрямь перестала дрожать, подошла несмело к столу, посмотрела. Потом к шкафчику, снова вернулась к столу. Уверенно взяла мои ботинки, стоявшие среди прочей обуви.

— Вот.

— Они? — спросил Штейнерт у Османиса.

— Так точно! — подтвердил охранник без особого восторга.

— Ну вот, все и выяснилось. — Штейнерт улыбнулся Гриете, она тоже ответила вымученной улыбкой. — Стоило ли так волноваться?

— Извините... Значит, я могу идти?
— Зачем идти? Вас доставят на машине.
— Спасибо, уважаемый господин, спасибо!
— Вот только еще вопрос. Совсем пустяк. Для формальности.

Я снова насторожился. Что он пытается из нее выудить?

— Вы по дороге сказали мне, что ваш квартирант.. Ванаг, кажется?

— Да, Ванаг он, Арвид Ванаг,— подтвердила Гриета.

— Что он не пьет, не курит — словом, ведет себя во всех отношениях образцово. И что вы привязались к нему, как мать.

— Не такая уж я старая! — неожиданно обиделась Гриета.

— Пардон! — Штейнерт отвесил галантный поклон.— Я выразился фигурально, но, признаюсь, не слишком удачно... Как старшая сестра — так нас обоих, вероятно, больше устроит...

Он явно раскидывал сети. Но какие? Что Гриета дорогой наболтала про меня? Ей, разумеется, ничего не известно о моей работе в подполье. Но Штейнерт ведь не просто собеседник, а опытный профессионал. Одно ее лишнее слово, один неосторожный намек, и я уже у него на крючке.

— И вы очень-очень беспокоитесь, когда с ним что-нибудь случается, верно? Например, когда он болеет...

— Ну да, я ведь его знаю вот с таких еще лет.— Простодушная Гриета сама лезла в ловушку...— Наши хутора рядом. У них «Ванаги», а наши — «Озоли».

— Или когда он долго не является-домой...— Штейнерт все ближе подбирался к сути; мне уже стало ясно, в чем смысл его маневрирования.— Вот сегодня ночью, например... Где же это вы проводили сегодня ночь, Ванаг? — резко поворачивается он ко мне.— Мадам Страдынь вся извелась... А? Что ж молчите? Теперь вы смело можете отвечать. Ведь спрашиваю я.

Рано он торжествует, рано! У меня еще есть кое-что в запасе.

— Ездил к отцу в Ливаны.

Пусть проверяет, если охота терять время. Как раз перед моим отъездом в Ригу в городе побывал брат, и я его предупредил на всякий случай.

— К отцу?

— Да, на воскресенье. Господин Земзар разрешил сегодня выйти на работу позднее, к одиннадцати. Но я уже опаздываю.— Я выразительно посмотрел на стенные ходики.— Будет нагоняй. А то еще и удержат из жалованья.

— Ничего, это я беру на себя... Значит, в Ливаны Интересно! Очень интересно! А вернулись как?

Ключул!

— Поездом, разумеется. Утренним рижским.

— Так-так-так.. И у вас сохранился билет?

— Ну конечно же, нет! Отобрали при проверке. Там такое творилось, на вокзале.

— Так-так-так... Теперь предположим, мы вам не поверили... А, господа? — обратился он к своим подчиненным.

— Какое там поверили, господин начальник!

— Сразу видно, что фрукт!

— Нет, нет, это преждевременно, Османис! Я не сказал, что мы не поверили. Только в порядке предположения. Как вы сможете тогда доказать, что приехали в город сегодня утром? Билета у вас нет? Нет. Из попутчиков тоже, наверное, назвать по имени никого не сумеете. Случайные соседи, верно? Один в сером пальто, другой в фуражке, у третьего вот такой нос. И все. Ведь верно?

И тут я пускаю в ход свой главный козырь:

— Соседей я не запомнил, вы правы. Даже их носов. А вот другое помню хорошо. Как у вас в Ливанах сорвало ветром шляпу и как господин полицейский офицер неся за ней по перрону.

Несколько секунд немного молчания. Двое охранников переглядываются удивленно. У Гриеты снова смертельный испуг в глазах Штейнерт... У Штейнерта реакция смешанная. Разочарование. Злость. Удивление. И пожалуй даже уважение. Так смотрят на партнера по игре в шахматы, когда считают, что выигрыш уже в кармане, а он вдруг — шах и мат!

— Да. Все правильно,— подтверждает наконец Штейнерт.— Теперь я тоже припоминаю, где вас видел. Вы бегали в буфет и вернулись с двумя бутербродами с колбасой. Поезд уже трогался, когда вы вскочили в свой вагон.

Я счел нужным уточнить:

— Не с колбасой — с ветчиной.
— Возможно... Все свободны! Хотя нет! — тут же изменил он свое решение.— Османис! Таврис! Отвезите мадам Страздынь к месту службы — и сразу обратно.
— Слушаюсь!
— Будет сделано, господин начальник!
— А вас,— обратился он ко мне,— я попросил бы задержаться ненадолго.
— Зачем?
— Я прошу.

Штейнерт подождал, пока Османис и Таврис вместе с Гриетой вышли из комнаты, и окинул меня странным оценивающим взглядом. Он не был враждебным и вместе с тем всеял неясную тревогу.

— Вы кажетесь мне достойным молодым человеком, господин Ванаг. Я решил поговорить с вами наедине, без свидетелей.

Что еще за новый прием?

— Мне бы хотелось видеть вас нашим другом.

— А я и так не враг,— проямлил я, пытаюсь сообразить, куда он клонит.

— Очень хорошо! Как раз это мне и надо было услышать от вас. Знаете, какое сейчас сложное время. Смутьяны, бездельники всякие, анархисты... И особенно в рабочей среде. А вы как раз служите в типографии. Среди рабочих. Интеллигентный человек... Какой у вас заработок?

— Пятьдесят латов.

— Вот видите, не так уж и много. А мы бы могли вас поддержать материально. Да и по службе продвинулись бы побыстрее. А?.. От вас потребуется не так уж много. Подпишите обязательство...

— Это как?

Потянуть время, прикинуться олухом! Может, отвяжется?

Но Штейнерт продолжал терпеливо разъяснять. По каким-то соображениям он делал вид, что не замечает моей грубой игры. Не заметить же он, умный человек, просто не мог.

— «Я, такой-то и такой-то, принимаю на себя добровольное обязательство сотрудничать с политической полицией, информируя ее о любых подозрительных лицах и их действиях...» Ну и так далее. А мы, со своей стороны,

тоже возьмем на себя обязательства и будем их точно выполнять. В части вашей безопасности, в части материального поощрения... Ну что?

— Право, не знаю.

Дело заходило слишком далеко. Надо решительно рвать липкую словесную паутину, которой он меня обволакивал.

— Что же вас смущает?

— Да как-то, знаете, некрасиво все это... К тому же я еще совсем молодой, малоопытный. Сделаешь что-нибудь не так, потом жалеть будешь. Словом, подумать надо. С людьми посоветоваться.

Он сразу понял, что я выхожу из игры. Надул свои щеки в шрамах, обозленно подобрал губы.

— С какими еще людьми?

— С разными. С господином Земзаром, например. Он только на вид тюфяк, а так с головой. Или с Бизуном... Это рабочий у нас, старик, рядом со мной за наборной кассой стоит.

— Хорошо, Ванаг, я вас понял... Ну, все! Смотрите только, не попадитесь мне больше на дороге.

— Можно идти?

— Идите.

Что ему еще оставалось делать? Задержать меня «по подозрению»? Были даны охранке такие права. Но даже для этого требовались хоть минимальные основания.

Я направился к выходу. И чуть было не сделал ошибки. Он бы тогда получил необходимые основания. Меня стукнуло в самый последний момент, когда я открыл дверь и уже даже занес ногу через порог.

Прикрыл дверь снова, обернулся. Штейнерт смотрел на меня в напряженном ожидании. Как он жаждал моего просчета!

— Что еще?

— Да ботинки мои! Совсем забыл о них со всей этой катавасией.

Огляделся в поисках куска оберточной бумаги. Ничего не было — ни бумаги, ни газеты. Подошел к стене, оторвал клоч обоев, аккуратно завернул ботинки.

Штейнерт молча ждал.

А я не торопился. Ничего охранке теперь мне не сделать. Пусть позлится, пусть себе злится! Пусть хоть лопнет от злости!

...Три дня ходил я только одним маршрутом: квартира — типография, типография — квартира. На четвертый день рано-рано утром, когда еще спят даже шпики и собаки, приняв все меры предосторожности, пробрался к Пеликану и сообщил ему, где чемодан с листовками. К тому времени его по моему поручению уже забрал у мумии один верный человек из сочувствующих.

Потом рассказал подробно, как меня вербовали.

Угластое худое лицо Пеликана за те дни, что мы не виделись, пожелтело и осунулось еще больше. Под глазами синими крыльями залегли глубокие тени. Шли аресты, в организации возникала брешь за брешью. Латать их не хватало ни времени, ни сил.

— Лисьи ходы! — Пеликан, озабоченно морща лоб, вышагивал из угла в угол. — Не так он прост, Штейнерт! Вербовать он тебя и не собирался, он знал, что ты не завербуешься, это ясно. Какой-то трюк. Но какой? Сбивал с толку? Запугивал, путал? Чтобы ты сказал нам — мне, другим? Внести смуту, беспокойство, неуверенность?.. А ты напугайся! — вдруг повернулся он ко мне, очевидно что-то надумав. — До смерти напугайся! Притаись! Рви все связи! Сразу! Все до единой! Ничего никому не объясняя!.. Понял?

У меня ёкнуло сердце:

— Надолго?

— Надолго. Завязывается тут у нас один новый узелок...

Так я попал в подпольную типографию, вновь организованную вместо прежней, провалившейся.

А бывшие товарищи по ячейке стали от меня отворачиваться при встрече. Они считали, что я трусил и позорно отошел от борьбы.

Даже Вера...

Что поделаешь? Приказано было рубить все концы.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

я проснулся, по нашим понятиям, рано: часы на какой-то из ближайших колоколен били шесть. Что ж, начинаю привыкать понемногу к местным условиям. К тому времени, когда настанет пора уезжать из Вены, в четыре часа утра я уже свободно смогу садиться завтракать.

Инга тоже не спала, и это удивило меня куда больше, чем собственное раннее пробуждение. В кабинете поскрипывал паркет, ко мне в спальню долетал шелест страниц. Инга, по всей вероятности, инспектировала богатую хозяйскую библиотеку.

И снова, как вчера, раздался телефонный звонок. Только звонили не по внутреннему, а по городскому телефону, упрятанному в допотопный декоративный ящик.

Инга оказалась возле аппарата раньше: я провозился с халатом и домашними туфлями.

— Слушаю!.. Пожалуйста! — Она прикрыла рукой вычурный рожок микрофона. — Тебя. На странном русском.

— Да, да! — Украшенная металлическими излишествами трубка казалась непривычно тяжелой. — Ванаг у телефона.

— Сердечно приветствую вас с поистине добрым утром, господин профессор. Говорит ваш вчерашний знакомый. Смее надеяться, узнаете?

Отто Гербигер, библиотекарь. По каким-то соображениям он не хочет себя называть.

— Конечно!

— Я со специальным намерением звоню вам не из дома, а из уличного автомата. И все равно... Когда рядом на службе такая внимательная пара коллег, нельзя быть ни в чем безнаказанно уверенным. Вы меня, надеюсь, понимаете?

— Стараюсь изо всех сил.

— Вчера вы любезно изволили согласиться выслушать мою одиссею. Так вот, если у вас еще не пропало желание и отыщется немного незанятого времени... Словом, сегодня я имею свободный день, так как работал в прошлый уикенд. Кажется, у вас это называется отгул?

— Боюсь, ничего не получится. Мы с дочерью отправляемся в небольшую поездку до понедельника.

— Ах так! — Образовалась недолгая пауза. — Ну хорошо. Тогда я сейчас же отправляюсь к себе в бюро, а свободный день возьму в понедельник.

— Мне бы не хотелось ломать ваши планы.

— Зачем же вы так зло шутите? Какие планы у одинокого старого холостяка! Я же сказал: меня никто никогда не ждет, я решительным образом никому не нужен. Значит, в понедельник? Во второй половине дня?

— Да, так, пожалуй, удобнее. Вдруг мы задержимся в пути.

— Благодарю! Я приглашаю вас с дочерью в ресторан на обед. Скажем, в три. Где мы встретимся? По тем же соображениям... Ну, вы знаете... Мне бы не хотелось заходить за вами.

Я на секунду задумался.

— Знаете что, на Зингерштрассе должен быть такой кабачок: «Три топора».

— Ну как же! Недалеко от Штефля?

Значит, кабачок еще существует. Почему-то я обрадовался.

— Да, да!

— Очень хорошо! Значит, в понедельник ровно без пяти минут три я буду надеяться увидеть вас с дочерью возле входа в локал. Желаю приятного путешествия!

В трубке шелкнуло. Загудел сигнал отбоя.

«Звоню не из дома...» Конспиратор! Я невольно усмехнулся. Бойтся, что его телефон прослушивают. А про мой не подумал. И попал в самую горячую точку. «Кровососущее насекомое», конечно, сделало свое дело. Представляю, какая теперь там поднимется возня с этой пленкой. Полдня будут прокручивать, доискиваясь до тайного смысла телефонного разговора. А потом возьмутся за «Три топора». Вдруг именно там осуществляется тайная передача пакетов с наркотиками...

Инга не зря чуть свет залезла в книжный шкаф. Ее заинтересовал Бельведер — вчерашний гид очень уж советовал побывать там. За чашкой утреннего кофе Инга с азартом принялась расписывать красоты этого дворца, о которых она успела вычитать в разных справочниках:

— Два великолепнейших здания в стиле позднего барокко. Роскошный парк с фонтанами. Богатейшая картинная галерея...

— Опять Габсбурги?

Она с укором покачала головой:

— Отец, отец! И ты прожил в Вене целых два года!.. Конечно же, нет! Принц Евгений Савойский.

— А-а, этот честолюбивый оловянный солдатик!

— Да не солдатик, а фельдмаршал!.. И не только. Дипломат, государственный муж. Кстати, к твоему сведению, именно он, а не Карл Габсбург являлся в то время фактическим правителем Австрии...

Ого! Доченька уже основательно начиталась.

Мне нужно было к Штольцу, в отдел печати, Инге — в Бельведер. До Ринга — шумного и яркого бульвара в самом центре города, подковой упирающегося в берег Дунайского канала, — мы шли вместе, и Инга всю дорогу просвещала меня насчет Евгения Савойского. Племянник всемогущего кардинала Джулио Мазарини, человек очень маленького роста, но огромного тщеславия, он хотел сделать военную карьеру во французской армии. Однако к тому времени дядя его уже умер, и магия его имени рассеялась. Коротышку Евгения зло высмеяли и порекомендовали ему идти в монахи. Тогда смертельно оскорбленный юноша обратился к Габсбургам. Те вели многолетнюю изнурительную войну с турками, которые рвались в Европу и уже дважды осаждали Вену, стоявшую у них на пути. И тут, в боях против турок, и раскрылись военные таланты маленького принца. За десять лет он прошел в австрийской армии путь от младшего офицера до фельдмаршала. Разбил наголову турецкие полчища, круто повернул на запад и стал громить французов.

Я слушал Ингу вполуха. Куда-то подевался мой вчерашний знакомец — черный «мерседес». Не было его ни у нашего дома, не возникал он и на улицах, по которым мы проходили.

Может быть, я все это насочинял?

На Кертнерштрассе, которая представляла собой пешеходный остров, омываемый со всех сторон бесконечными автомобильными потоками, нам пришлось замедлить шаг. По улице тянулись магазины самых модных венских фирм, к их витринам с новинками одежды и обуви льнули целые толпы. Пришлось держаться середины, бывшей проезжей части, выложенной теперь кафелем и уютно оборудованной фонтанами, газонами, скамьями для отдыха.

Венцы народ очень спокойный, неторопливый, размеренный. Никто здесь не повысит тона, не крикнет. Даже когда скапливается много людей и неизбежно возникает шум, он носит ровный характер, подобный гулу моря, и в нем растворяются отдельные голоса.

Поэтому мы с Ингой сразу насторожились, когда вдруг услышали впереди странные выкрики. Один голос что-то кричал, словно отчаянно споря, другой так же громко ему возражал.

— Что это? — Инга, держась за мое плечо, приподнялась на цыпочки в попытке разглядеть спорящих. — А, вот они! Двое молодых парней.

Подошли ближе. Теперь уже можно было разобрать слова.

Нет, они не спорят. Наоборот: полное единодушие!

— Остановитесь! Оглянитесь! Посмотрите на небо, на землю! Запомните! — провозглашал по-немецки один из двоих, стоя на раскладном стульчике, который, по всей видимости, принес с собой. — Ибо завтра всего этого может уже и не быть! Род человеческий доживает последние дни!

— Дьявол овладел миром! — вторил ему на приличном английском языке другой парень с роскошной белокурой гривой и лопатообразной ассирийской бородой. — Люди низринуты в пучину всеобщего смертного греха!

— Нет больше религии! Нет больше бога! Супервера — вот в чем единственное спасение!

Только супермен, верящий в супербога, избавит человечество от Страшного суда! Слушайте! Слушайте!..

Никто их не слушал. Проходили мимо степенные старички в зеленых тирольских шляпах — капризным ветром моды наперекор они, как и тридцать лет назад, продолжали здесь прочно удерживаться на головах. Проходили опрятные тихие старушки. Шла длинноволосая молодежь в драных джинсах. Шли горластые группы жующих свою вечную жвачку американцев, подчеркнуто бесцеремонных, полураздетых, босоногих. Шли японцы, маленькие, в черных пиджаках, в галстуках и лакированных туфлях, невзирая на плавящую жару. Шли, как будто ничего не слыша, не замечая этих орущих парней.

А те продолжали, словно заводные, выкрикивать свое: один на немецком, другой на английском. Полное отсутствие слушателей их нисколько не смущало. Они, как бы в отместку, в свою очередь тоже не проявляли никакого интереса к прохожим, уставясь в какую-то видимую им одним точку поверх толпы, и кричали наперебой, ни к кому не обращаясь:

— Мы не свидетели Иеговы, мы не мормониты и вообще не сектанты! Мы — новое слово суперрелигии!

— Приходите сегодня к семи вечера в наш молитвенный дом — и вы сразу прозреете!

— Хочу прозреть! — Инга решительно трянула ко-

ротко стриженными волосами. — Пойду! Интересно, там у них зрелишно, вроде стриптиза, или что-то вроде проповеди? Вот бы подкинуть вопросик-другой! Ты обратил внимание — у того, с буйной растительностью, золотой браслет? Он ему не мешает в день Страшного суда?.. Нет, пойти, пойти, вот будет потеха!

— Потехи не будет. Потеху придется отставить до следующего приезда.

— Отец, это непозволительный нажим. — Она взглянула на меня с укоризной. — Кто-то дал твердое мужское слово не злоупотреблять родительской властью.

Пришлось напомнить:

— А Зальцбург?

— Ах да, да, я совсем забыла. Какая жалость! Так вдруг захотелось суперверить... Как ты считаешь, отец, сами-то они верят, во что кричат?

— По-моему, работа как работа.

— Думаешь, они по найму? Вот бы спросить! — Инга оглянулась: парни с прежним усердием продолжали молотить в два голоса. — А, ладно! Из всех троих выбираю Евгения Савойского. Все-таки принц! Ну, пока! — Она чмокнула меня в щеку. — И пожалуйста, не давай волю своей буйной фантазии, если я, случаем, опоздаю на несколько жалких минут...

Эскалатор подземного перехода унес ее вниз. Я только успел головой покачать.

Мое неугомонное чадо на удивление быстро приспособилось к необычным для него условиям Вены. Если первое время Инга еще как-то осторожничала и старалась держаться меня, то теперь уже освоилась до лихости, будто всю жизнь только и делала, что раскатывала по заграницам.

Конечно, не обходилось тут и без изрядной доли бравады и позерства. Я был уверен, например, что, когда меня нет рядом и некому пустить пыль в глаза, Инга другая.

И все же...

Господин Штольц из отдела печати, вопреки своей фамилии — слово «штольц» по-немецки означает «гордый» — оказался довольно бледной личностью как в буквальном, так и в переносном смысле. С унылым вислым носом, с дряблой, нездорового желтоватого оттенка морщинистой кожей, он производил впечатление глубокого

старика, хотя, как выяснилось позднее, ему не было еще и пятидесяти.

Мне показалось, до моего прихода он мирно подремывал у себя в кабинете, обложившись для вида бумагами.

При моем появлении, чтобы стряхнуть с себя сон, засуетился чересчур оживленно, усаживая меня в кресло.

— Кофе? Кока-кола? Тоник?

Я поблагодарил и отказался.

— О, вы великолепно говорите по-немецки! К сожалению, я по-русски уверенно знаю всего только два слова: «прошу» и «спасибо».

— Этого вполне достаточно, чтобы вести светский разговор.

— Вы считаете? В таком случае, с которого из них следует начать?

— Если верно все то, что сказал мне вчера профессор Редлих, я лично начну со слова «спасибо».

Штольц рассмеялся, взглянул на меня с пробудившимся интересом. Оживление, которое он вначале имитировал с помощью профессиональных навыков опытного чиновника, приобрело иной, более естественный характер.

— Значит, из двух возможных мне теперь остается лишь одно. В таком случае — прошу!

С этими словами он протянул мне два железнодорожных билета.

— До Инсбрука и обратно, через Зальцбург. Вам следует лишь вписать свои фамилии, вот сюда. Поезд сегодня в пятнадцать пятнадцать. В Зальцбурге вас встретят, номер вагона им уже известен. В крайнем случае, если потеряете в толчее друг друга, предусмотрена встреча в бюро путешествий на вокзале. Думаю, вы будете приняты бургомистром.

Я заерзал в кресле.

— Не хотелось бы никому причинять хлопот. Нам с дочерью вполне достаточно сведущего гида.

— Не беспокойтесь, это приятные хлопоты. Советы теперь в моде. Бургомистр или его заместитель — я не знаю, как там у них сейчас с отпусками, — несомненно будет рад возможности побеседовать с вами... Между прочим, мой начальник предлагал отправить вас самолетом. Но я взял на себя смелость убедить его, что это не доста-

вит вам радости. Взлет и посадка — вот и все. Вы ровным счетом ничего не увидите. У нас ведь тут расстояния... Словом, не то, что в вашей стране.

— Вам приходилось бывать в Советском Союзе?

Он развел руками:

— К сожалению, нет... Но и так достаточно одного только взгляда на карту мира... Не сочтите, пожалуйста, за нескромность. — Он сложил сердечком губы, такие же бескрасные, как и все его серо-желтое лицо. — Господин Редлих сказал, вы литовец?

— Нет, я латыш.

— Ах, простите, простите! Латыш, конечно. Латвия, Литва — я всегда путаю. И... — Он почему-то замялся, понизил голос: — Коммунист?

— Коммунист.

— Убежденный?

Вопрос этот, заданный с какой-то трогательной наивностью, заставил меня улыбнуться:

— А разве бывают неубежденные коммунисты?

— Бывают! Бывают! — Он с неожиданной горячностью замахал руками. — Все бывает! Убежденные католики, неубежденные коммунисты. И наоборот. Вот я, например, неубежденный католик.

— Как это понимать?

— Очень просто! Хожу в церковь по воскресеньям с женой и детьми. Голосую на выборах только за народную партию. Выписываю вот уже тридцать лет католическую прессу. А так... Загробное царство, чем я к нему ближе, интересует меня все меньше и меньше. Газету я каждое утро аккуратно вынимаю из почтового ящика, но никогда не читаю. А выборы... Честно говоря, я даже толком не знаю, чего хотят наши «черные» и чем они отличаются от социалистов.

— Есть же какие-то отличия...

— Должен ли выход из нового метро быть прямо против Штефля или чуть в стороне? Простите меня, но это не серьезно. А голосую я за народную партию только в пику своему начальнику. Он у нас социалист. А вообще-то по своим глубоким внутренним убеждениям я чиновник. Убежденный чиновник средней руки. Разве плохо? Я старательно выполняю свой небольшой, строго очерченный круг обязанностей, смею думать — даже хорошо, и чихать мне на то, кто там сейчас у большого рулевого колеса, социали-

сты или клерикалы. Я буду нужен и тем и другим... И жена мною довольна — это тоже кое-что да значит в нашем мире. Да, да, да, не улыбайтесь! По мнению австрийских женщин, лучший муж именно чиновник. Он всегда приходит домой отдохнувшим, хорошо выспавшимся и прочитавшим газеты.

И сам первый господин Штольц посмеялся своей шутке, залиvisto, тоненько привизгивая.

— Разрешите?

В кабинете появилась молоденькая миловидная секретарша.

— Господин советник, в десять прием у мистера Смолетта. Сейчас без двадцати, вы просили напомнить.

— Очень хорошо, Мицци! — Она вышла. — Опять начинается чертова карусель. Такая жара, а тут смокинг, виски, потные лица...

Он быстро и очень толково, в нескольких словах, изложил мне маршрут предстоящей поездки. Подал на прощание холодную, мягкую безвольную руку.

— Жаль расставаться с вами, вы пришли мне по душе.

Интересно, чем? Ведь говорил, в основном, он сам.

А может быть, именно этим?

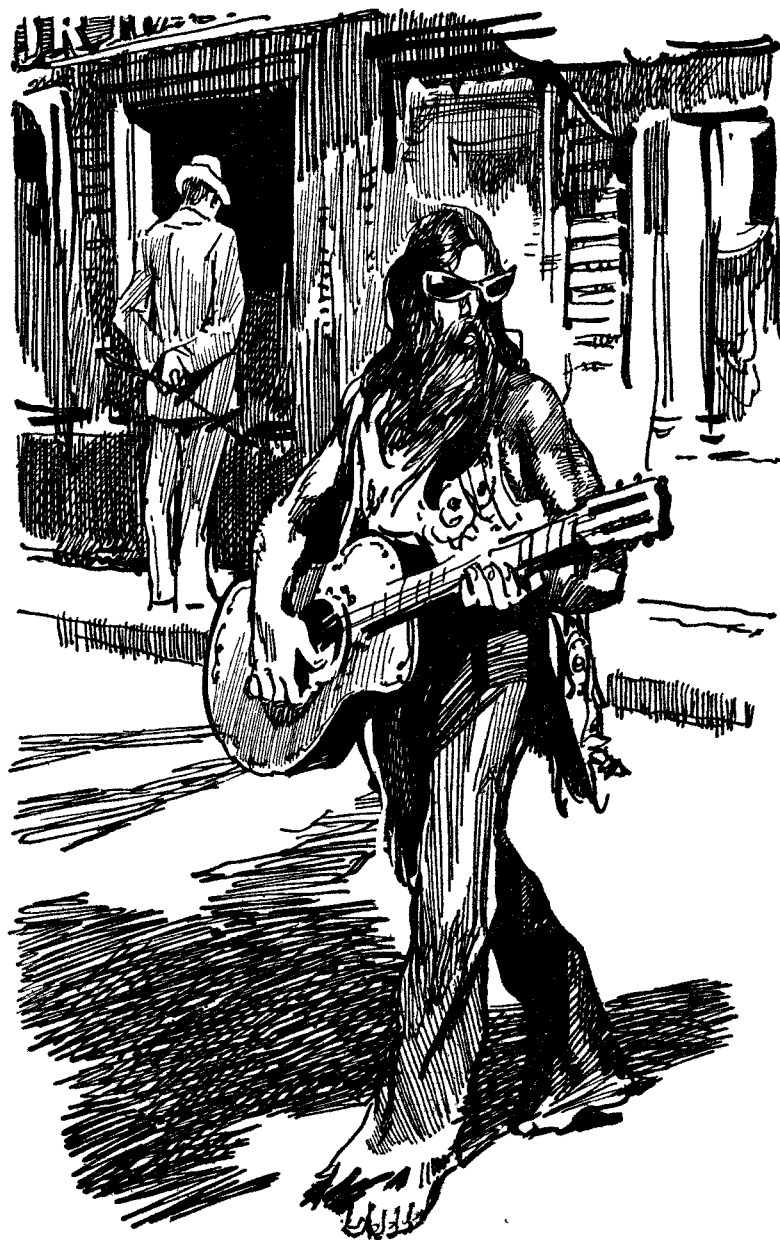
— Не пообедать ли нам как-нибудь вместе, когда вернетесь, а?.. Пусть вас не смущают расходы. — Я задумался над тем, как бы отказаться, не обидев его, а он неправильно истолковал мое чуть затянувшееся молчание. — Проведу по ставке на представительство. Вот вам еще одно незаметное, но немаловажное преимущество чиновника среднего ранга. Маленькому на представительство не отпускается средств, а высокопоставленный не будет этим марать себе руки... Так как же? Мне, право, очень хотелось бы потолковать с вами.

Мы договорились на вторник.

Кажется, он был искренен. Возможно, ему вдруг захотелось вырваться на какое-то время из своего привычного, опостылевшего круга, посидеть с совершенно чуждым ему человеком, поговорить, поболтать без опасения, что все сказанное им не пойдет дальше и не будет превратно истолковано.

Интересно, отказался бы он от своего намерения, если бы узнал про телекамеру и черный «мерседес»?..

Возле дома я вдруг почувствовал, что на меня кто-то

пристально смотрит. Не знаю, что там говорит о телепатии серьезная наука, но, по-моему, человек каким-то непостижимым образом ощущает на себе устремленный на него пристальный взгляд. Может быть, не каждый, спорить не берусь. Но вот, например, подпольщик, которому все время приходится быть начеку, остерегаясь слежки, в конце концов приучается, даже не поворачиваясь, чувствовать на себе чьи-то глаза. Причем это приобретенное свойство, или умение, или натренированность, уж и не знаю, как сказать, не исчезает с течением лет. Достаточно только попасть в сходные обстоятельства, пусть даже через долгие годы, как способность эта проявляется вновь. Нечто подобное происходит и с велосипедом. Кто ездил на нем, никогда уже больше разучиться не сможет. Выработанная способность держать равновесие останется навсегда, разве только потребуются несколько минут тренировки.

Так вот, резко повернув голову, я обнаружил, что ко мне очень внимательно приглядывается respectable вида высокий пожилой господин в кремовом чесучовом костюме. Беззаботно покручивая в руках тросточку, он прогуливался по другой стороне улицы возле магазина тканей, точно в том же месте, где вчера парковался черный «мерседес». Встретившись со мной взглядом, respectable господин сразу повернулся к витрине и стал изображать усиленный интерес к ярким летним тканям для женских платьев.

А у самого моего подъезда, в нише у стены, сидел на корточках рослый мускулистый хиппи в черных в виде бабочки солнцезащитных очках и едва слышно потренькивал на гитаре. Он не обращал на меня никакого внимания, пока я возился у парадной с ключом, но какое-то чувство подсказало мне, что оба они, и пожилой господин и этот обтрепанный хиппи, из одной и той же компании.

Полиция? Наркотики?

Теперь уже у меня начали закрадываться сомнения. Но, с другой стороны, откуда такой внезапный интерес к моей персоне? Ведь мне решительно нечего ни бояться, ни скрывать.

Что же делать? Обратиться в советское посольство? А если это все-таки относится не ко мне, а к Шимонекам?

Нет, решил я, пока лифт, постукивая, поднимался на мой этаж, нет абсолютно никакой причины ударять в набат. Тем более, что через час-другой мы с Ингой уже вообще не будем в Вене. А вернемся — тогда посмотрим. Можно вообще не возвращаться больше в эту квартиру. Говорила же Эллен, что не составит никакого труда поселить нас у других.

Дома меня ждал сюрприз. Инга, услышав звяканье ключа, сама открыла дверь.

— А у нас гости! — произнесла она по-немецки.

Фрау Элизабет Фаундлер из Южного Тироля со своей вертлявой собачкой Альмой!

— Извините, господин... Ах, у меня всю жизнь ужасная память на фамилии!

— Ванаг, с вашего позволения.

— Да, господин Ванаг! Я не стала ждать приглашения, как видите. Вы бы меня все равно не пригласили... Я сделал протестующий жест.

— Ах, пригласили бы? Тогда тем более. Я лишь чуть-чуть опередила события, не так ли? Все дело в том, что после того, как я познакомилась с живым русским господином, мне вдруг до смерти захотелось поглядеть на живую русскую барышню. Жить через стенку и не познакомиться — это же такая мука! И я решила: зачем мне мучиться? Пойду и приглашу их на свой яблочный штрудель.

Темпераментная старушка мало походила на ровных, чуть вяловатых венцев. Те так легко не заводили знакомства, а уж пригласить к себе...

— К сожалению, — сказал я вполне искренне, — к сожалению, через несколько часов мы уезжаем.

— Уже знаю. Ах, старая кочерга, нет чтобы вчера вас пригласить! А то промучилась целый день: удобно, неудобно... Даже ночью плохо спала... А у вас замечательная дочь. Такая образованная барышня. Она мне прямо раскрыла глаза. Этот Евгений Савойский!.. Я всю жизнь чувствовала здесь какой-то подвох. Явиться сюда без штанов и через какой-нибудь десяток лет стать богатым на земле человеком!.. Нет, с честными людьми такого никогда не случается!..

Она ушла, пожелав доброго пути и взяв с нас честное слово, что, вернувшись, мы непременно отведаем ее штруделя.

— Что ты там наговорила ей про Евгения Савойского? Насколько мне помнится, не далее как утром у тебя звучала совсем другая песня.

Если Инга смутилась, то на один лишь миг.

— Обыкновенный прокол, отец! Оказывается, одно дело — прочитать и совсем другое — увидеть собственными глазами.

— Ах, ты его увидела. Ну как он там, старина Евгений, в добром ли здравии?

— Спасибо, более чем! — Она метнула в меня синие молнии. — Привет просил передать... А если без шуток-прибауток, то окружение, обстановка, мебель, всякие носильные вещи могут сказать о человеке не меньше, чем личное знакомство.

— Другими словами, тебе не понравилось ложе, на котором он почивал, и отсюда ты сделала вывод, что это несносный тип.

— Знаешь что, отец!.. Давай либо серьезно, либо вовсе не будем говорить.

— Ну, давай серьезно. Чем именно разочаровал тебя Бельведер?

— Сам дворец не разочаровал меня ничуть! Роскошное место. Но о бывшем своем владельце объективно свидетельствует не с лучшей стороны. Авантюрист, нувориш, показушник... И вообще чувствую, хватит с меня всяких дворцов! Надо переключаться на храмы божьи.

Новый вираж!

Ничего подобного, стала с жаром доказывать Инга. Никакой не вираж. Дворцы интересовали ее не сами по себе, а лишь с точки зрения истории культуры. Но, как выяснилось к ее глубокому разочарованию, чаще всего они выражают только личные вкусы своих владельцев. Конечно, и вкусы эти не свободны от модных течений времени. И все-таки... Каприз заказчика — и вдруг среди строгой готики ни с того ни с сего возникает чистейший греческий эпиталий или даже египетский усеченный обелиск. Не говоря уже о внутренних интерьерах. Чего там только не наворочено!

Другое дело церкви. Они строились для народа, так сказать для массового потребления, и в этом отношении на их создателей никакого нажима не оказывалось. В результате свою эпоху церкви выражают куда свободней, точнее и чище, чем дворцы.

Моя увлекающаяся дочь опять ошибалась. Логика ее рассуждений была лишь поверхностной, кажущейся. Уже само назначение церкви как места молений соответствующим образом воздействовало на строителей. Не говоря уже о том, что заказывали и принимали готовое тоже определенные лица со своими вкусами и взглядами. Недаром же из церквей нередко изымались картины одних мастеров, чем-то не понравившиеся духовным пастырям, и заменялись другими, несравненно более худшими.

Но стоило ли с ней спорить? Дворцы ли, церкви ли — какое это имеет значение! Инге интересно, она «при деле» — вот основное. Пройдет «церковный период», настанет какой-нибудь другой: живопись-модерн или прикладная графика.

Главное — ей не скучно, ну и с ней тоже не соскучишься.

Мы начали собираться, и тут вдруг прикатил на своей поджарой, как гончий пес, «шкоде» Вальтер — отвезти нас на вокзал.

Этого мы никак не ожидали. Даже Ингу тронула его внеплановая любезность.

— А что же ваш распорядок дня, дядя Вальтер?

— По распорядку дня сейчас послеобеденный сон на служебном месте! — рассмеялся Вальтер. — А как раз сегодня ночью я прекрасно выспался.

Мы захватили с собой в поездку немного вещей — сумку и небольшой чемодан. Он не дал нести Инге чемоданчик — взял у нее из рук.

— Не надо, дядя Вальтер, мне не тяжело.

— Давай, давай! У нас еще нет равноправия женщин.

Хвосты торчали на своих постах, только поменялись местами. Чесучовый костюм околачивался теперь у двери подъезда, гитара устроилась у витрины с тканями.

Мы уселись в «шкоду». На заднем сиденье было тесновато — мне пришлось прижать к дверце колени.

Вальтер завел мотор.

«Хвосты» не проявили ни малейшей тревоги по поводу моего отъезда. Я долго следил за ними в заднее окно. Они спокойно оставались на своих местах, пока не исчезли из моего поля зрения. Черного «мерседеса» с красными сиденьями тоже нигде не было видно.

Идиллия в отношениях Вальтера и Инги продолжа-

лась недолго. Они поцапались еще в машине. Поводом послужил все тот же Евгений Савойский. Вальтер без особого интереса, просто так, из любезности очевидно, снисходительно поинтересовался, где побывала Инга сегодня.

— В Бельведере,— ответила она лаконично.

— Ну и как?

— Интересно.

По ее тону я определил, что она не склонна к разговору. Но Вальтер этого не почувствовал и в своей обычной ровной, с поучающими интонациями манере стал популярно разъяснять, чем примечателен Бельведер. При этом он, естественно, не преминул упомянуть и Евгения Савойского, назвав его великим.

Этого хватило, чтобы Инга тотчас же полезла в бутылку.

— А по-моему, он просто авантюрист, мародер и мерзкий мстительный человечек.

«Шкода» чуть притормозила — только этим Вальтер и проявил свою реакцию.

— В самом деле? — спросил довольно безразлично.— И ты можешь это доказать?

— Пожалуйста! — Инга, не задумываясь, стала перечислять.— Освободил Венгрию от турецкого ига и тут же навязал другое, австрийское — раз! Потопил в крови народное восстание в Нидерландах — два! Из чувства мести французам, которые когда-то не захотели взять его в армию, затеял гнусную войну за «испанское наследство» — три! Половину всего захваченного австрийской армией прикарманил лично себе — четыре! Весь Бельведер выстроен на награбленное!

— Нравы времени,— удалось вставить Вальтеру.

Он только подлил масла в огонь.

— Да? Джонатан Свифт, между прочим, жил в то же время. И Ньютон! И Дидро! Вот какой диапазон у ваших «нравов времени». Так что ссылка на них неосновательна и отвергается.

Я не удержался:

— Браво, Инга! Двадцать копеек!

— Что это значит? — удивленно повернулся ко мне Вальтер; «школа» как раз стояла возле светофора в ожидании зеленого света.— Какие двадцать копеек?

— Шутливое выражение одобрения.

— Так ты одобряешь?.. Удивительно! А австрийцы, между прочим, считают принца Евгения Савойского величайшим деятелем в своей истории.

— Австрийцы считают! — тут же ухватилась Инга.— Какие австрийцы? Все до единого? Вот вы, прогрессивный австрийский ученый, марксист, тоже так считаете?

— А ты, передовая советская студентка, комсомолка, разве не считаешь царя Ивана Грозного великим деятелем русской истории? — перешел Вальтер из обороны в наступление.

— Ивана Грозного? Шизофреником я его считаю! Шизофреником и сыноубийцей. Великий деятель — это прежде всего великий гуманист!

Наступление сорвалось.

— В самом деле? — Вальтер озадаченно пожевал губами.— В таком случае я тоже готов согласиться, что с точки зрения современного просвещенного человека Евгений Савойский действительно имел кое-какие недостатки.

И весело рассмеялся, заразив своим смехом и меня, и даже вздыбленную, настроившуюся на непримиримую схватку Ингу.

Мне нравилось это редкое умение Вальтера сразу, одной фразой или жестом разрядить накаленную обстановку. Инге — нет. Она считала, что спор таким образом не доводится до своего логического конца, а стушевывается, смазывается, так и не выявив истины.

Инга всегда предпочитала ставить жирные точки над «i». Даже если и сама оставалась внакладе.

Как родитель, я ею втихомолку гордился. Мне импонировала ее непримиримость и решительность. Как представитель старшего поколения — хватался за голову: ох эта молодежь с ее термоядерным максимализмом! Куда она заведет человечество!..

Старый венский вокзал хорошо помнился мне в виде длинного, угрюмого, мышиного цвета здания. На одном его конце высился нелепый дополнительный полуэтаж, который придавал вокзалу вид огромного закопченного паровоза. По какой-то ассоциации он представлялся мне местом страданий — может быть, потому, что поблизости в подобного же типа безликом вытянутом здании размещалась больница для бедных. Во всяком случае, горестные прощания были в таком унылом помещении больше

к месту, чем радостные встречи. Я мог прекрасно представить себе, например, проводы отсюда солдат на фронт или вынужденное расставание навсегда двух влюбленных. Это увязывалось с огромными пустыми окнами, с узкими, сдавленными с боков пилястрами, с темными угрожающими потеками на старой, давно не обновлявшейся штукатурке сверху стен, с холодным равнодушием высоченных залов ожидания — они переходили друг в друга без всяких стен и дверей. Трудно было понять, где кончается один зал и начинается другой; переходы лишь условно обозначались колоннами и арками. Человек чувствовал себя неуютно и потерянно в холодном пустом пространстве.

Этого вокзала больше не существовало. Его безжалостно снесли до самого основания и построили новый, современный, из стекла и бетона.

Он тоже не предлагал особого уюта, зато носил на себе четкий отпечаток современного делового лаконизма. Вот билетные кассы — все в один ряд. Вот информационное табло на целую стену. Вот, во всю ширину здания, выход на перрон с бесчисленными стеклянными дверьми. Все обозначено, все на виду, все предельно просто, удобно и доступно. Никакой суеты, никакой толчеи, никаких задержек. Пришел, взял билет, сел в поезд, укатил. Пришел, проводил, прямо с перрона, не заходя в основное здание вокзала, чтобы не мешать очередной приливной волне пассажиров, прошел через боковой выход на вокзальную площадь и отправился домой.

А что, собственно, еще требуется от вокзала?

Поезда, большей частью трансконтинентальные, проходившие через всю Европу, носили звучные, иногда неожиданные имена. «Восточный экспресс», прославленный еще Агатой Кристи. «Эдельвейс». Даже «Моцарт». Наш экспресс назывался «Венский вальс».

Вальтер вручил мне в дорогу иллюстрированный католический еженедельник «С нами бог», Инге — пачку американской жевательной резинки; она ее терпеть не могла, и он это знал прекрасно.

— Двадцать копеек! — Ухмыляясь, довольный своей проделкой, Вальтер помахал рукой тронувшемуся составу. — Мы с Эллен отыщем вас в Инсбруке в воскресенье.

И, не торопясь, размеренно впечатывая шаги в идеальный асфальт перрона, отправился к своей «шкоде».

Вальтер оставил машину вблизи бокового выхода, там, где разрешалось ставить только служебные машины. На этот случай он постоянно возил с собой картонный прямоугольник с печатным текстом: «Врач по срочному вызову», и выставлял его напоказ за ветровым стеклом.

Трюк действовал безотказно. Полицейские, безжалостно штрафовавшие владельцев машин за стоянку в неположенном месте, уважительно прочитывали текст и отходили от машины. Кто из них мог решиться оштрафовать врача, вызванного на вокзал по срочному случаю?

Следующие несколько часов мы любовались великолепнейшими местами альпийского предгорья. Наш «Венский вальс» вертко несся среди невысоких лесистых гор. С каждым новым поворотом железной дороги возникали все новые и новые пейзажи, словно скопированные с рекламных проспектов туристических фирм. То появлялся угрюмый старинный монастырь на отвесном, лишенном, казалось бы, каких-либо подходов, утесе. На смену монастырю, споря с ним и дразня, за очередным поворотом выплывал ультрасовременный легкомысленный отель с этажами-уступами на пологом склоне горы. Мрачное каменистое ущелье сменялось солнечной альпийской поляной с буйным многоцветьем трав. То побежит совсем рядом великолепное четырехрядное шоссе с белыми и желтыми разметками полос. То вдруг полная ночь — поезд проходит промозглый, смрадный туннель. То уж совсем неожиданно грациозными скачками понесется наперегонки с нами дикая лань...

Когда пошли ряды крохотных изящных «уикендхаузов» — дачных домиков с такими же карликовыми, тщательно ухоженными клумбами возле каждого из них, Инга, которая всю дорогу не отходила от окна в проходе вагона, повернулась ко мне:

— Зальцбург?

Да, это был уже Зальцбург. Вот визитная карточка города — старинная крепость на крутом холме. Гигантским указующим перстом высится она посреди подступающего к ее подножию моря красных черепичных крыш.

Жители Зальцбурга относятся к своей знаменитой крепости, как к старому, милому, доброму, но несколько чудаковатому дядюшке, который не прочь иногда за стаканчиком вина похвастать перед посторонними людьми своими несуществующими военными заслугами. С едва

уловимым подтруниванием над «дядюшкой» они утверждают, что их крепость во все времена была самой неприступной в Европе: ее никогда не брали вражеские войска.

Это истинная правда — не брали, никто, никогда. Но и для подтрунивания есть веские основания: не брали потому, что не возникало никакой военной необходимости. Грозная крепость расположена на редкость неудачно. Или, наоборот, удачно — смотря как взглянуть. Ее не только не брали, но даже и не осаждали, а просто-напросто обходили.

На перроне нас поджидали двое: высоченная сухопарая дама с вытянутым лицом и широкоплечий, плотный, ниже ее ростом мужчина в темном, с металлическим отливом костюме и галстуком бабочкой.

— Неужели бургомистр? Такой молодой! — восхищалась Инга, продвигаясь с сумкой через плечо к выходу из вагона.

— Придет бургомистр нас встречать, как же!

— Ну все-таки мы гости.

— Таких гостей у него... в час по дюжине.

— Хорошо, пусть заместитель. Все равно молодой, ему нет еще и тридцати.

Первой нас приветствовала дама. От имени бургомистра. Сам он чрезвычайно сожалеет, что лишен возможности персонально встретить высоких гостей. Но дела, дела!.. Туристский сезон, фестивали, самое горячее время Зальцбурга. Бургомистр просит понять и простить.

Словом, обычная формула вежливости.

Потом она представилась сама:

— Маргарет Бунде, официальный гид города Зальцбурга.

Особенный нажим был сделан на слове «официальный». Инга даже присмирела и с какой-то не присущей ей робостью поглядывала на мужчину с бабочкой: а он кто?

Мужчина не представился. Маргарет Бунде небрежно бросила, даже не посмотрев в его сторону:

— Карл! Багаж!.. Шофер господина бургомистра, — пояснила она тут же, при нем. — Он предоставлен в мое распоряжение на время вашего пребывания в городе.

Это было бестактно, даже оскорбительно. Но Карл и бровью не повел:

— Разрешите?

Взял у меня чемодан, потянулся к Ингиной сумке.

— Нет, я сама. — Она протянула ему руку для пожатия. — Меня звать Инга, я студентка. У вас какая машина?

— У господина бургомистра «форд» последней модели. А у меня лично «фиат».

— «Фиат»? Какого выпуска?

Они пошли к выходу, оживленно беседуя. Я недавно купил «Жигули» — «русский фиат», как их здесь называют, и Инга слегка разбиралась в машинах.

Фрау Маргарет Бунде проводила ее неодобрительным взглядом.

— Молодежь, видно, всюду одинакова — и у нас, и у вас. Ах! — вздохнула она, очевидно ожидая сочувствия. Но так как я промолчал, снова возвратилась к своему первоначальному оповещательному тону: — Господин профессор, для вас заготовлены две удобные комнаты в служебной гостинице магистрата. Сейчас я отвезу вас туда, вы расположитесь, отдохнете. В девятнадцать часов ужин в ресторане «Охотничий замок». Этим сегодняшняя программа, ввиду позднего времени, исчерпывается. О дальнейшем я буду ставить вас в известность по ходу дела.

Дорогой Инга, намеренно игнорируя фрау Маргарет, болтала с шофером. Официальный гид города Зальцбурга сидела на заднем сиденье, рядом со мной, и, поджав губы, командовала, демонстрируя свою безграничную власть:

— Карл, направо!

— Карл, налево!

Карл смиренно крутил баранку вправо и влево. Только один раз, на перекрестке, он позволил себе выпад. Не доезжая до поворота, подрулил к тротуару и остановил машину.

— Вы что, Карл?

— Не было команды куда.

Инга расхохоталась. Я тоже не удержался от улыбки. Но фрау Маргарет оказалась на высоте.

— Хорошо, Карл, — произнесла она громко, с подчеркнутым достоинством, но довольно миролюбиво. — Езжайте без команд, так и быть. Уже близко; я думаю, теперь вы доберетесь сами.

— Благодарю за высокое доверие, фрау Маргарет.

Он тронулся.

Нетрудно было догадаться, что между ними идет длительная и упорная престижная война.

Служебная гостиница помещалась на третьем этаже одного из подсобных зданий магистрата на тихой, усаженной каштанами улочке. Наши комнаты оказались смежными, обе с видом на неприступную, не нюхавшую пороха крепость.

Без двадцати семь к нам поднялся Карл.

— Мы уже здесь,— жизнерадостно сообщил он.— Но вы особенно не торопитесь. Ужин заказан на полвосьмого, она всегда терпит, чтобы, не дай бог, не опоздать. Не обращайтесь внимания, поступайте, как вам удобно. И вообще не позволяйте себя сбивать с толку всем этим ее видом: «Ах, что я за важная персона!» Такая же рядовая служащая магистрата, как и я. Она вам еще не говорила, что водила по Зальцбургу английскую королеву? Нет? Скажет непременно. А что она сама королевского происхождения, тоже еще нет?

— Она действительно водила королеву? — спросила Инга.

— Было,— подтвердил Карл.— Гид она экстра-класс, что есть, то есть. А вот насчет королевских кровей...— Он выразительно помолчал.— Это совершенно неожиданно открылось после отъезда королевы Елизаветы.

Машина Карла с головокружительной скоростью, визжа шинами на виражах, взобралась на гору в пригороде Зальцбурга, где в ресторане, отделанном снаружи и внутри в крестьянском стиле, для нас был заказан ужин.

На стене, на видном месте, так же как повсюду в Вене, висело огромное растрескавшееся тележное колесо. Но здесь, под специально закопченными балочными перекрытиями потолка, среди деревянных столиков и скамеек с резными орнаментами, оно было больше к месту, чем в шикарных, в зеркалах и позолоте, венских ресторанах.

Столик на террасе, примыкавший к залу, к которому подвела нас Маргарет Бунде, был накрыт на троих.

— А Карл? — сразу спросила Инга.

— Карл подождет нас в машине.

— Нельзя ли позвать и его?

— Магистратом предусмотрен ужин только на три персоны.— Маргарет Бунде смотрела на Ингу откровенно осуждающе.

— В таком случае желаю вам приятного аппетита! Инга стремительно повернулась.

— Инга! Успокойся! — сказал я по-русски.

— Я совершенно спокойна, отец.

И царственной походкой направилась через зал к выходу.

— Что это? — всполошилась фрау Маргарет.— Почему?

— Инга не хочет есть.

— Как же так — не хочет? — она пришла в еще большее волнение.— Как можно? Это же непорядок!.. В конце концов, нетрудно поставить еще один прибор... Официант!.. Нас будет четверо,— отрывисто бросила она подбегавшему молодому человеку в австрийской национальной одежде, с полотенцем через руку.

— Как угодно, госпожа!

Он отправился за прибором.

— Вот видите, все улажено! Все улажено! — Наш гид разволновалась не на шутку.— Я спущусь к машине! Я попрошу ее вернуться!.. Только, пожалуйста, пожалуйста, не говорите ничего господину бургомистру! Такая неприятность! — Она заламывала пальцы.

К машине я ее не пустил — пошел сам. Когда Инга вступала в горячий бой за справедливость, требовался известный опыт, чтобы ее охладить.

Они с Карлом как раз собирались приступить к ужину: на переднем сиденье между ними расстелена полиэтиленовая скатерка. На ней аккуратно разложены бутерброды со всякой всячиной. Картонные тарелочки, стаканы, на полу термос.

— Садись с нами! — весело предложила Инга.— У Карла всё с собой. А она пусть там ест за троих.

— За четверых,— сказал я.— Там уже стоят четыре прибора... Господин Карл, я прошу вас поужинать с нами.

— Я бы не против, господин профессор. Но как... она?

— Фрау Маргарет присоединяется к моему предложению. Ей тоже доставит удовольствие ваше присутствие.

Карл рассмеялся. Он мне нравился все больше и больше: не был обидчив и понимал шутку.

— Как вы смотрите на то, чтобы свернуть наш походный буфет, а, фрейлейн Инга? Там, наверху, вроде бы побольше всяких вкусных вещей.

— Да? Тогда решено! Я ведь сладкоежка.

Эта ее неожиданная сговорчивость меня и обрадовала и несколько удивила. Я предполагал, что встречу сопротивление, и был готов оказать серьезный нажим.

Вопреки моим мрачным предположениям, натянутость за столом тоже длилась только до первой рюмки. Фрау Маргарет маленькими, но быстрыми глотками опустошила свой бокал с густым сладким шерри-бренди, побагровела и моментально оживилась:

О-ла-ла!.. А почему бы нам не повторить?.. Если уж сама Елизавета предпочитает этот напиток всем другим...

И стала с гордостью рассказывать, как ей одной среди всех гидов Зальцбурга была оказана честь демонстрировать достопримечательности города королеве английской, что они ели, что пили и как она удостоилась высочайших похвал. Словно сомневаясь, поверим ли мы ей, фрау Маргарет то и дело обращалась к Карлу:

Не так ли, Карл?

И тот, не помня зла, подтверждал охотно:

Истинно так, фрау Маргарет!

И каждый раз подмигивал мне незаметно.

Смешливая Инга не поднимала глаз от белоснежной, вышитой по краям скатерти.

По пути в гостиницу, когда машина проделывала те же виражи, только уже в обратном направлении, и свет фар то и дело упирался в подножие отвесных стен на поворотах, Инга спросила у Карла:

— А вам не может влететь, если вдруг остановит ГАИ?

Простите? — не понял Карл. — Как вы сказали? Кто остановит?

Инга беспомощно обернулась ко мне:

— Помоги, отец!

— Так в Советском Союзе сокращенно называется дорожная полиция.

— А! — Он рассмеялся. — Нет, у нас бедняге шоферу не запрещается немножечко выпить.

Задремавшая было фрау Маргарет изрекла неожиданно, не размыкая век:

— По правде говоря, вы выпили намного больше, чем немножечко, Карл.

— И это не страшно, фрау Маргарет. Вы же прекрас-

но знаете: мой старший брат служит в центральном управлении дорожной полиции в Вене

— Приличные люди не хвастаются своими родственными связями, Карл, — мягко упрекнула фрау Маргарет, приоткрыв один глаз. — У меня, например, есть родственники среди царствующих домов Европы. Но вы слышали от меня хоть слово об этом?

— Что вы, фрау Маргарет!

Нет, у Карла был на редкость добродушный нрав!..

В гостинице, перед тем как ложиться, Инга зашла ко мне в комнату поболтать на сон грядущий.

— Какие они все-таки милые люди! — Она подтащила к окну кресло и уселась, поджав под себя ноги.

— И фрау Маргарет?

— И фрау Маргарет. Это ведь у нее только оболочка такая. А в сущности несчастная одинокая старая женщина. И боится всего на свете.

— Боится? Что-то я не заметил.

— А я чувствую. Поэтому и не стала особенно ерепениться, когда ты пришел за нами... Смотри, смотри!

В крепости на скале включили прожектора. Зубчатые стены башни сделались прозрачно-голубыми, словно осветились изнутри, и поплыли на фоне совсем уже темного неба. Крепость стала похожей на призрачный корабль, поднятый на гребень вздыбившейся и внезапно застывшей гигантской черной волны.

— Пора спать, дочка! — я опустил жалюзи. — Чувствую, фрау Маргарет поддаст нам завтра жару!

— Спокойной ночи, отец!

Инга встала, подошла ко мне и неожиданно, ни с того ни с сего крепко обняла.

— Ну, ну, ну! Что это вдруг?

Было чему удивиться. Инга не часто баловала меня проявлением своих дочерних чувств.

СНЕГ, СНЕГ, СНЕГ...

Он все падал и падал, пушистый, мягкий, неслышный и невесомый. И запах... Кто это выдумал, что снег не пахнет? У него очень тонкий, но совершенно отчетливый запах чистого, свежесвыстиранного белья. Или, наоборот, свежее белье пахнет снегом?..

Такой совсем по-зимнему густой снег был в сентябре необычен даже для этого сибирского города, в котором я после ранения и демобилизации из армии работал вот уже почти год. Ему удивлялись не только новички вроде меня, но и старожилы, озабоченно хмурясь и покачивая головой: люди еще не забыли неприятностей прошлой зимы с ее лютыми морозами и сугробами под самые крыши. Неужели снова такая напасть?

У нас в Латвии говорят: ранний снег к неожиданно-стям. И в самом деле, когда я пришел в горотдел милиции, где с недавних пор состоял в должности старшего следователя, дежурный подал мне клочок бумаги с аккуратно выведенными четырьмя цифрами.

— Просили позвонить, как только явитесь.

У себя в кабинете я попросил у телефонистки номер.

— Вас слушают,— с неторопливой степеньностью от-ветил молодой голос.

— Это Ванаг,— сказал я.— Если ты опять надумал разыгрывать, то для экономии времени предупреждаю заранее: я тебя узнал.

— Да нет же! Ты очень нужен. Бросай все и сразу же беги сюда.

— Галопом? Или лучше рысью?

— Нет, в самом деле! Очень срочное дело!

— Намекни.

— По телефону никак, приходи скорей.

Но я все еще не мог отвязаться от мысли о розыгрыше. Виктор Клепиков, мой добрый приятель, не раз и не два подцеплял меня на совершенно пустой крючок.

— А почему телефон не твой? — спросил я все с той же недоверчивостью.

— Сажу в кабинете у начальника... Ну хочешь, я к тебе приду? Только все равно нам потом придется возвращаться сюда.

Вообще-то следовало бы его прогонять туда и обратно — в отместку за прошлое. Но у Виктора — это я знал — опять разнылась раненая нога.

— Ладно! Жди!

Управление государственной безопасности находилось в нескольких кварталах от нас. Снег теперь валил крупными хлопьями, мягко оседал под сапогами. На совсем еще зеленых деревьях выросли высокие белые папахи.

Меня ждали. Тощий старший лейтенант с красными

от недосыпания глазами сразу же провел меня на второй этаж в кабинет начальника.

Виктор Клепиков, болезненно морщась, расхаживал по просторной комнате с поскрипывающим, пятнистым, давно не натиравшимся паркетным полом.

— Явился — не запылелся! Тут каждая минута на счету... — Он подошел к столу, снял трубку. — Дайте тридцать два — двадцать четыре... Аэропорт? Это Клепиков. Задержите самолет еще на час... Нет-нет, ни на минуту больше. Это с гарантией! — Он положил трубку и повернулся ко мне: — Ясно?

— Ну разумеется! — Я пожал плечами. — Ты все так хорошо объяснил. Только круглый дурак не поймет.

Он рассмеялся, но тут же стал серьезным.

— Тогда слушай внимательно. Времени в обрез. Тебя срочно вызывает Глеб Максимович. Сегодня в девятнадцать ноль-ноль ты должен быть у него в Москве. Если успеешь раньше — еще лучше. Тверской бульвар, двадцать шесть, квартира двенадцать.

Виктор умолк. Я тоже молчал, ожидая разъяснений. Но их не последовало.

— Ну? — поторопил я.

— Все. Во всяком случае, я сам тоже больше ничего не знаю. Да, вот еще что: приказано явиться в гражданском. У тебя есть гражданское?

— Что за вопрос! Переодеться?

— Сделай одолжение.

Это было проще простого. Я отстегнул погоны, отшпилил милицмейскую кокарду от фуражки.

— Вот и все!

— Типичный штафирка! — Виктор окинул меня пренебрежительным взглядом. — Залей немного сапоги. В гражданке никто так не драит.

— Это дело вкуса.

— И все-таки прошу тебя.

— Ну хорошо, — уступил я. — На улице. В порядке личного одолжения.

— Тогда поехали... Да, еще командировка! — Он взял со стола продолговатый листок, протянул мне.

Я с удивлением прочитал, что являюсь заместителем по снабжению директора гвоздильного завода.

— Можно было выбрать заводик посolidнее...

— Выбирал Глеб Максимович. Прилетишь в Москву,

предъявишь ему претензии.— Виктор посмотрел на часы, заторопился: — Скорей! Опаздываем!

Александр Дмитриевич, сверхмолчаливый шофер начальника управления, мчал нас на «эмке» с невероятной скоростью. Мы оба тоже молчали. Может быть, Виктор и ожидал от меня расспросов. Но я спрашивать не стал. Все, что нужно было, он уже сказал. А строить догадки на пустом месте не в моем характере.

На аэродроме, в вагоне, снятом с колес и поставленном на вечную оседлость у столба с облепленными снегом проводами, Виктор пошушукался с пожилым майором в мятых полевых погонах с летными эмблемами, и тот повел нас к «Дугласу», стоявшему на самом краю белого заснеженного поля.

— Трудный будет взлет.— Майор покусывал губы.— Ну да ничего. Поле еще раскиснуть не успело, осилим, думаю.

«Дуглас» был старым и дребезжал под порывами ледяного ветра как консервная банка. Бывшая зеленая краска лоскутьями отставала от металла. Казалось просто невероятным, что такая посуда может не только передвигаться, но еще и летать.

Виктор Клепиков пожал мне на прощанье руку:

— Поклон столице!

Я поднялся по лестничке. Майор затащил ее вовнутрь и задрал люк.

— Устраивайтесь.— И пошел к себе, в кабину. Дверь за ним захлопнулась с визгом.

Внутри все было набито мешками с почтой, посылками, автомобильными покрышками, всякой дребеденью. У одной из стен стояла неизвестно как попавшая сюда садовая скамья с сломанной спинкой. Она качалась, все норовя упасть. Сидеть на ней было не слишком-то удобно.

Самолет весь трясся, скрипел и стонал. Ему явно не хотелось взлетать, он сопротивлялся изо всех своих я уж и не знаю скольких лошадиных сил. Но все равно каким-то чудом поднялся в воздух.

На высоте визг и дребезжание вдруг прекратились. «Дуглас», словно понятливое выючное животное, сообразил, что раз уж его подняли, то теперь ничего не поделаешь, все равно придется лететь, и повел себя сравнительно спокойно, лишь изредка проваливаясь в воздушные ямы. Я как мог балансировал на своей садовой

скамейке. Проще, конечно, было бы усесться прямо на пол. Но самолюбие не позволяло.

Из кабины экипажа вышел пилот. Не майор, другой, помоложе, в кожаной куртке. Кивнул мне, сел прямо на мешки с почтой.

— Давай сюда! — прокричал, похлопав по пыльному мешку. — Тут все-таки помягче.

— А не помнется?

Он рассмеялся:

— Что помнется? Рукавицы? Валенки? Свитера? Тут одни подарки фронту.

Уселись рядышком. Действительно, на мешках было куда удобнее — чего я мучился на этом инвалиде из парка культуры и отдыха? Летчик закурил, оглядел меня внимательно. Увидел искалеченные пальцы на правой руке.

— Что, отлетался, друг?

Я поспешно завел руку за спину.

— Так случилось.

— Вот и у меня так случилось. — Он тяжело вздохнул: — На сегодняшний день имеем первый полет после госпиталя. Первый — он же и последний. В голове туман, зрение ни в какие ворота. Спишут к чертям собачьим! — Летчик сделал несколько глубоких затяжек, поплевал на окурок. — Куда податься, ума не приложу. Я ведь всю жизнь в авиации. Вот ты, например, кто?

— На заводе. По линии снабжения, — ответил я, вспомнив про командировку.

Он опять окинул меня критическим взглядом:

— По твоим мослам не видать. Недавно еще, что ли? — И, не дожидаясь ответа, сказал твердо: — А я от самолетов — никуда. Хоть техником, хоть сторожем на аэродроме... Ну ладно. Отдыхай, снабженец! Скоро Омск.

— Мы там садимся?

— И там, и в Свердловске, и в Казани.

— А когда в Москве будем?

— Черт его знает! К вечеру должны. Если погода. Если запросят вовремя. Если техника американская не забарахлит... Старая калоша! Трясешься в ней и гадаешь...

Садился «Дуглас» так же неохотно, как и взлетал. Но в остальном нам все благоприятствовало: и погода, и обслуга, и техника. В Москву мы прилетели вовремя. Не

было еще и пяти часов вечера, когда летчики, ссадив меня со своего служебного грузовика на площади Революции, объяснили, как идти:

— Поднимешься вверх по улице Горького до памятника Пушкину. Там и твой Тверской.

В Москве я прежде был только раз — в составе делегации латвийских комсомольцев на предвоенном Первомае. Так и осталось у меня от нее ликующе-праздничное впечатление: песни, музыка, красные транспаранты на зданиях и над колоннами, белые блузы с красными бантами, радостные, поющие лица.

Я понимал: идет тяжелая война, преобразилась вся страна, и Москва тоже не могла остаться такой, какой запомнилась мне со времени первомайских торжеств.

И все-таки военная Москва меня поразила. Это был совсем другой город: деловой, озабоченный, аскетически-строгий. Прохожие спешили, у каждого дела. Мало кто прохаживался празднo, мало кто улыбался. Зато я заметил другое. Не таким уж длинным был мой путь до Тверского, а остановили меня за это время раз десять:

— Товарищ, у вас нет, случайно, часов?

— Товарищ, не скажете, сколько времени?

Словно все ждали чего-то...

Дом двадцать шесть на Тверском бульваре оказался длинным двухэтажным зданием с облупившейся желтой штукатуркой, массой подъездов и длиннющими запутанными коридорами. Квартиры были пронумерованы без всякой системы. Рядом с третьей почему-то помещалась шестая, а за ней коридор, делая три капризных поворота, упирался в тридцать седьмую. В другом подъезде нумерация квартир начиналась с тринадцатой, а заканчивалась первой. В третьем подъезде я запутался окончательно, так как там все возобновилось сызнова, с квартиры номер один, потом повторялись номера, знакомые мне по прежним подъездам, только с едва заметно приписанной буквой «А» возле каждого номера.

К дворнику за справками обращаться не хотелось. Я решил терпеливо, не торопясь еще раз обойти весь дом. И сразу, в первом же подъезде, обнаружил, что в одном из запутанных поворотов есть непронумерованная дверь. Толкнулся в нее и неожиданно для себя открыл лестницу на третий этаж, пристроенный со стороны двора и потому не видный с улицы. Поднялся, и там, наверху, на простор-

ной площадке, уткнулся прямо в дверь с нужным мне номером.

Повернул звонок. Тут же раздались знакомые, неторопливые шаркающие шаги.

— Кто там?

— С приветом из Сибири.

Дверь открылась. Глеб Максимович! В еще по Южно-сибирску хорошо знакомой мне телогрейке, в старых, стоптанных шлепанцах. Постарел как! Лицо пожелтело, сморщилось. А ведь всего полгода не виделись.

— Заходи, заходи, чего на пороге застыл? Рад тебя видеть!

Он обнял меня, потрепал по плечу.

— Молодец! Повзрослел, возмужал!.. А я вот приболел малость. Печень проклятая! Ты уж извини, я похожу с грелкой, так полегче... Ну, раздевайся, садись, будем чай гонять.

Он пошел в отделенный занавеской уголок и стал возиться с чайником.

Я оглядел комнату. У одной стены солдатская койка, застеленная жестким одеялом. У другой — письменный стол, полки с книгами. А посреди прямо из пола поднимается великолепная мраморная колонна. Вернее, даже верх колонны — уж слишком несоразмерно велика капитель.

— Что — загадочка? — ухмыльнулся Глеб Максимович, заметив мой удивленный взгляд. — Колонна и верно шикарная. — Он похлопал ладонью по белому с коричневыми и желтыми прожилками мрамору. — Зал тут был прежде, огромный танцевальный зал с колоннами снизу доверху. Сам Пушкин, говорят, танцевал здесь со своей красавицей Натальей. А клетушки эти потом понаделали... Ну, садись к столу. Есть хочешь небось?

— Чуть-чуть, — признался я.

— Что означает в переводе на русский язык: с утра маковой росинки во рту не было, голоден как волк. Ничего, накормлю. Скопилось тут у меня всякой всячины. Старуха моя уже два месяца как в деревне. Да и сам я все больше в разъездах. А доппаек идет да идет.

Он расставил на столе у окна хлеб, печенье, две банки рыбных консервов, нарезал сало. И конечно же, принес свой знаменитый чай, которым потчевал нас с Виктором еще в Южносибирске, когда приезжал туда во главе мо-

сковской группы и привлек нас к выявлению и поимке фашистского агента.

Я стал есть. Глеб Максимович подкладывал мне всё новые куски, расспрашивая об общих знакомых, о всяких малозначачих пустяках. И ни одним словом ни он, ни я не обмолвились о том, что пришел я к нему все-таки не в гости с соседней улицы, а срочно летел, оторвавшись от всех дел текущих, чуть ли не через полстраны.

Он почему-то не начинал главного разговора, а мне первому спрашивать не полагалось.

И вдруг ударил орудийный залп. Я вздрогнул от неожиданности. Глеб Максимович рассмеялся:

— Салютуют. Теперь почти каждый вечер. Вся Москва живет в ожидании.

Я вспомнил о прохожих, то и дело спрашивавших меня о времени. Так вот чего они ожидали!

От мощных ударов тоненько пели стекла. Темнеющее небо озарялось дрожащими розовыми вспышками. Как-то непривычно было спокойно сидеть за чаем и считать залпы.

Глеб Максимович опять завел неторопливый мало-значущий разговор. Испытывает мою выдержку? Но ведь не для того он меня сюда вызвал, чтобы проводить эксперименты.

Наконец он озабоченно посмотрел на часы:

— Опаздывает что-то.

— Кто?

— Один товарищ. — Он переждал несколько секунд, но я ни о чем не спросил. — Тот, который просил тебя пригласить.

— Значит, не вы?..

— Нет. Узнал случайно, что мы с тобой знакомы. Вот он меня и попросил, чтобы не пользоваться официальными каналами... Еще чаю?

— Нет, спасибо.

Я уже и так выпил полные три кружки.

— Вольному воля. А себе я вскипачу еще.

Глеб Максимович отправился за занавеску, и как раз в этот момент слегка крутанули дверной звонок.

— Ну вот! — Он пошел открывать. — Входи, входи, что застыл на пороге! Мы уж тут заждались.

— Толпы на улицах. — Пришедший раздевался в закуточке у двери. — Еле пробился.

Я насторожился. Голос знакомый. Но чей?

Вот он появился в комнате. Штатский темно-синий костюм. Галстук, полуботинки. Землисто-серое лицо с запавшими щеками.

— Пеликан! Жив?!

Я не верил своим глазам. Ведь Пеликан убит! После освобождения он был вызван в Ригу на ответственную работу в новое министерство внутренних дел. Перед самой войной его убили члены подпольных националистических банд.

— Как ты сказал? — переспросил Глеб Максимович. — Пеликан?

— Это моя подпольная кличка... Жив, как видишь! — Он улыбался. — Правда, здоровышко по-прежнему неважное, но все-таки жив.

Мы обменялись крепким рукопожатием. Глеб Максимович смотрел на нас с затаенным недоумением, и я его хорошо понимал. Встретились старые знакомцы, оба подпольщика, соратники по борьбе. Ну как тут не обнять друг друга, не поцеловаться на радостях? Но что поделаешь: у латышей не принято горячо проявлять свои чувства.

— Значит, вранье! То, что тебя убили...

— Не совсем. Убили. Только не меня. Другого товарища. Интенданта из Москвы. Но ехал он в моей машине, обличьем мы тоже немного схожи. Вот они и решили, что прикончили меня. Ну, а мы не стали их разочаровывать. Так что имей в виду: я по-прежнему числюсь в убитых. И конечно же, я больше не Пеликан. Озолин Иван Петрович.

Это тоже была новость. Настоящая фамилия Пеликана Паберз. Андрис Паберз.

Сели за чай — на этом, как хороший хозяин, настоял Глеб Максимович. Пеликан пил молча, сосредоточенно, изредка окидывая меня непонятным загадочным взглядом. Что-то появилось в Пеликане новое, незнакомое мне по временам подполья. Он смотрел так, словно взвешивал человека на каких-то невидимых весах, назначение которых было понятно ему одному.

Обряд чаепития подошел к концу. Глеб Максимович стал торопливо собираться.

— Я пойду проветрюсь. Вы сами тут хозяйничайте.

— Нет, Глеб Максимович, останьтесь, пожалуйста, — попросил его Пеликан.

И вдруг он круто повернул разговор:

— Помнишь, ты прибежал ко мне на явку сам не свой и стал рассказывать, как тебя вербовал Штейнерт?

— Ну еще бы! Когда я нарвался на засаду в доме Ковальского... Но при чем тут это?

Пеликан не ответил на мой вопрос, словно и не слышал.

— Давай-ка теперь немножечко с тобой пофантазируем. Предположим, ты оказался парнем безвольным и слабым. Этаким гимназистик, случайно попавший в подполье. Штейнерт запугал тебя, подкупил... не знаю еще что. Словом, он тебя все-таки завербовал. Ты подписал соответствующую бумагу и стал тайно работать на охранку.

Трудно было уловить, к чему клонит Пеликан. Но его «фантазии» показались мне обидными, даже оскорбительными. Я не смог сдержаться и бросил довольно резко:

— Какая чепуха!

— Погоди, ты не возмущайся, не взрывайся. Я же сказал: просто фантазия, свободный полет мысли. Так давай же пофантазируем спокойно и без всяких обид. Вот ты говоришь — чепуха. Почему? Ведь в организации многие так и считали: проданся Ванаг.

— А я в это время работал в подпольной типографии. С твоего, между прочим, благословения.

Трудно было не заметить, как я уязвлен. Но Пеликан не замечал. Или делал вид, что не замечает?

— Все равно. Но другие этого не знали, не должны были знать. Они могли думать, что ты очень ловкий малый. Некоторые потом так и спрашивали: «Как же он смог выкрутиться?» Даже в органы писали.

— А я бы и не смог выкрутиться. Меня бы сразу раскрыли. Как только бы установилась Советская власть, так бы и раскрыли. Ты же знаешь: у нас в городе охранка ничего уничтожить не успела, вся документация попала в наши руки.

— Опять верно! И опять-таки не до конца! — Пеликан, сцепив пальцы, легкими, неслышными шагами размеренно ходил из угла в угол. — Вот, предположим, такое обстоятельство: за несколько дней до конца Ульманиса твое личное дело с какой-то целью было направлено в Ригу. Скажем, затребовали из управления политической полиции. Тогда что?

Я молчал. Мне очень не нравилось все это, и прежде всего то, как Пеликан со мной говорил. На что-то он меня

наталкивал, куда-то вел меня с завязанными глазами. А я так не хотел — вслепую. Мне казалось, я имею право знать, по какому пути мне предлагают идти. Может быть, раньше, в подполье, в условиях строжайшей конспирации, Пеликан, как руководитель, как более опытный товарищ, имел право требовать от меня слепого подчинения. Но теперь, когда я прошел фронт, повидал столько смертей и сам не раз бывал на краю гибели, теперь мы полностью сравнялись с ним во всем. Разговор между нами мог идти только на равных.

— Знаешь, Пеликан,— произнес я после долгой паузы,— это ведь у тебя не просто беспочвенная фантазия. Я пондобился тебе вовсе не для каких-то абстрактных рассуждений, а скорее всего для совершенно реального дела. А раз так, нечего ходить вокруг да около. Веришь мне — выкладывай напрямик все, как есть. Не веришь или сомневаешься — давай лучше свернем этот бесполезный разговор.

На его четко обозначенных заостренных скулах дернулись желваки.

— Если бы я в тебе сомневался, то не стал бы тянуть сюда за столько тысяч километров.

— Тогда говори в открытую.

Опять возникла долгая пауза. На этот раз молчал не я — Пеликан.

— Хорошо, пусть будет в открытую,— наконец сказал он.— Только предварительно скажу еще несколько общих слов. Наверно, я плохо умею убеждать. Но прошу тебя, пойми и поверь мне, что речь идет о деле большой важности. О таком деле, что для его успеха я, не раздумывая, кладу в залог свою голову. Итак, с одной стороны, моя твердая уверенность в человеке, которого я привлекаю. С другой стороны, если она, эта уверенность, не оправдается,— моя голова. Вот почему я обратился именно к тебе, Арвид. Разумеется, ты прав: человек имеет право сначала конкретно знать, о чем речь, а потом уже решать. Обычно так и поступают. Но только не в этом случае. Тут дело исключительное, и согласиться или отказать ты должен до того, как узнаешь суть. Так что решать нужно сейчас.

Пеликан остановился, несколько раз глубоко, с шумом вздохнул — у него еще в довоенное время было не все в порядке с легкими.

— И еще об одном подумай, прежде чем скажешь «да» или «нет»,— продолжил он, отдышавшись.— Где мне найти другого такого человека, за которого я спокойно могу положить в залог свою голову? И последнее: время не ждет. Еще месяц-другой, наши возьмут Ригу, и будет уже слишком поздно. Конечно, это не твоя забота, а моя работа. Но ты, пожалуйста, взгляни пошире, прошу тебя.

Все по-прежнему оставалось туманным и неопределенным. Более того, возникли новые неясности и вопросы. Ну какая, к примеру, могла существовать связь между предстоящим освобождением Риги и нашим сегодняшним разговором? И тем не менее из слов Пеликана я уяснил твердо: ему нужен именно я. Нужен для чрезвычайно важного дела. И, поняв это, я уже не мог ему отказать.

— Хорошо, Пеликан, пусть будет так. Считаю, что я сказал «да». Можешь выкладывать дальше.

Ни единым словом он не выразил своего удовлетворения. Кивнул головой, словно подтверждая, что все в порядке, что ничего другого он от меня и не ждал. Пошел в закуток у двери, где раздевался, и вернулся с потрепанным, когда-то шикарным кожаным портфелем с двумя солидными медными застежками. Уселся на стул между мною и Глебом Максимовичем, вытащил из портфеля объемистую папку.

— Давайте теперь троим сыграем в одну занятную игру. Я буду рассказывать, а заодно и показывать вам кое-какие бумаги, а вы меня критикуйте, опровергайте, разделяйте под орех. Вот, например, документ номер один.

Пеликан раскрыл папку, вынул оттуда лист бумаги и положил передо мной. Со все возрастающим удивлением я прочитал написанное на латышском языке:

«Начальнику отдела политической полиции господину Дузе.

От Ванага Арвида, сына Яниса...»

Дальше шли все мои биографические данные: год рождения, место рождения, место жительства, место работы в досоветское время, должность. Ниже был написан крупными буквами заголовок «Заявление», а под ним шел следующий текст:

«Я, вышепоименованный Ванаг Арвид, сын Яниса, по своей собственной доброй воле и без всякого принуж-

дения выражаю желание сотрудничать с политической полицией в деле разоблачения противозаконного коммунистического подполья в Латвии и сообщать уполномоченным на то служебным лицам все известные мне и могущие стать мне известными сведения о лицах, занимающихся нелегальной коммунистической пропагандой, об их организации и действиях».

Затем следовала моя подпись, а под ней приписка: «Присвоен псевдоним — Воробей».

К заявлению было приколото несколько донесений:

«Доношу, что в ночь на двадцать восьмое апреля готовится еще одна подпольная коммунистическая первомайская акция. Сделаны и розданы в ячейки специальные картонные шаблоны для нанесения лозунгов краской на стены домов. Акцию предполагается провести от часу до трех часов ночи на следующих улицах: Вождя, Офицерской, Рижской, а также на Новом Форштадте и в районе барачков у крепости. Воробей».

И еще несколько других донесений в том же роде.

Я брезгливо отодвинул бумаги.

— Ну что? — спросил Пеликан.

— Просто великолепно! — от всего прочитанного мне сделалось не по себе.

— Критикуй!

— Прежде всего почерк не мой.

— Это мы с твоей помощью быстро поправим! — усмехнулся Пеликан.

— Не та бумага.

— А какая должна быть? Вот такая?

На стол легло несколько чистых листов. Я посмотрел один из них на свет. Четко выделялся водяной знак. «Лигатнес папирс» — бумага лигатненской бумажной фабрики.

— Где ты ее раздобыл?

— Пришлось обращаться к партизанам.

У меня на миг промелькнула нелепая мысль. А что, если бумагу доставала для Пеликана Вера? Ее партизанский отряд дислоцируется в Латвии — возможно, недалеко от Риги.

— А теперь взгляни на вот этот документ.

Пеликан положил на стол бланк со штампом: «Отдел политической полиции». На бланке машинописный текст: «Совершенно секретно».

Начальнику государственного управления политической полиции в городе Риге.

По Вашему требованию направляю испрошенное Вами дело».

И размашистая волнистая подпись: «Дузе».

— Липа?

— Нет, — покачал головой Пеликан. — Тут все полностью соответствует действительности. И бланк, и машинка, и даже подпись. Правда, бумага шла в качестве сопроводительной совсем к другому делу. Но это ведь не мешает использовать ее для наших целей... Итак, пофантазируем дальше. Дузе переслал твое обязательство и донесения в Ригу. Это могло произойти лишь незадолго до восстановления в Латвии Советской власти. Видишь, последнее твое донесение датировано концом апреля. А в июне все уже свершилось.

— Не годится, Пеликан.

— Почему?

— Эти бумаги охранники либо уничтожили бы, либо они остались бы в делах и их вскоре обнаружили бы наши товарищи. Ты бы сам их обнаружил. Переслал бы в наш город, меня разоблачили и судили.

— Все верно. Кроме одного. Часть бумаг охраны хранилась в секретных сейфах. Мы их сразу не смогли обнаружить. Один такой сейф вскрыли буквально за три дня до начала войны. Правда, подобных бумаг там не было. Деньги, удостоверения личности, сводные донесения Ульманису о настроениях в низах. Но вполне могли быть и такие.

Тут впервые подал голос Глеб Максимович. До сих пор он все время сидел и молча слушал.

— Кто обнаружил сейф? Ты сам, Иван Петрович?

— Я и еще один товарищ.

— И что ты предпринял? Я имею в виду, куда передал документы, которые в нем лежали?

— Никуда. Не успел. Срочная командировка в Лиепаю. А потом война. Бумаги так и остались у меня на столе.

— А что бы ты сделал, если бы в сейфе и в самом деле обнаружилось вот это?

Глеб Максимович постучал пальцами по провокаторским донесениям Воробья.

— Написал бы вот такую бумагу.

Пеликан вытащил из папки еще один листок. Я прочитал: «Немедленно переслать по месту жительства. Арестовать. Провести дознание. Держать меня в курсе следствия». И подпись Пеликана: «Паберз».

— Не рассматривай с таким подозрением, — рассмеялся он. — Подпись настоящая... Вот эта бумага и осталась бы на моем столе вместе с делом Воробья. И немцы, заняв город, непременно обнаружили бы ее.

Туман постепенно рассеивался. Теперь уже я в полную меру включился в игру и напряженно искал прорехи в тщательно проработанном плане.

— Значит, тебе, Пеликан, уже к началу войны стало известно, что Арвид Ванаг — провокатор, работавший на охранку.

— Умница!

— Забыть об этом ты не можешь никак. Попадаешь в Москву после всей заварухи, наводишь справки обо мне, узнаешь, что я на фронте, в латышской дивизии. Меня арестовывают, отдают под суд. В итоге долголетняя тюрьма или расстрел.

— Все верно, Арвид. Кроме одного. Я же убит. Они думают, что я убит. Ты упустил это из виду.

— Ах да!.. А второй? Который вместе с тобой обнаружил сейф?

— Это техник, русский товарищ. Он только вскрыл сейф, а о содержании бумаг не имеет ни малейшего представления.

— Хорошо, — опять включился Глеб Максимович в наш поединок. — Итак, предположим, немцы обнаружили эти бумаги на твоём столе, когда захватили Ригу. Что они с ними сделали?

— Ага, значит, на один этап мы уже продвинулись... Тогда вот почитайте этот документ.

Пеликан выложил на стол еще одну бумагу. Тоже машинопись, только на этот раз на немецком языке:

«СС-штанartenфюрер Грейфельд распорядился:

1. Хранить дело в активной части архива.

2. По имеющимся сведениям, «Воробей» служит на противостоящей стороне фронта в 121 полку 43 латышской стрелковой дивизии.

Отсюда следует:

а) Найти возможность к установлению контакта через СД или абвер;

б) Привлечь к сотрудничеству.

3. Докладывать о состоянии дел СС-штанartenфюреру Грейфельду лично каждые три месяца».

— А знаешь, эта твоя липа производит очень приятное впечатление. — Глеб Максимович вертел документ в руке, рассматривая его со всех сторон. — Бумага? Машинка?

— Все подлинное, — заверил Пеликан. — Прямо со стола личного секретаря господина штанartenфюрера.

— А сам Грейфельд?

— Умер, бедняга, в больнице. Пятнадцатого августа нынешнего года. Проникновение постороннего предмета в дыхательные пути. А проще говоря — подавился сосиской.

Глеб Максимович рассмеялся:

— Не слишком героическая смерть!

— Каждому свое, как они любят говорить.

Теперь наконец замысел Пеликана вырисовался четко и определенно. Но неясности все же оставались.

— Ну хорошо. Я перепису, подпишу. Куда пойдут все эти бумаги?

— В ту активную часть архива, которую гитлеровцы уже заготовили на случай эвакуации Риги.

Кто и как сделает это, спрашивать не имело смысла — в общем и целом было ясно и так. Опять мелькнула мысль о Вере. Она в редких письмах, которые удавалось переправить с той стороны, намекала мне, что работает в отряде радисткой. Но я не очень-то верил. Скорей всего, она меня успокаивала. Ведь радисткой это все же не так опасно, как, скажем, разведчицей.

— Ну предположим, эвакуировали. Уйдут наши бумаги в Берлин, в Гамбург, ко всем чертям. Что потом?

— Потом будем ждать. Глядишь, и попадет по каким-то таинственным каналам в руки наших недругов. А там... Подождем, посмотрим, устоят ли они перед соблазном.

— И я тоже должен буду ждать?

— Жить ты должен будешь, вот что! Жить, как живется, и совершенно забыть об этом нашем с тобой разговоре. И вспомнить о нем только тогда, когда почувствуешь, что к тебе начинают подбираться... Ну что? Начнем оформлять, как сказали бы у вас в милиции?

— А что еще делать? Ты же предупредил: назад хода нет... Кто будет знать обо всем этом?

— Вот только мы трое. Составим соответствующий документ, запечатаем и отдадим на хранение.

Пеликан вытащил из портфеля бутылочку чернил, ручку с новеньким перышком.

— Смотри-ка!

Я прочитал латышскую надпись на этикетке и пришел в восторг. «Чернила для авторучек». У нас в гимназии только такими чернилами и писали!.. И перо! Настоящая «Плада». Первейшая штука для игры в перышки: его никак не перевернешь, нужна особая тренировка.

— Да, подготовился! — похвалил Глеб Максимович. — Молодец!.. А знаешь что, неплохо бы еще сюда и фотокарточку... Фотокарточку Арвида тех лет. Есть у тебя?

— Найдется.

Глеб Максимович одобрительно кивнул.

— Ну что, начнем?

Пеликан пододвинул ко мне лист.

А потом я вернулся из Москвы в Южносибирск к себе в горотдел и стал ждать.

Шло время.

Освободили Ригу. Кончилась война. Мы соединились наконец с Верой. Я ушел из милиции, увлекся историей, поступил учиться.

Никто не напоминал мне о Воробье.

Кончил институт, стал работать на кафедре. Мне предложили поехать за границу, в Австрию. Советской части Контрольной комиссии требовались надежные люди, хорошо знающие немецкий язык.

Я отказался.

Тогда и состоялась наша первая после того памятного вечера в Москве встреча с Иваном Петровичем Озолиным, бывшим Пеликаном. Он очень плохо выглядел, кашлял без конца, хватался за грудь.

— Надо ехать! — убеждал он.

— Нет, Пеликан, нет! Не сработала наша с тобой приманка. Прошло столько лет.

— Вились вокруг тебя, были у нас сигналы. Особенно один тип; мы на него уверенно выходили. Только вот оказался он вдруг под колесами электрички. То ли не-

счастный случай, то ли сдали нервишки. А может, и свои помогли, чтобы обрубить концы.

— И ты уверен, что это был результат приманки?

— Не уверен. Может быть, приманка. Может быть, что-то совсем другое. Но вились, это точно. Так что непременно надо ехать и ждать.

Мы долго спорили, но он меня так и не убедил. А через несколько дней в институт на кафедру позвонил знакомый человек и сообщил о смерти Пеликана.

И тогда я решил поехать. Отправился в министерство и сказал, что согласен.

Работал с австрийской молодежью, заведовал отделом связи с читателями в газете Советской Армии для населения Австрии.

О Воробье я вспоминал все реже и реже.

А когда через несколько лет вернулся из Австрии в Советский Союз, мое участие в операции было официально прекращено. Я и вспоминать перестал о таком уже бесконечно далеком и совершенно нереальном Воробье.

ПОЧЕМУ МНЕ ТАК БЕСПОКОЙНО?

Что-то мешало, что-то нарушало блаженное состояние, словно назойливо жужжащая муха.

Нет, не муха. Какой-то стук...

Медленно и мучительно долго, словно со дна глубокого омута, я выныривал из сна.

Стук повторился.

Да это же в дверь стучат!

Я проснулся окончательно и открыл глаза. На полу золотистой решеткой стлались яркие полосы света. Неистовое утреннее солнце рвалось в комнату сквозь полуприкрытые жалюзи.

— Отец! — В голосе Инги звучали нотки тревоги. — Ну открой же, отец!

— Сейчас, сейчас!

Я накинул халат, прошел к двери.

— Ну и ну! — Инга укоризненно качала головой. — Разве можно так безответственно спать! Мне уже стали мерещиться всякие ужасы.

— Который теперь час? — я потянулся, отгоняя остатки сна. — И какое тысячелетие?

— Половина восьмого. Начало атомной эры.

— И ты уже на ногах? Невероятно!

Инга подошла к окну, подняла жалюзи. Зальцбургская крепость, рельефно высеченная солнцем, потеряла свою ночную призрачность. Отсюда, из глубины комнаты, в обрамлении оконной рамы, она казалась теперь крошечной, почти игрушечной и, пожалуй, больше всего походила на причудливой резьбы ларец.

— Я уже давно на ногах. Маргоша заявила ровно в пять. Она хотела и тебя поднять с постели, но я своим телом прикрыла амбразуру дзота. Так что оцени, отец.

— В пять? Так рано?

— Говорит, иначе не успеем ничего посмотреть. Мы уже прошли с ней по двум премиленьким церквушкам... Ты уж, пожалуйста, попроворнее, отец. Ровно в восемь тебя должен лицезреть сам бургомистр.

— Бургомистр? Это еще зачем?

— Не знаю. Маргоша говорит — вне всякой программы... Я подожду внизу. Там Карл с машиной.

Пришлось мне поторопиться. Не успел управиться с электробритвой, как снова постучали. Явилась фрау Келле — служительница гостиницы — с подносом: черный кофе, булочка, джем.

— Ваш завтрак, господин профессор!

— Спасибо.

Без пятнадцати восемь я был уже внизу. Фрау Маргарет в роскошном темно-рыжем парике с умопомрачительными локонами, точно букингемский королевский гвардеец в медвежьей шапке, дежурила у подъезда.

— Как бы не опоздать к бургомистру! — Она смотрела на меня с кроткой укоризной.

Карл, ловко маневрируя, помчал нас по плотно забитым автомашинами улицам. На нем был модный, в желтую и черную полоску, костюм.

— У вас богатый гардероб, Карл.

— Что вы, господин профессор! Это ведь всё служебные костюмы.

— Личному шоферу бургомистра полагается быть одетым как джентльмену, — сочла нужным дать пояснения фрау Маргарет.

— Как же в таком случае должен одеваться сам бургомистр? — с ехидной наивностью осведомилась Инга.

Наш шофер весело засмеялся:

— По-всякому. Иногда меня принимают за бургомистра. Однажды приехал какой-то жирный тип из Нидерландов...

— Карл! — Фрау Маргарет строго поджала губы. — Что за выражение — жирный тип! И кроме того, господам все это вовсе не интересно.

— Да нет же, интересно, очень интересно! — тут же возразила ей Инга. — Пожалуйста, рассказывайте, Карл!

Но мы уже подъезжали к магистрату.

— Дворец Мирабель! — торжественно провозгласила фрау Маргарет. — Первая четверть восемнадцатого века.

— Мирабель? — Инга сразу восторгалась в предвкушении милых ее сердцу исторических сенсаций. — Откуда такое экзотическое иностранное название здесь, в самом центре Австрии?

Фрау Маргарет замялась.

— Существует множество противоречивых романтических легенд... Ну вот, например, в одной из них говорится, что дворец был построен для красавицы цыганки по имени Мирабель... М-м-м... любовницы кардинала. После его смерти эту легкомысленную женщину и ее детей с позором изгнали из города. А магистрат принял закон, в котором запретил цыганам проживать в Зальцбурге. Между прочим, закон до сих пор в силе.

— Как же так! — возмутилась Инга. — Значит, если бы я была цыганкой...

— То спокойно могли бы продолжать жить в Зальцбурге. Все эти законы не более как древние окаменелости... Мы приехали, господа!

Машина подкатила к подъезду небольшого, но очень привлекательного, разукрашенного затейливым лепным орнаментом здания с примыкающим к нему просторным парком. Карл проворно обежал машину, распахнул дверцу.

— Можно, я пока погуляю по парку? — спросила Инга. — Наверное, мое присутствие у бургомистра не так уж обязательно.

Фрау Маргарет посмотрела на меня в нерешительности.

— Право, не знаю. Мне было сказано только насчет господина профессора.

— Вот и чудесно! Что-то я сегодня не расположена к беседам с бургомистрами.

По шикарной парадной лестнице с прелестными мраморными амурами на парапете мы с фрау Маргарет поднялись в приемную.

— Благодарю вас, фрау Маргарет. Пока вы свободны.

Помощник бургомистра, молодой румянощекий парень, несколько пухловатый для своего возраста, отпустив гиду, указал мне на кресло.

— Прошу, господин профессор! К сожалению, произошло непредвиденное осложнение. Не далее как десять минут назад бургомистр был вынужден срочно отправиться в аэропорт. Неожиданный вызов в Вену. — Он сделал извиняющийся жест своей маленькой изящной рукой. — Бургомистр велел принести свои самые глубокие извинения... Шефу действительно очень-очень хотелось встретиться с вами, — перешел помощник на неофициальный, доверительный тон. — По своей основной специальности он тоже историк, и когда вдобавок узнал, что господин профессор хорошо говорит по-немецки... Если не возражаете, вас примет вместо него вице-бургомистр Грубер, Франц Грубер. А теперь разрешите записать вашу фамилию. Точное произношение, ударение и все прочее. Среди иностранных фамилий встречаются очень трудные. Мы произносим их по-своему, и некоторые обижаются...

Он тщательно записал все, что я продиктовал ему по слогам, ушел с докладом и тут же возвратился:

— Господин вице-бургомистр просит вас...

Мне навстречу из-за просторного, как летное поле, письменного стола поднялся невысокий худой человек с массивным, выбритым до голубизны черепом. Вытянутое, темное, изрезанное глубокими морщинами лицо могло бы показаться угрюмым, если бы не какой-то неожиданный наивно-доверчивый, как у маленьких детей, взгляд добрых и очень усталых глаз.

— Мы рады приветствовать вас в нашем городе...

Он умудрился основательно перевернуть и имя, и фамилию, и даже профессию, назвав меня почему-то выдающимся геологом. Усадил за инкрустированный перламутром старинный столик с гнутыми ножками, сам сел рядом, и пошел у нас нудный, пустейший разговор: как доехал, как спал, какая чудная погода... До тех пор, пока вице-бургомистр, рассеянно проведя ладонью по своей полированной голове, вдруг не признался:

— Знаете, я ведь занимаюсь в магистрате главным

образом коммунальным хозяйством. Транспорт, водопровод, канализация... Иностранных гостей мне принимать почти не приходится; это включено в компетенцию самого господина бургомистра. Так что уж простите, если я вам кажусь скучным собеседником. Так оно, вероятно, и есть.

И сразу же сквозь официальную должностную маску на меня глянуло живое человеческое лицо.

— Наверное, вам будет куда интереснее осмотреть город, чем терять время тут со мной. Давайте лучше встретимся с вами вечером, за рюмкой доброго виноградного вина. В такой обстановке, вероятно, даже я смогу разговориться. Я официально приглашаю вас с...— тут он запнулся,— с вашей спутницей от имени магистрата...

Я счел нужным уточнить:

— Со мной дочь.

По голубой бритой голове причудливыми пятнами пополз багрянец.

— Прошу простить! В некоторых деловых сферах сейчас в большой моде путешествовать с личными секретарями.

И долго тряс мою руку...

Теперь мы с Ингой поступили в полное и безраздельное владение официального городского гида distinguished фрау Маргарет Бунде.

И она показала свой высокий класс!

Карл довез нас до центральной части города, где началось царство пешеходов, и фрау Маргарет, отпустив его с машиной до полудня, повела меня и Ингу по узким средневековым улочкам, зажатым между бурной рекой Зальцах и отвесными гигантскими скалами. То и дело поправляя свой рыжий парик, широко расставляя мускулистые длинные ноги с башмаками альпинистского типа сорок второго размера, она вышагивала впереди нас, властно раздвигая плотный поток туристов и пропуская в образовавшийся узкий коридор тоненькую, хрупкую Ингу. Я шел сзади, и за мной снова смыкалось волнующееся туристское море.

В течение каких-нибудь трех часов фрау Маргарет сумела продемонстрировать нам:

самый маленький в мире трехэтажный дом с одной дверью и двумя окнами;

самый большой в мире внутрискальный гараж — в обнаруженных спелеологами и расширенных затем

путем взрывов пустотах могло разместиться одновременно свыше полутора тысяч машин;

единственный в мире концертный зал, сценой которого служило средневековое ристалище, где много веков назад конные рыцари насмерть дрались на турнирах;

церковные склепы, где в ячейках наподобие пчелиных сот покоились бранные останки десятков поколений монахов;

храм с чудотворной иконой божьей матери, гарантированно исцелявший больных женщин; мужчинам святая Мария почему-то отказывала в такой милости...

Через два часа у меня уже стали гудеть ноги. Еще через час они начали подкашиваться, и я взмолился:

— Фрау Маргарет, а нет ли поблизости какого-нибудь кафе времен древних римлян с прохладительными напитками?

— Нет, нет, нет, только не здесь! Сейчас по плану экскурсии предстоит подняться в крепость.

Я, задрав голову, в полном отчаянии посмотрел на отвесную скалу. Неужели нам под предводительством фрау Маргарет придется брать штурмом эту неприступную твердыню, которая не покорилась еще ни одному воинству мира?

К моему счастью, штурмовать не пришлось. Наверх вела зубчатая железная дорога с двумя вагончиками: один полз по скале вверх, другой в это время опускался.

В крепости, помимо затхлых казарм, капониров и бастионов, оказался еще и очаровательный летний ресторанчик с террасой. Пока Инга под руководством фрау Маргарет любовалась великолепным видом, который открывался отсюда на город и окружавшие его высоты, я в буквальном смысле слова упивался холодным апельсиновым, восстанавливая утерянные организмом запасы влаги.

— Все, все, все! — захлопала в ладоши фрау Маргарет, прерывая мое наслаждение.— Господин профессор, машина уже ждет нас внизу...

Карл жалостливо качнул головой, когда я с негромким стоном повалился на пружинистое сиденье его «форда». Я дотащился до машины один. Фрау Маргарет с Ингой забежали по дороге еще в какую-то церковь.

— Досталось, господин профессор?

— Ох, не спрашивайте, Карл! Где вы выкопали такое бесценное сокровище?

— Вот уж не знаю. По-моему, она была гидом, когда я еще не появился на свет божий.

— И английская королева тоже прошла сквозь все это? Как же Англия не объявила вам войны?

Появилась фрау Маргарет и сразу приняла на себя верховное главнокомандование:

— Карл, в Гелльбрунн! Скорей!.. Влево! Вправо!..

Гелльбрунн, увеселительная летняя резиденция прежних зальцбургских правителей, находится километрах в двадцати от города. Его главная достопримечательность — водяные игры. В гротах, в беседках, возле многочисленных статуй — повсюду скрыты ловушки, откуда на вас в любой момент может брызнуть вовсе не безобидная струя. Это весело — особенно для тех, кого не облило. Но и промокшим тоже не остается ничего другого, как смеяться вместе со всеми.

Говорят, самое веселье начиналось тогда, когда власть имущий усаживался обедать на вольном воздухе. Он милостиво приглашал за стол своих приближенных, а в самый разгар пира поворачивал потайной рычажок. Сразу же из многочисленных отверстий в сиденьях начинали хлестать сильные холодные струи. Подняться же и отбежать никто не смел. Первым встать из-за стола мог только правитель.

То-то было весело!..

— В здешнем ресторане для господ предусмотрен обед! — громогласно объявила фрау Маргарет.

Для господ...

У Инги сузились глаза. Это было плохим предзнаменованием, и я уже стал опасаться повторения вчерашнего инцидента из-за Карла.

Фрау Маргарет отвела меня в сторону:

— Господин профессор не будет возражать, если я припишу ему в счет лишнюю порцию? — спросила она заговорщицким шепотом.

— То есть?

— Ну, как будто вы съели за обедом не один шницель, а два... Все дело в том, — тут же пояснила наш гид, — что в счете мне предоставлено право указать только троих. А Карл...

— Да ради бога!

Пусть в муниципальной бухгалтерии позавидуют аппетиту советского профессора истории!

Во время обеда неутомимая фрау Маргарет объявила дальнейшую программу. Еще с пяток церквей, два музея, три дома, где жили знаменитости, парки, колодцы и кладбища.

Это уже слишком. Пора просить пощады.

— К сожалению, я не смогу.

— Что такое? — Фрау Маргарет вскинула голову на подобие строгой учительницы. — Почему?

— Мне нужно написать несколько неотложных деловых писем.

— Ах так!

Против этого она никак не могла возразить. Дело для каждого человека — главное в жизни.

Инга смотрела на меня с легкой иронией. Она-то уж кое-что знала про мои деловые письма! Но промолчала, не сказала ничего. И на том, как говорится, спасибо!

На обратном пути мы сделали небольшой крюк. Фрау Маргарет решила показать нам церковь, построенную в архисовременном стиле. Она, конечно, уловила повышенный интерес Инги к церквям и, истолковав его по-своему, пыталась поддержать этот душеспасительный порыв советской девушки.

Но ее ждал конфуз.

На двери странного, построенного в виде шатра здания с непомерно высоким цементным столбом колокольни на отлете висела табличка с надписью: «Ввиду непотребных действий с 11 до 17 церковь закрыта».

Конечно же, Инга немедленно потребовала объяснений:

— Что за «непотребные действия»? Фрау Маргарет, я что-то не очень понимаю.

— Ну... это... как сказать? — мучилась наш бедный гид. — Всякие невоспитанные юноши и девушки...

— Что? Что? — не унималась безжалостная Инга.

— Целуются в церкви... Очень редко, разумеется... Но все-таки... Так неприятно...

Карл усмехнулся:

— Я бы не сказал!

Она тотчас же обрушила на него звуковой удар:

— Карл!

И весь оставшийся путь ворчала по поводу распоясавшейся молодежи, совершенно забывшей и честь, и стыд, и самого господа бога.

Мы высадили женщин возле старинного моста через злую, вспененную Зальцах, за которым начиналась пешеходная зона.

— Вот, господин профессор, теперь вы на своем собственном опыте можете оценить все достоинства нашего славного гида.— Карл смотрел на меня с веселым сочувствием.— Прикажете доставить в гостиницу?

— Если можно, провезите немного по городу. Скажем, в район новостроек.

— Как будет угодно, господин профессор. Только, если разрешите, сначала придется заехать на заправку.

— Горючее кончается?

— Не то чтобы кончается. Просто я люблю с запасом. А тут провозился на мусорке и не успел.

— Так вы еще и на другой машине работаете?

— А как же! Освобождается «форд» — сразу на мусоровоз. Не только я — все шоферы магистрата. Рабочий день должен быть загружен. Ни минуты простоя!

Заправочных станций, как и в Вене, здесь было множество. На улицах, во дворах, под землей. Карл направил свой «форд» к крохотной бензозаправке неподалеку от дворца Мирабель.

— Тут совсем рядом терраса со смешными каменными карликами. Может быть, господин профессор посмотрит, пока я буду заправляться?.. Обратите внимание — у них у всех отбиты носы. Во дворце Мирабель в годы оккупации размещался американский штаб, и офицеры во время вечеринок выходили на вольный воздух тренироваться в стрельбе...

Старинные каменные фигурки действительно были весьма забавными. Они изображали всевозможных уродцев в шутовских костюмах и колпаках. По всей вероятности, прототипами для скульпторов служили вполне реальные люди. В те времена было принято содержать при дворах карликов с физическими изъянами.

Носы у фигурок были сделаны заново. Даже по цвету они резко отличались от основного камня. До каких же чертиков надо было напиваться, чтобы открывать варварскую палубу по произведениям искусства!

Я подошел к месту, где мы условились встретиться с Карлом, и стал спускаться по каменным ступенькам.

В этот момент яркий луч света из бокового окна про-

езжавшей внизу, по мостовой, автомашины резко ударил в глаза. Как будто в меня с помощью большого зеркала пустили солнечного зайчика.

Я посмотрел вслед машине.

Черный «мерседес» с дизельным двигателем.

Прежде чем автомобиль завернул за угол, я успел разглядеть номер.

Тот самый!..

Подъехал Карл. Выбежал, открыл дверцу.

— Прошу, господин профессор. Надеюсь, я отсутствовал не слишком долго?.. Думаю, лучше всего нам проехать в район источника... Это, правда, недалеко, но зато вы увидите большой современный комплекс. Кстати сказать, я тоже живу в том микрорайоне.

— Знаете, Карл, я передумал.— Внезапно возникший здесь, в Зальцбурге, знакомый «мерседес» основательно испортил мне настроение.— Все-таки лучше в гостиницу. Отдохну немного, а потом, прежде чем возвращаться за женщинами, вы заедете за мной. Хорошо?

— Как будет угодно, господин профессор. Если вы чувствуете, что устали, то, разумеется, лучше всего полежать.

По пути в гостиницу я спросил:

— Вы говорили, Карл, у вас родственные связи в дорожной полиции?

— Совершенно верно. Родной брат в управлении в Вене.

— Не могли бы вы оказать мне одну услугу?

— Я весь внимание, господин профессор.

— Можно ли установить личность владельца, если известен номер его машины?

— Нет ничего проще, господин профессор.

— Это должно занять много времени?

— Сущий пустяк! У нас с Веной автоматическая связь. Я позвоню Гюнтеру прямо из магистрата. Не будете ли любезны назвать интересующий вас номер?

Я чуть помедлил, пока решил.

— «Мерседес», ве, двадцать три триста двадцать пять.

Карл кивнул:

— Спасибо.

— Вы не запишете?

— Нет необходимости, господин профессор. У меня

отличная память, и особенно на числа. Господин бургомистр говорит, что я ходячий телефонный справочник. Он, конечно, шутит, но я и в самом деле помню уйму телефонов.

Мы подъехали к серому зданию с широкими проемами окон, на верхнем этаже которого помещалась служебная гостиница магистрата.

— Господин профессор, разрешите спросить, как вы переносите автомобильную езду? Я имею в виду довольно долгую дорогу.— Карл по-особому, с хитринкой, улыбался.— Нет-нет, это не пустое любопытство, не подумайте!

— Вполне нормально. Я сам вожу машину.

— О, тогда у вас будет отличная возможность посидеть за рулем.

— К сожалению, я не захватил с собой водительские права.

— Жаль! Очень жаль! Такая прекрасная поездка.

Интригующая улыбка по-прежнему не сходила с его лица.

— А что такое? — спросил я.— Вы задаете загадки, Карл. Я сгораю от любопытства.

— Только не выдавайте меня, это сюрприз. Пока вы маршировали строем по старому городу под командой фрау Маргарет, в магистрате меня предупредили, чтобы я завтра был готов к поездке в Инсбрук.

— Нет, вы ошибаетесь, это не с нами. Мы с Ингой должны ехать поездом.

— Я же говорю — сюрприз. Вы очень понравились вице-бургомистру. Это его личное распоряжение. Когда отсутствует бургомистр, «форд» находится в ведении господина Грубера... Ну как? — спросил он, торжествуя.

— Замечательно! Дорога, очевидно, интересная.

— Интересная?! Да ничего подобного вы больше нигде не увидите. Эти снежные пики! Эти колоссальные спуски и подъемы! А Целль-ам-Зее! Да уж из-из одного этого можно выбросить в урну поездной билет! Представьте себе: зеркальная гладь горного озера — и в нее смотрит седая вершина со сверкающими на солнце ледниками!

— Да вы просто поэт!

Карл сиял.

— Ах, господин профессор, проедем это местечко — и вы тоже заговорите стихами!.. А что бы вы увидели,

прошу прощения, из окна поезда? Кусочек пресной равнины?.. О, простите! — спохватился он.— Вам нужно отдохнуть, а я тут задерживаю со своей пустопорожней болтовней...

Я поднялся к себе в номер, сел в кресло.

Нужно было собраться с мыслями.

Значит, этот «мерседес» не только венский эпизод. И похоже, дело не в Шимонеках, не в наркотиках.

Следят за мной.

Почему? С какой целью?

Тут может быть несколько возможностей.

Вариант первый. Они — я не знаю еще, кто такие, просто условно называю их «они» — почему-то решили, что я советский разведчик, и прощупывают мои связи.

В пользу этого варианта, каким бы невероятным он ни казался, говорит ряд обстоятельств. Телекамера в нашей венской квартире. Внешнее наблюдение — правда, слишком уж назойливое, прямолинейное. Аппаратура слежения, установленная в «мерседесе». Луч света, попавший мне в глаза возле парка Мирабель, конечно, не безобидный солнечный зайчик, теперь у меня не было на этот счет никаких сомнений; он исходил, скорее всего, от сложной системы зеркал, установленной на переднем сиденье «мерседеса». Такая аппаратура дает возможность, не поворачиваясь, незаметно, наблюдать за всеми сторонами улицы.

Вариант второй. Я оказался в поле зрения латышского эмигрантского отребья, имеющего в ряде западных стран, в том числе и в Австрии, филиалы своих организаций под самыми безобидными и неожиданными вывесками: «Союз ветеранов», «Союз латышей-лютеран», «Общество любителей знаков почтовой оплаты Латвийской республики»...

Что ж, вполне вероятно. Мои научные работы, особенно последних лет, раскрывающие социальный механизм фашистских режимов в Прибалтике, им, конечно, пришлись не по нутру. Тем более, что некоторые из этих работ изданы в переводах на Западе и не остались незамеченными. Во всяком случае, авторитета от них эмигрантским заправилам не прибавилось, и, наверное, они не прочь мне хорошенько насолить.

Но как? Подглядывать с помощью телекамеры, не приведу ли я к себе на дом веселых венских барышень?

Ждать, когда во время телефонного разговора у меня вырвется бранное слово, чтобы записать его на магноленту и растрезвонить потом всему миру, как непристойно выражается советский профессор?

А уличная слежка? Что она может им дать?

Нет, как-то не вяжется все это с эмигрантскими организациями.

Остается третье...

Хотя если хорошенько подумать, то и здесь процент вероятности ничтожно мал. Ведь тридцать лет прошло с той поры, больше четверти века! Так что же, всё проверяли меня эти долгие годы?

Нет, если бы они хотели подобраться ко мне, то давно уже нашли бы подходящую возможность.

Скорее всего, что-то другое. Четвертый вариант. Пятый. Шестой... Кто знает!

Одно только не подлежит теперь никакому сомнению: следят именно за мной. Полиция давно бы уж выяснила, что мы с Ингой никакого отношения к Шимонекам не имеем. Но почему следят? Кто? И что за игру они затеяли?..

В дверь осторожно царапнулись.

— Отец... Ты, надеюсь, не спишь?

— Заходи, дочка.

В руке Инга держала большую коробку.

— Фу! — Она рухнула в кресло. — Кажется, я начинаю понимать некоторых симулянтов.

— Почему вы не дождались машины?

— Не бегать же по кладбищам с таким ящиком! Маргоша — прелесть! Эти зимние сапоги повсюду стоят семьсот шиллингов. А она добыла за двести. Я спрашиваю, есть ли между ними различие? Она говорит: «А как же! Все дело в этикетке. Одна — «Мейд ин Итэли» — для дураков, другая — «Мейд ин Аустриа» — для умных». У них здесь, оказывается, тоже кидаются на импортное. А сапожки, доложу тебе, весьма и весьма! Хочешь посмотреть? — она взялась за коробку. — Сейчас натяну.

Я отчаянно замахал руками.

— Как-нибудь потом!

— Ну что за невозможный человек! Даже похвастаться не даст... Ох! — вдруг спохватилась Инга. — Я же забыла! Через полчаса Маргоша явится за нами — вице-бургомистр приглашает на ужин в шикарнейшем ресторане. Как ты думаешь, в джинсах туда удобно?

Я озадаченно посмотрел на нее, ожидая подвоха. Инга не часто советовалась со мной по поводу своего гардероба. Скажу «неудобно», а она возьмет да наденет!

— По-моему, сейчас носят всё, — сказал я дипломатично. — Ты видела на площади — парни в плавках, а девушки в купальниках. Если, конечно, эти жалкие полоски материи можно назвать купальниками.

— Бикини! — рассмеялась Инга. — Это американцы, хиппи. Они там пытались купаться в фонтане, но полиция прогнала... Хорошо, отец, — вдруг произнесла она с несвойственным ей смирением, — будь по-твоему. Надену-ка я голубое с брошью. Оно тебе, кажется, нравится...

Инга ушла к себе в комнату переодеваться.

Снизу позвонил Карл.

— Разрешите подняться к вам, господин профессор?

— Конечно, конечно!

По лицу было видно: у него новости.

— Рад доложить: разговор с Веной состоялся.

— Уже?

— Я вам сказал — это очень быстро. Словом, интересующая вас машина числится за неким господином... Момент! — Он полез во внутренний карман за записной книжкой. — У меня, как я уже говорил, хорошая память, но эти иностранные фамилии... За господином Янисом Берзиньшем. — Непривычную для него труднопроизносимую фамилию Карл прочитал по слогам. — Вена, четырнадцатый район, Герцоггассе...

Он назвал номер дома, квартиры.

Берзиньш. Латыш... Все-таки вариант номер два? Эмигранты?

— Большое спасибо, Карл.

— Пустяки, господин профессор. А что, этот Бер... Бер... Ну, словом, тот, с «мерседесом», он ваш знакомый?

— Нет. Просто машина несколько раз попадалась у меня на пути, и я решил поинтересоваться.

— А не она ли была на заправке, когда я вас оставил у каменных карликов? Двое господ. Один — молодой, рыжий, за рулем, в таких забавных темных очках. А второй — толстый старик. Крепкий еще, коренастый, но старик. Глубокие морщины, потухшие глаза. Лет так под семьдесят. Или еще больше. Они как раз усаживались в машину, когда я подъехал.

Вошла Инга.

— Ну как? — И грациозно повернулась, давая нам возможность оценить ее наряд.

— Прилично, — сдержанно отозвался я, хотя Инга была прелестна в своем легком воздушном платье.

— Прилично... — Она недовольно поморщилась. —

А что вы скажете, Карл?

Он всплеснул руками.

— Я онемел, фрейлейн Инга!

— Вот это я понимаю: настоящая мужская оценка! А то у тебя только две градации: прилично и неприлично... Благодарю вас, господин Карл!

Она присела перед ним в церемонном реверансе.

Моя очередь онеметь настала, когда внизу перед нами возникла вдруг фрау Маргарет в вечернем туалете. Она, по всей видимости, собиралась вместе с нами на ужин. Свой рыжий парик с локонами она сменила на другой, пепельного цвета, и под замысловато уложенными тяжелыми прядями ее длинное загорелое, кирпичного цвета лицо казалось в индийской чалме. Отдававшее дань моде короткое темное кримпленовое платье открывало спортивные ноги с мощными выпуклостями икр. Туфли на высоком каблуке возносили и без того не обиженную ростом фрау Маргарет на недостижимую высоту.

— Ну как, господа? — спросила она, в точности повторяя вопрос Инги и так же кокетливо повернулась, по-видимому чрезвычайно довольная собой и своим нарядом.

Мы, пораженные, молчали. Первой нашлась Инга:

— Мужчины онемели от восторга.

— Благодарю! — Фрау Маргарет сияла. — Это самый приятный из всех возможных комплиментов... Что с ключами? — обратилась она к Карлу. — Вы все-таки сумели их выручить?

— Нет.

Его лицо омрачилось.

— Вот так! — сказала она со строгой укоризной. — Придется теперь ночевать в шоферской на скамейке.

— Какие ключи? — Инга, учуяв драму, переводила взгляд с Карла на фрау Маргарет. — И почему кому-то нужно будет ночевать на скамейке?

— Вовсе не кому-то! — рассмеялась фрау Маргарет. — Совершенно конкретному лицу по имени Карл.

— Что же случилось?

Был самый час «пик». Мы прочно застряли в длинном ряду машин, выстроившемся в переулке перед светофором. Он пропускал на главную улицу в час по чайной ложке, и Карл, ожидая своей очереди, стал рассказывать.

Он живет в новом районе, далеко от магистрата. А так как с общественным транспортом в городе туго, то добирается до места работы на собственном «фиате». А вечером, поставив бургомистровский «форд» в гараж, возвращается домой на своей машине. Шоферам строго запрещено пользоваться служебными машинами для своих нужд. Даже если требуется за чем-нибудь срочно подъехать домой, поставь магистратскую машину на место, садись на свою и поезжай. Только так — и никак иначе!

Сегодня утром, когда Карл явился на работу, его сразу же позвали к вице-бургомистру. Он защелкнул предохранитель и захлопнул дверцу машины, не заметив, что ключ от нее на брелоке вместе с несколькими другими ключами остался в замке зажигания.

Спихнулся только, когда собирался ехать домой на обед. Туда-сюда — ничего не получается, ни одной дверцы в «фиате» не открыть. И домой, за запасным ключом, не попадешь: ключ от квартиры тоже остался в машине на брелоке. Будь жена в городе, можно было бы хоть ей позвонить. Но она работает далеко, в соседнем поселке.

А так как наш ужин с вице-бургомистром наверняка затянется, то шагать пешком за пятнадцать с лишком километров, в полночь, после того как он доставит меня с Ингой в гостиницу, не будет уже иметь никакого смысла: в пять утра надо снова быть на работе.

— Но ведь все очень просто! — воскликнула Инга. — Вы быстренько съездите домой, пока мы будем расправляться в ресторане с форелью по-рыбацки.

— Нет-нет! — Фрау Маргарет энергично затрясла головой. — Ни в коем случае! На служебной машине ему нельзя. У нас это очень-очень строго. Могут сразу уволить. Где он потом найдет работу?

Мы уже подъехали к самому светофору и опять остановились. Красный!

— Карл, — сказал я, — мы же, кажется, собирались с вами осмотреть район новостроек у источника. По-моему, теперь самое время.

Карл сразу все понял и обрадовался:

— Как прикажете, господин профессор. Жена наверняка уже дома.

Фрау Маргарет тотчас же поднялась на дыбы:

— Что вы! Как можно! Вице-бургомистр с супругой ждут в ресторане!

Я посмотрел на часы.

— До назначенного времени осталось ровно тридцать минут.

— Да, но за тридцать минут мы туда даже еще не доберемся! — загорячилась встревоженная не на шутку фрау Маргарет. — Нет-нет-нет!

Карл выруливал на магистраль.

— Это верно. Сейчас самое движение...

Чтобы выручить Карла, нужно было стоять на своем, сломив сопротивление фрау Маргарет, да и его собственную, ставшую уже чертой характера привычку ни на йоту не отклоняться от распоряжений начальства.

— Карл, у вас ведь такая мощная рука в дорожной полиции. Надавите чуть сильнее на газ. А насчет господина вице-бургомистра можете быть совершенно спокойны. Он не рассердится ни на вас, ни на фрау Маргарет. Я всю вину возьму на себя. Или мы все вместе дружно взвалим ее на Ингу. Пожалуй, даже еще лучше. Взбалмошная девчонка, какой с нее спрос!

— Да, я человек молодой, своенравный, упрямый и настырный, — охотно подхватила Инга. — И требую, чтобы меня немедленно повезли к этому ручью!

— Не к ручью, а к источнику, — поправил я.

— Тем более! Посетить Зальцбург и не побывать у источника — просто неслыханный скандал!

Фрау Маргарет беспокойно ёрзала на сиденье.

— А вице-бургомистр с супругой пусть себе изнывают в ожидании, так?

Кажется, она уже начинает привыкать к мысли, что придется ехать за ключом.

— Посидят, отдохнут, послушают музыку... Представляю себе, как он устает за день, бедняга! Там ведь, наверное, неплохой оркестр? — невинно поинтересовалась Инга. — Не так ли, фрау Маргарет? Или вы не знаете?

Она умышленно играла на струнах профессионального самолюбия нашего гида.

— Как это я не знаю! «Блу Джекс» — лучший поп-ансамбль Зальцбурга.

— Вот видите... Милая фрау Маргарет, мой отец — гость магистрата, а я его единственная дочь. И вы не можете, ну просто не имеете права отказать нам в этом маленьком удовольствии... Прошу вас, Карл!

— Слушаюсь, барышня! — Карл наконец решился и резко, на скорости развернул машину. — Попробую верхней дорогой, там намного ближе. Правда, несколько дней назад у церкви чинили мостовую, проезд был закрыт. Но может быть, господь бог придет нам на помощь и все уже сделано.

«Форд» нырнул в узкие извилистые улочки, визжа шинами, срезал повороты, опережая другие машины и проскакивая на свободный путь перед самым носом ошарашенных водителей. Они ударяли по тормозам и грозили нам вслед кулаками.

Фрау Маргарет окончательно смирилась с неизбежностью. Лишь побуркивала негромко:

— Источник! Там и источника-то никакого нет! Одно лишь название.

— Что вы говорите! — Инга усиленно демонстрировала интерес. — Но, видимо, был когда-то?

— Очень давно. Осталось всего лишь два-три упоминания о якобы благотворном влиянии воды источника на распухшие суставы в хрониках времен первых Бабенсбергов...

Господь бог был на нашей стороне. Риск оправдал себя полностью. Мостовая на сомнительном участке у церкви оказалась в полном порядке. Минут через десять Карл снова выскочил на забитую машинами магистраль, но уже возле самого микрорайона.

Он подвел «форд» к типовой пятиэтажке.

— Фрау Маргарет, развлеките, пожалуйста, наших уважаемых гостей какой-нибудь сказкой из истории города, — весело предложил он, глуша мотор. — Может быть, о нашем микрорайоне уже успели сочинить. Мне потребуется ровно три минуты.

И понесся в дом.

— «Успели сочинить»! — оскорбилась фрау Маргарет. — Какой наглец! Я ничего не сочиняю, а излагаю только строгие факты и научно обоснованные гипотезы... А этот их микрорайон! — Она презрительно фыркнула.

Обыкновенная, ничем не примечательная типовая окраинная застройка. Дешевое строительство, дорогие квартиры.

Мы вышли из машины. Район напоминал обычные наши Черемушки в любом большом советском городе. Вот только новая беленькая церковь с черным крестом на изящной башенке разрушала это впечатление.

— А почему квартиры дорогие? — неосмотрительно погрузилась Инга в таинственные глубины экономики. — Ведь по логике вещей как раз наоборот. Если строительство обходится дешево, то и квартиры должны стоить дешевле.

— Ах, я не знаю! — Фрау Маргарет встревоженно поглядывала на наручные часы. — Говорил — три минуты, а уже прошло целых пять... У нас, в Австрии, страшно запутанное жилищное законодательство. Чем позже построен дом, тем дороже в нем квартиры. Говорят, это делается с целью привлечения частных капиталов в строительство. А в итоге какая-то бессмыслица: прекрасные квартиры в центре обходятся жильцам в три-четыре раза дешевле, чем в этих коробочках... Впрочем, — спохватилась она, решив, что наболтала лишнее, — возможно, я что-то напутала. Современные экономические проблемы не по моим старым зубам.

Вернулся Карл и вместе с ним миловидная, улыбающаяся молодая женщина.

— Моя дражайшая половина, — с комической церемонностью представил Карл. — Леопольдина-Элизабет.

— Так меня никто никогда не зовет! — Она, явно смущаясь, протянула руку мне, Инге. — Просто Лиззль...

— Вот покажи и покажи ей тотчас же советских господ, чтобы она своими глазами могла убедиться в их существовании! Ну как, теперь довольна?

— Перестань, Карл!.. Я вам так благодарна, господин профессор! Меня всегда охватывает смертельное беспокойство, когда Карл опаздывает домой хотя бы на час. Каждый день только и слышишь: убийство, пьяная драка, террористический акт. А если бы он совсем не явился сегодня? Даже страшно подумать!

— Лиззль, кончай причитать! — Карл уже сидел за рулем. — Мы очень спешим.

— Сейчас, сейчас... Господин профессор, у нас завтра

небольшое семейное торжество... Ну, словом, уже три года, как мы познакомились с Карлом...

— Всего-то? — деланно удивился тот. — А мне показалось, прошла целая вечность.

— Помолчи!.. Словом, я завтра в больнице не работаю, меня отпустили на субботний день... и на обед у нас любимое семейное блюдо — кнедлики со сливами... Знаете, мама у меня чешка, она обучила меня кое-каким секретам, кнедли получаются очень вкусными... И если господин профессор сочтет возможным... И конечно, вы тоже, барышня... — она повернулась к Инге. — Мы с Карлом были бы просто счастливы видеть вас у себя.

— Кнедлики! — радостно воскликнула Инга. — Столько читала о них, но не ела ни разу... Отец! Ну что молчишь! Ты же все-таки глава семьи!

— Благодарю вас, фрау Лиззль. Вы сами слышите, дочь моя в восторге. Если я откажусь, она меня съест вместо ваших кнедличков.

— Значит... — Ее голубые глаза счастливо заблестели. — Спасибо! Спасибо!.. Это будет для нас настоящим праздником.

— Лиззль, ну, Лиззль! — Карл включил передачу. — Наши гости правда очень спешат.

Машина отъехала, с ревом набирая скорость. Лиззль долго, пока мы не потеряли ее из виду, стоя на краю тротуара, махала нам вслед.

Мы прибыли в ресторан, где должен был состояться ужин, с опозданием на двенадцать минут. Метрдотель, с застывшей профессиональной улыбкой, непрестанно кланяясь на ходу, провел нас в отдельный, шикарно обставленный кабинет. Увы! Даже здесь на стене красовалось преследовавшее нас повсеместно, как рок, старое тележное колесо.

Вице-бургомистр был с супругой — невидной серенькой женщиной с птичьим лицом и жидкими седоватыми, гладко зачесанными и собранными на затылке в старомодный узел волосами. Он не высказал ни слова упрека. Но взгляд в сторону фрау Маргарет был достаточно красноречив. Я счел необходимым объяснить:

— Прошу прощения за опоздание, господин вице-бургомистр! Это исключительно моя вина. Знаете, как бывает. В решающий момент что-то случилось с моей электробритвой. Пока я ее налаживал, ушло время.

— Как? И у вас тоже? — неожиданно обрадовался вице-бургомистр. — Что ты теперь скажешь? — торжествуя, обратился он к мадам Грубер. — Дело в том, господин профессор, что ровно неделю назад мы опоздали на званый обед к бургомистру именно из-за этой чертовой электробритвы.

— Франц! — робко упрекнула жена.

— Да, да, именно чертовой! — настаивал он с неожиданным темпераментом. — Эти чертовы приборы имеют обыкновение в самую неподходящую минуту подводить своих хозяев. Верно, господин профессор?.. А наши жены, поскольку им никогда не приходится иметь с электробритвами дела, не могут этого понять!.. Фрау Бунде, вы свободны. Скажите Карлу, он отвезет вас, куда вам нужно.

— Благодарю, господин вице-бургомистр, — ответила та едва слышно.

Бедная фрау Маргарет!

Инга осталась верной себе и тут же ринулась в бой за справедливость и поправленное человеческое достоинство:

— Господин вице-бургомистр, нельзя ли...

Но фрау Маргарет не дала ей договорить.

— Спасибо, милочка, у вас доброе сердечко. Но я, правда, очень-очень тороплюсь. У меня билет на концерт. Чрезвычайно популярный лирический тенор.

Неожиданно нагнувшись и чмокнув оторопевшую Ингу в щеку, она царственно удалилась, поправляя на ходу съехавший набок пепельный парик.

Действительно ли у нее был билет на концерт или она придумала это в последний момент?..

Ужин начался в несколько натянутой атмосфере. Инга свирепо молчала, склонившись над тарелкой. Вице-бургомистр, прихлебывая вино, задавал мне какие-то нудные вопросы о водоснабжении советских городов. Я отвечал как умел, а поскольку мои дилетантские сведения о питьевой, технической и прочих видах воды его совершенно не интересовали, он, едва дослушав, задавал следующий вопрос. Очевидно, они у него были приготовлены заранее.

Но по мере того как пустела бутылка рейнского, вице-бургомистр оживлялся. На его впалых костистых щеках заиграл румянец, даже голубовато-серая кочка на голой

черепной коробке заметно порозовела. В конце концов он решительно взмахнул рукой:

— Да ну их к чертям, все эти служебные разговоры!

— Франц! — снова пискнула жена.

— Что Франц! Что Франц! — развернулся он к ней с внезапной удалью. — Могу я с человеком хоть раз поговорить по-человечески? А то весь день с утра до ночи транспорт, мусор, канализация, водопровод! Водопровод! Канализация! Мусор!.. А бумаги! Кошмар! Входящие, исходящие! Сверху, снизу! Поверите, мне даже по ночам снится бумажный поток. Лавина бумаг — и я брежу, разгребая их, как воду... Хотите, расскажу анекдот про бумаги? Ха-ха-ха!

— Франц!

Он только отмахнулся.

— Приходят из гостиничного треста к... ну, скажем, к чиновнику очень высокого ранга и начинают уговаривать: «Разрешите нам уничтожить архивы листов прибытия. Залежи никому не нужны бумаги. За сто лет. Целые комнаты забыты. Целые этажи. Целые здания». Уговаривали, доказывали, наконец уговорили. «Хорошо. Так и быть, уничтожайте. Только сначала снимите с каждой бумажки по три копии и сдайте на вечное хранение. Вдруг когда-нибудь да потребуется». А? Каково?

И пошел сыпать анекдотами...

Вице-бургомистра было просто не узнать. Веселье бурно рвалось из него наружу, как будто вдруг вылетел какой-то предохранительный клапан, плотно закрытый в течение всей рабочей недели.

Потом он неожиданно пригласил Ингу на танец — в соседнем зале беспрерывно грохотал современный мегадецибельный джаз-банд. Мы остались с его супругой вдвоем.

— Простите его, пожалуйста, господин профессор! Франц очень редко выпивает и поэтому... переоценил свои возможности.

И вдруг ее тоже прорвало, только совсем в другом направлении:

— Он тянет на себе весь магистрат. Как ломовая лошадь. Бургомистр только представляет и произносит речи, а вся черновая работа ложится на Франца. Вы посмотрите, как он высох! Разве так можно! Не пьет,

не ест, ни сна, ни покоя!.. Господи, когда же это все кончится!

Она все стенала и стенала, глядя на меня с какой-то непонятной надеждой.

Вернулся после танца вице-бургомистр с Ингой. Он тяжело дышал, как будто долго поднимался в крутую гору.

— Боюсь, что современные танцы уже не совсем по мне. Какую оценку я заслужил у вас, уважаемая фрейлейн?

Как она выкрутится? Только бы не ляпнула обидное.

Я зря волновался за свою дочь. Напустив на себя серьезность, Инга наморщила лоб:

— Оценки, которые я ставлю своим партнерам, обычно слагаются из трех компонентов,— начала она с профессорской рассудительностью.— Техническое мастерство, артистизм и галантность. Так вот, техника у вас, откровенно сказать, немного хромает. Зато за галантность вы безусловно заслужили пятерку с плюсом.

Вице-бургомистр, очень довольный, расхохотался.

— Ну, что скажешь! — торжествуя, обратился он к жене.— Знаете, господин профессор, вы и ваша дочь мне ужасно пришлись по душе. Давайте веселиться дальше!..

Было уже за полночь. Мы спускались к машине по широкой лестнице. Вице-бургомистра пошатывало, и я слегка придерживал его за локоть.

— Да, это был знатный вечерок!.. Господин профессор, я желаю сделать для вас что-нибудь приятное.

— Мы уже и так многим обязаны вам, господин вице-бургомистр.

— Это все чепуха! Это все по служебной линии! А вот по доброй воле, просто из чувства симпатии... Давайте так. Завтра днем вы должны уехать в Инсбрук. Экспресом «Моцарт», не так ли? Кстати сказать, тут сегодня в магистрат заявлялись какие-то люди, просили вас ни в коем случае не задерживать, там будут ждать, в Инсбруке. Так вот, черт с ним, с экспресом! Я дам вам Карла и отправлю с ним на машине! Вы заявитесь в Инсбрук еще раньше, чем «Моцарт». И к тому же будете приятно путешествовать. А мне будет приятно сознавать, что вы приятно путешествуете.

Он снова громко захохотал, довольный своим немудреным каламбуром.

Я насторожился.

— А что за люди, господин вице-бургомистр?

— Какие люди?

— Которые просили меня не задерживать?

— А-а!.. Да черт их знает! Наверное, из Инсбрука, откуда же еще? Я сам их не видел и не слышал, они говорили с моим референтом...«Мариандл-андл-андл!» — затынул он старый, популярный в Вене еще в послевоенные времена шлягер.

— Франц! Франц! — твердила мадам, пугливо озираясь.— Прощу тебя!

— Песня вполне приличная. К тому же я исполняю ее не в солдатском, а в офицерском варианте. Ха-ха-ха!.. «Мариандл-андл-андл, любимый котик Мариандл...»

Странное дело! Во мне опять возникла и все более укоренялась мысль, что эти люди приехали на знакомом мне «мерседесе».

Сколько я ни убеждал себя, что все это ерунда, чувшь, что я немного выпил и у меня просто разыгралось воображение, догадка эта не исчезала, а, наоборот, крепла все больше.

Ну хорошо, предположим, приезжали именно они.

Но почему, в таком случае, им было нужно, чтобы я отправился в Инсбрук поездом? Не в автомашине, не самолетом, а именно поездом?

Почему?

РАССКАЗ МОЕЙ ЖЕНЫ

Веры о некоторых событиях во время ее пребывания в партизанском отряде я попытаюсь воспроизвести здесь в таком виде, в каком он, этот рассказ, сохранился у меня в памяти.

Арвид ошибался, считая, что я лишь успокаиваю его, когда в тех редких письмах, которые удавалось переправить на Большую землю, прозрачно намекала, что работаю в партизанском отряде радисткой.

Я и в самом деле была радисткой.

И тем не менее по существу Арвид был прав. Ведь радистка радистке рознь. Тем более, в таком отряде, как наш. Он был не совсем обычным партизанским отрядом, а особым, разведывательно-диверсионным, и мне не раз приходилось участвовать в довольно рискованных операциях, в том числе и в последней, перед самым освобождением Риги Красной Армией.

Но пожалуй, лучше всё по порядку.

Когда в Латвии в сороковом году произошли июньские события и мы, комсомольцы, вышли из подполья, меня в пожарном порядке направили в редакцию «Городской правды» и сразу же назначили заместителем редактора.

Сейчас это звучит невероятно: девятнадцатилетняя девчонка — заместитель редактора газеты. Но тогда было особое время. Рухнул фашистский режим, надо было буквально в считанные часы создать новые органы власти. А готовые кадры где взять? Вот и становился рабочий железнодорожного депо городским головой, учителя-подпольщика ставили начальником формируемой заново народной полиции. Ну, а вчерашняя гимназистка, вполне грамотная, начитанная, чем не работник новой газеты?

Только стать журналистом мне так и не пришлось. Срочно потребовался надежный человек, знающий латышский и русский языки для работы с архивами бывших латышских посольских учреждений в Москве. Рекомендовали меня. Это было большой честью, да и радостью тоже. Боже мой! Москва! Мы о ней только мечтали, вслушиваясь по ночам в приглушенный до предела голос радиоприемника: «Говорит Москва, радиостанция РВ-1 имени Коминтерна...»

О том, куда я уезжаю и что буду делать, говорить никому не полагалось. Правду знал лишь мой отец, известный в городе врач, который по настоятельной просьбе новых властей возглавил органы здравоохранения, и, конечно, Арвид. От него я ничего не скрывала.

Всем остальным было сказано, что с работой в редакции я не справилась и поехала учительницей в дальнюю деревню.

Предполагалось, что я пробуду в Москве месяца два-три. Однако дело затянулось. Оказалось, что посольство буржуазной Латвии в Москве по заданию разведок империалистических держав развернуло довольно широкую

шпионскую деятельность, и все сейфы были забиты бумагами, подлежащими переводу.

На первомайские торжества в Москву, в составе делегации Советской Латвии, приехал Арвид. Мы поженились. Всего неделю продолжалась наша совместная супружеская жизнь. Но расставались мы легко, полные радужных надежд. Работа моя над переводами подходила к концу, и через месяц-другой я должна была вернуться в свой родной город и там снова встретиться с Арвидом.

Черный день двадцать второго июня сорок первого года все перечеркнул и отдалил эту нашу встречу ровно на четыре года, почти до самого конца войны.

Свои боевые клинья, нацеленные на Ленинград, гитлеровцы со страшной силой вбивали через Прибалтику. Уже на третий день после начала войны вражеские самолеты нанесли бомбовый удар по нашему городу, расположенному на пути фашистских войск. Одна из бомб угодила прямо в дом неподалеку от моста через Даугаву, в котором мы жили. Погиб отец, погиб единственный мой брат Саша. Наша мать умерла много раньше, когда я была совсем еще маленькой, и теперь я оставалась одна на всем белом свете, не считая, разумеется, Арвида. Но и от него я не имела никаких вестей и долго считала погибшим.

Я отправилась в Кировский военкомат Москвы и потребовала, чтобы меня немедленно отправили на фронт. Там спросили, что я знаю и что умею, и, к моему удивлению, больше всего заинтересовались моими хорошими познаниями в немецком языке.

Так я довольно быстро оказалась на курсах радистов, а затем и в партизанском отряде в районе Пскова, вблизи латвийской границы.

Вряд ли следует подробно останавливаться на этом этапе моей партизанской биографии. Воевала как все. И лѣха хватила тоже как все. Дважды была ранена, но оба раза легко и оставалась в строю.

Потом, много месяцев спустя, наша тогда уже партизанская бригада соединилась с наступавшими частями Красной Армии, и меня отправили на переподготовку в Москву. На вооружение поступили новые, более сложные и компактные радиостанции, нужно было их как следует освоить.

Вот тогда-то я и узнала, что Арвид жив, отвоёвываясь, потеряв пальцы на правой руке, и работает в милиции

в далеком сибирском городе. Я даже сумела с помощью старого нашего друга по подполью дозвониться к нему в Южносибирск.

Не скрою: после этого короткого трехминутного разговора мне было невероятно трудно настроиться на новую выброску во вражеский тыл.

На сей раз она произошла уже в Латвии, в районе мелководного, заросшего камышом Лубанского озера. Здесь, в топкой комариной глуши, базировался разведывательно-диверсионный партизанский отряд, куда меня направляли.

И опять, как и в районе Пскова, потянулись боевые партизанские будни, с той лишь разницей, что наши группы все чаще переключали исключительно на разведку. Наступающей Красной Армии требовались подробные и точные оперативные данные. Радиостанции, как говорится, дымились от непосильной нагрузки.

Однажды вечером, едва я успела закончить сеанс радиосвязи с Центром, меня позвали в шалаш к командиру отряда. Почва возле озера была такой сырой, что нельзя было даже вырыть землянки. Копни лопатой, тут же проступает вода. Так и жили в шалашах из еловых лап.

Командир отряда, пожилой усач из старых латышских стрелков, кадровый военный, прошедший и интернациональную бригаду в Испании, и озеро Хасан, и линию Маннергейма, молчаливый и суховатый, предложил коротко:

— Садитесь! Разговор долгий.

Он ко всем, независимо от возраста и положения, обращался только на «вы», не изменяя этому правилу даже в самые напряженные минуты.

Кроме него, у стола, подкручивая фитиль керосиновой лампы, сидел еще один, незнакомый мне человек явно штатского облика. Появился он ночью со связным из соседнего отряда, где был хорошо замаскированный партизанский аэродром. Кто он такой и зачем прибыл, я не знала.

Именно он начал разговор, которому, как предупредил командир, предстояло быть долгим.

— Меня звать Максимом Максимовичем,— представился он.— Прошу вас, расскажите о себе.

— То есть? — не поняла я; почему-то мне показалось, что он из газеты.

— Свою биографию, родственные связи. Словом, все, и как можно подробнее.

Недоумевая, я стала рассказывать. Что это — проверка? Но ведь, кажется, я не новичок.

Потом он начал задавать вопросы. Они были странными и настораживающими.

— Как звать вашу мать?

— Нина Яковлевна.

— Фамилия?

— Авдина, как и у отца.

— Я имею в виду ее девичью фамилию.

— Бирон. Нина Яковлевна Бирон.

— Из тех самых Биронов? Курляндские герцоги?

— Вообще-то она москвичка. — Я начинала испытывать раздражение. — Но в семье, я помню, бытовала легенда, что мать и в самом деле происходит от какого-то бокового ответвления герцогского рода.

— Значит, при желании можно ее считать немкой?

Тут уж я не выдержала:

— И у вас есть такое желание?

Они переглянулись. Мой командир сказал:

— Я думаю, надо разъяснить.

— Я тоже так думаю.

Меня душили гнев и обида.

— Спокойно, Вера, спокойно... Дело все в том, что есть мысль послать вас с важным заданием в Ригу. И мы хотим дать вам вашу собственную же биографию, только чуть-чуть подправленную, вполне съедобную для фашистов.

Мне стало неловко, я почувствовала, что краснею.

— Ничего, ничего! — успокоил Максим Максимович. — Это я виноват. Любое дело надо начинать с самого начала. Ладно, сейчас поправим положение.

И он начал с самого начала. В Риге уже довольно долгое время успешно действует наш разведчик. При нем до последнего времени находилась радистка с рацией. Но произошел несчастный случай. Глупый, нелепый. Девушка оступилась на улице, упала и сломала ногу. Попала в больницу. Оказался множественный осколочный перелом большой берцовой кости. Лежать в гипсе минимум четыре месяца. Разведчик остался без связи. Срочно требуется радистка, владеющая русским, немецким и латышским языками.

— А девушка? — спросила я.

— За нее беспокоиться нечего. Она на легальном положении. Отлежится и выйдет из больницы. А вот где нам взять другую? Такую же, тоже легализованную. Иначе ему нельзя.

— Думаете, я подойду?

— Давайте разберемся.

И мы стали разбираться. О моей работе в подполье в городе мало кто знал. Я даже не попала в список лиц, разыскиваемых оккупационными фашистскими властями в Прибалтике. А ведь туда заносили всех мало-мальски подозреваемых в сочувствии Советской власти.

В городе считали, что меня отправили учительницей за провинность. Но вот куда отправили?

— В Карсаву, — уверенно сказал Максим Максимович. — И на днях вы уехали оттуда, побоявшись, что местечко вот-вот захватят красные.

— А что я там делала, в Карсаве?

— Как что? Преподавали немецкий язык. Об этом будет самым подробнейшим образом сказано в ваших «папирах». Кстати, ваша фамилия в документах — Бирон. По матери. И по национальности вы немка, фольксдойче. Опять-таки по матери.

— А если они запросят Карсаву?

— Не успеют. Фронт в движении, местечко за это время наверняка освободят... Не беспокойтесь, документы у вас будут подлинные. С ними хоть в Берлин.

— Надеюсь, так далеко дело не зайдет.

Я шутила, а Максим Максимович возьми да скажи на полном серьезе:

— Этого никогда нельзя знать наперед...

Мы обговорили все детали. Осталось неясным лишь одно:

— Где я буду жить в Риге? Хотя бы первое время? Гостиница бедной беженке не может быть по карману. А частную квартиру пока найдешь...

И тут Максим Максимович спросил:

— Вам знакома такая женщина — Дарья Тимофеевна Скобелева?

— Скобелева? — переспросила я, недоумевая.

И вдруг меня пронзила догадка:

— Даша?! Бог мой! Неужели Даша? Она жива?

— Вполне. Хотя и не очень здорова.

— Где же она?
— В Риге. Прислужой у зубного врача Рудольфа Межгайлиса.

Даша!.. Я спрятала лицо в ладонях. Моя няня! Она вынянчила Сашу, потом меня, уже без матери. А я считала ее погибшей вместе с отцом и братом.

— Кстати, Рудольф Межгайлис, по нашим сведениям, знал вашего отца. Это тоже неплохо. Вы явитесь в его дом не совсем чужой...

Мою переброску подготовили в спешке, но тем не менее очень тщательно. Разведчик, к которому меня послали, добывал ценнейшие сведения, но с каждым потерянным днем они безнадежно устаревали.

По цепочке связанных отряда меня доставили в Крустпилс. Там окончательно экипировали, и я села в поезд на Ригу с двумя чемоданами, набитыми платьями, бельем, всякой всячиной, полагающейся молодой женщине. В карманах у меня были деньги, всевозможные «папиры» и прочный аусвайс — удостоверение личности с фотографией, заменявшее в условиях оккупации паспорт.

На квартиру преуспевающего рижского зубного врача Межгайлиса, занимавшую целый этаж в центре, на улице Лачплеша, я заявила с черного хода. Дверь открыла Даша. Как она, бедная, изменилась! Совсем старушка.

— Даша!

Она меня узнала не сразу.

— Здравствуйте, барышня,— шурилась она подслеповато в ожидании.

— Даша! Дашенька!

Я не выдержала, схватила ее в объятья. И только тут она... Нет, не увидела — догадалась. Как выяснилось потом, у нее стало плохо со зрением. Дома, в неярком свете, в привычной обстановке, она еще кое-как управлялась. А на солнце почти ничего не видела.

Мы проговорили в ее клетушке рядом с кухней целый час. Она смеялась и плакала, никак не могла унять слезы. Я узнала, каким образом ей удалось уцелеть после той страшной бомбежки. Даша отправилась в хлебную лавку. Вышла из дому, завернула за угол, к бульвару. В это время и начался налет.

Когда она возвратилась, на месте нашего дома дымилась груда развороченных балок и кирпичей...

— Ох! — спохватилась Даша.— Обед! Господин Меж-

гайлис меня со света сживет! Чтобы ровно в два — и ни минутки позже.

— Я пойду ему скажу.

— Иди, милая, иди! Он ведь и барина нашего-то, Николая Тихоновича, хорошо помнит. Авось и тебе, его дочке родной, разрешит сколько пожить.

Межгайлис оказался чрезвычайно любезным, но и таким же осторожным.

— Как же, как же! — воскликнул он, с жаром пожимая мне обе руки.— Я вас очень хорошо знаю! Вы были совсем еще ребенком, когда я захаживал к вам в дом, долговязой девчушкой с пугливыми глазами и длинными косами. Правда, вы с тех пор чрезвычайно изменились. К лучшему, мадемуазель Авдина, к лучшему! — Он галантно склонил голову.

— Бирон, господин Межгайлис. С некоторых пор я ношу фамилию матери.

— Да? — сразу заинтересовался он.— По какой же причине, если мне будет разрешено осведомиться?

— Летом сорокового года у нас случились серьезные разногласия с отцом. Я не одобрила некоторых его действий, и он... Словом, как ни печально признаться, отец указал мне на дверь. Пришлось уехать...

Межгайлис снова склонил свою голову с замысловатой прической на два пробора, на этот раз демонстрируя скорбь.

— Слышал, мадемуазель Бирон, слышал. Весьма печальное заблуждение такого крупного врача и умного человека. Яркий пример того, что настоящему интеллигенту нечего делать в сфере политики.

И добавил то, что мне больше всего хотелось от него сейчас услышать:

— Считаю своей священной обязанностью предоставить вам кров и пищу, мадемуазель Бирон. Но... — Он предостерегающе поднял палец.— Только после того, как вы зарегистрируетесь у квартального уполномоченного и получите его письменное разрешение. Прошу меня понять и простить: время такое!

— Само собой разумеется, господин Межгайлис. Я вам чрезвычайно признательна, мне так хочется побыть немного с Дашей. А потом я найду и жилье и работу.

Он опять поднял палец:

— Не торопитесь, мадемуазель, не торопитесь...

Визит к квартальному уполномоченному, кривоногому толстячку-бодрячку в коричневой фашистской рубашке, прошел благополучно. Рассказ мой он выслушал молча, все время словно ощупывая меня своими болезненно часто помаргивающими подозрительными глазками. Однако мои документы его вполне успокоили, особенно слово «фольксдойче» в графе, где указывалась национальность. Он нацарапал несколько корявых строк, расписался, прилепнул печатку с номером и подал мне:

— Живите!

Будто он разрешал мне не временное проживание у зубного врача Межгайлиса, а дарил самую жизнь.

Впрочем, в каком-то смысле так оно и было.

Очень скоро выяснилось, что господин Межгайлис вовсе не бескорыстно предложил «кров и пищу» несчастной беженке. Его чарующего радушия хватило ровно на один вечер, когда он пригласил меня на совместный «стакан чая» в своей роскошно обставленной гостиной. Уже на другой день Межгайлис спросил меня, впрочем очень душевно, не соглашусь ли я, хотя бы на короткое время, стать его помощницей.

— Ради бога, если только смогу.

— У меня сейчас уйма пациентов. То и дело звонки у двери, а Дарья Тимофеевна, сами видите, просто не в состоянии... Если бы вы могли последить за этим. Да еще заодно и за порядком в приемной.

Конечно, я согласилась и еще день-два находилась в доме уже на положении полуголосты-полуприслуги. Ну а затем... Затем я незаметно соскользнула еще на одну ступень ниже и превратилась в горничную. Межгайлис уже не приглашал меня больше на «стакан чая». Властным голосом он отдавал короткие распоряжения:

— Вера, откройте дверь!

— Вера, уберите в приемной!

— Сбегайте за зубным техником, да поживее!..

И все только за «кров и пищу».

Впрочем, меня и это устраивало. Было приказано затаяться и ждать, пока ко мне не явятся с паролем.

Пароль не потребовался...

Однажды в отсутствие Межгайлиса позвонили у парадной двери. На пороге стоял статный блондин в форме немецкого железнодорожника и с небольшим чемоданчиком в руке.

— Господина доктора нет дома...

— Знаю! — перебил он меня, улыбаясь. — Господин доктор сказал вам, что отправился в германский госпиталь, а на самом деле он сейчас шныряет по черной бирже в поисках левого золотишка...

И только тут я его узнала. Фридрих Ассельдорф, мой боевой товарищ чуть ли не с первых дней пребывания в лесах под Псковом. В партизанском отряде его называли просто Фимой, да и фамилия у него была другая. Но так как им нередко интересовался Центр в своих шифровках, я знала про него почти все. Советский немец из-под Одессы, военный летчик, он был вскоре после начала войны демобилизован из Красной Армии и направлен в глубинный район страны. Но, будучи настоящим советским патриотом и человеком огромной силы воли, с этим не смирился, а повел настоящий бой за свое право быть на переднем крае борьбы против фашизма.

Так он попал в наш разведывательно-диверсионный отряд. Несколько отчаянно смелых операций, в которых Фридрих проявил себя с самой лучшей стороны, — и его поставили во главе одной из боевых групп. А еще некоторое время спустя он исчез. Товарищи полагали, что Фридрих погиб во время диверсии на железнодорожной станции. Командование отряда всеми силами поддерживало эту версию. Были даже устроены торжественные похороны, чисто символические, разумеется, так как тела погибшего не обнаружили.

Но я-то знала, что Фридрих жив и невредим. Его тайно отослали в распоряжение Центра.

И вот теперь он стоял передо мной, живой, здоровый, веселый, улыбающийся.

Я обрадовалась. Предстояло работать со знакомым, испытанным на моих глазах человеком.

— Может быть, мне будет разрешено обождать господина доктора? Надеюсь, его отсутствие продлится не слишком долго.

— А я надеюсь, что оно продлится подольше! — Я широко распахнула перед ним дверь.

— Фридрих Grimm! — церемонно представился он мне, щелкнул каблуками на военный манер. — Один из правнуков одного из братьев Grimm.

— Тоже великий сказочник? — спросила я, проводя его в пустую приемную.

— Увы! Никак нет! Рядовой транспортный агент.

В доме никого, кроме Даши, колдовавшей на далекой кухне над обедом, не было. До прихода Межгайлиса мы могли говорить беспрепятственно.

Фридрих прочно и надежно обосновался в Риге. Ему уже давно удалось устроиться представителем крупной бременской транспортной фирмы, и под этим солидным прикрытием он сумел развернуть активную разведывательную работу. Сейчас Фридрих больше всего нуждался в радистке.

— Когда можешь начать? — спросил он меня.

— Хоть сегодня.

— Прекрасно! Расписание тебе, конечно, известно... Вот первая порция, — он подал мне несколько листочков испещренных столбиками цифр.

— А рация?

Фридрих без лишних слов похлопал по своему чемоданчику.

— Не слишком ли рискованно?

По улицам Риги то и дело сновали автомашины — радиопеленгаторы.

— Передашь отсюда раз, максимум — два. Они не успеют засечь. А потом устроимся. У меня служебная машина.

Это значительно упрощало дело.

Межгайлис отсутствовал долго — видимо, золотишко, даже левое, просто так в руки не давалось. Мы подробно поговорили обо всем. Фридрих советовал не слишком торопиться с поисками работы — если только подвернется что-то очень уж перспективное. А так у Межгайлиса условия вполне подходящие: и легальное существование, и свой телефон, и богатые возможности для конспиративных встреч — через кабинет популярного зубного врача ежедневно проходит масса пациентов.

Мы беседовали до тех пор, пока не раздалась звонки у двери: длинный и сразу же вслед за ним короткий.

— Пациент, — сказала я. — У Межгайлиса свой ключ.

— Нет, это мне, — поднялся Фридрих. — Межгайлис возник на близких подступах. Не нужно, чтобы он меня здесь видел.

— Ничего страшного. В самом крайнем случае, покажешь ему зубы.

— Это и есть самое страшное! — рассмеялся Фрид-

рих. — У меня тридцать два совершенно здоровых зуба. Вот не повезло, а?

Ночью я пристроилась с чемоданчиком в деревянном сарае в подвале, вышла на связь с Центром и, нарушая все правила конспирации, стучала ключом на предельной скорости, не переставая, в течение целого получаса.

Ничего, на первый случай не страшно!

Теперь тусклая моя жизнь в доме Межгайлиса приобрела смысл, и меня уже так не тяготили все новые и новые обязанности по дому, которые Межгайлис на меня взваливал под одним и тем же предлогом:

— Вы же сами видите: Дарье Тимофеевне очень трудно. Она уже далеко не прежняя, почти ничего не может. Жалко ее, конечно, но...

Межгайлис давал тем самым понять между слов, что от меня одной зависит, оставит ли он Дашу у себя или вышвырнет из дому, как пришедшую в негодность вещь.

Как-то раз, когда я проходила через приемную в зубокабинет с чаем для Межгайлиса, мне неожиданно преградил дорогу человек в военной форме.

— Барышня Вера?! Да я глазам своим не верю!

Я чуть не выронила из рук поднос. Это была не просто военная форма — фашистский полицейский мундир!

— Что вы тут делаете?.. Вы меня не узнаете! — Он довольно захохотал. — Что ж, будем знакомиться сызнова. Бывший лейтенант латвийской армии, а ныне капитан полиции Эвальд Розенберг. Ваш постоянный и горячий поклонник.

Меня охватило беспокойство. Этот поклонник мог доставить кучу неприятностей. Он лип ко мне, как пластырь, еще в ульманисовские времена, томно вздыхая, ходил по пятам, посылал «чувствительные» вирши на надушенной бумаге с буквой «Э» вместо подписи.

Но он тут же развеял мои опасения:

— Как же я вас долго не видел, барышня Вера, целую вечность! Мне ведь пришлось тогда срочно покинуть город, да и Латвию тоже. Сразу же, как появились большевики... Нет, это сам бог навел меня на мысль посетить сегодня врача! Это не дупло в зубе — это перст судьбы! — Он не выпускал моей руки, преданно заглядывая в глаза.

Из кабинета вышел разозленный Межгайлис в белом

халате; он ведь так и не дождался своего чая. Но увидел Розенберга — и расплылся в умильной улыбке.

— Господин капитан! Прощу! — пригласил он его без всякой очереди, не взирая на сдержанный ропот ожидавших приема.

— Одну минуту, доктор. . Надо непременно встретиться, барышня Вера! Не правда ли, нам с вами ведь найдется о чем поговорить друг с другом?.. Что, если я заеду сегодня за вами, скажем, часиков в восемь, и мы проведем вечер в кафе «Отто Шварц»?.. Премиленький локал, смею вас уверить, совсем как и в добрые довоенные времена.

Я неопределенно пожала плечами, не зная, как поступить. Он истолковал это как знак согласия, приложился своими пухлыми ярко-красными губами к моей руке.

В обед Межгайлис вдруг попросил меня «оказать ему честь и откушать вместе с ним». Как я и предполагала, акции мои повысились из-за Розенберга. Кстати, раньше его фамилия звучала немного иначе — «Розенберґс». Казалось бы, едва заметное различие, всего одна буква. Но ее отсутствие говорило о многом. Если прежде он считался латышом, то теперь, проведя столь мизерную операцию, мог с полным правом провозгласить себя чистопородным немцем.

— Господин капитан к вам весьма и весьма неравнодушен, — докладывал Межгайлис во время обеда. — Он просто не давал мне ставить пломбу — все о вас и о вас! Вы девушка его мечты, он влюблен в вас давно и беззаветно... Да, — вздыхал Межгайлис, не спуская с меня зоркого взгляда, — такое постоянство в сердечных привязанностях встречается не часто. Сейчас больше в моде быстропроходящие военные романы. Тем более, у людей с таким положением.

— А он что, занимает важный пост?

— Ну, важный, не важный, я уж не знаю, а все-таки управление полиции. Там каждый пенек перед нами дуб...

И я решилась, пошла с Розенбергом в «премиленький локал». Межгайлис, провожая, самолично распахивал перед нами дверь и кланялся, умильно улыбаясь, как старый многоопытный сводник.

Розенберг, подогретый вином, разболтался. Он все еще, как и в прошлые времена, судился из-за денег, которые ему завещал отец-миллионер с весьма, однако,

оригинальным условием. Банк ежегодно выплачивал Розенбергу из богатейшего наследства лишь такую сумму, какую ему удавалось заработать за год.

— Теперь этот миллион у меня, можно сказать, в кармане,— хвастал Розенберг.— Один умнейший берлинский адвокат подсказал мне ловкий ход. Нужно только доказать, что отец к моменту подписания завещания был умалишенным, и его действия признают неправомочными. Две справки психиатров у меня уже на руках. Дело за третьей.

Затем он поинтересовался, что я делаю у Межгайлеса. Я рассказала о Даше и упомянула вскользь, что неплохо бы мне подыскать какую-нибудь работу.

Розенберг проглотил мою приманку и с жаром принялся уговаривать меня устроиться в управление полиции.

— Это дает большие привилегии, барышня Вера.

— Думаете, я подхожу для роли сыщика?

Он громко захохотал, откидывая назад голову.

— Можете пойти машинисткой, секретарем, архивариусом... Кстати, по секрету...— Он нагнулся к самому моему уху.— Я команду, можно сказать, всеми архивами Риги.

— Нет, Эвальд, это не для меня. Куда-то ходить, кого-то просить, уговаривать... Нет-нет! — Я для большей убедительности сжала пальцами виски.

— Что вы, барышня Вера! — Он подпрыгивал на стуле от возмущения.— Я сам все устрою! Только одно ваше слово — и...

— Ах, милый Эвальд, нельзя же так с женщинами! У вас прямо лихой кавалерийский наскок. Я подумаю, уж ладно, так и быть... А теперь — прочь от дел. Прочь! Прочь! Прочь! Давайте лучше повспоминаем с вами о прошлом, о тех прекрасных, незабываемых днях...

Я сознательно переводила разговор на другие рельсы. Управление полиции — это просто великолепно. Но я не имела права ничего решать без согласования с Фридрихом...

Как я и предполагала, он был решительно «за».

— Соглашайся! Непременно соглашайся! Поломайся немного для вида и дай согласие. Управление полиции — это прежде всего подлинные документы, а значит, и безопасность для наших людей. Соглашайся!

Однако Розенберг во время нашей следующей встречи

в том же кафе «Отто Шварц» не заговаривал больше о моей работе. Пришлось самой осторожно коснуться этой скользкой темы.

Он замялся.

— Понимаете, барышня Вера, я выяснил, но в настоящее время...

— Все занято?

— Вы умница! Всего одна лишь вакансия. Точнее, даже полвакансии.

— Полвакансии?.. Так это же прекрасно. Я буду занята всего лишь несколько часов в день.

— Я просто не решаюсь вам ее предложить.— Розенберг выглядел чрезвычайно смущенным.

— Ну вот! То обнадеживаете, то теперь вот, оказывается, ничего нет. Зачем эта игра?

— Что вы, барышня Вера!.. Работа есть, но... Не слишком подходящая для особы благородного происхождения.

— И все же?

— Вечерняя уборщица.

Розенберг виновато отводил взгляд.

— Ужасно! Как вы смее! — Внутренне я ликовала.— Это ужасно!..

— Я понимаю ваше состояние, барышня Вера... В других обстоятельствах я бы никак не решился... Но теперь... При всех отрицательных сторонах есть и известные преимущества... Во-первых, это у меня в отделе, а уж я-то смогу облегчить вашу участь. Во-вторых, жалование не такое уж мизерное.— Он назвал сумму.— К тому же я позабочусь о льготных доплатах.

Но я вроде и не слушала.

— Уборщица! До чего же можно докатиться!.. А впрочем... ха-ха! Кто я такая сейчас? Та же уборщица, если хорошенько разобраться... Да к тому же еще и без оплаты...

— Вот видите! — воспрянул духом Розенберг и принялся с новым жаром уговаривать меня.— Считаю своим долгом предупредить, что этот Межгайлес закоренелый холостяк, старый, известный всей Риге волокита. Он еще начнет приставать к вам, вот увидите!..

Он убеждал меня так пылко, что я, негодуя, возмущаясь, стала все же потихоньку сдаваться...

Запросили Центр, получили добро.

Розенберг оказался не таким уж большим начальником, каким ему хотелось бы казаться. В его распоряжении были лишь два древних старичка-архивариуса да одна машинистка, злущая старая дева из прибалтийских немцев, с крючковатым, совсем не арийским носом. Ко мне она сразу же вспылала лютой ненавистью. Как потом выяснилось, была веская причина: «полвакансии» вечерней уборщицы Розенберг отхватил именно у нее.

Обязанности мои были несложными. Я приходила к трем, переодевалась в черный просторный халат и до семи вечера, по строго разработанному ежедневному графику, пылесосила полки, на которых хранились архивные документы. Позже, когда в учреждении кончалась работа и все отправлялись домой, убирала остальные помещения. Их было немного, всего три комнаты.

Вот и весь мой труд!

Рабочее место самого Розенберга находилось в хранилище, где с этой целью был выгорожен угол. Его образовывали две стенки, обитые листами кровельного железа. Дверь закрывалась на сейфный замок с массивной задвижкой. А когда Розенберг уходил надолго, еще и запечатывалась сургучом.

Как мне удалось выяснить позднее, там хранились наиболее важные документы, так называемая рабочая, или активная, часть архива, и за их сохранность капитан Розенберг отвечал собственной головой.

Межгайлис похвалил мое решение поступить в полицейский архив, хотя, казалось, он должен был быть недовольным, теряя даровую рабочую силу. Больше того, если до сих пор я ютилась в каморке у кухни вместе с Дашей, то теперь Межгайлис выделил в мое распоряжение отдельную, вполне приличную комнату. И даже отказался брать за нее плату.

Это не было благотворительностью, как могло показаться на первый взгляд. Хитрый лис искал свои выгоды. Его махинации с золотом в любой момент могли обернуться для него крупными неприятностями, и тогда личные связи в полиции ему очень быгодились.

Розенберг всегда оставался со мной после работы — в его обязанности вменялось опечатывать на ночь все помещения и сдавать охране. Сидя верхом на стуле, лицом к спинке, он беспечно болтал о всякой ерунде и подгонял беспрестанно:

— Да стоит ли вам так возиться, барышня Вера! Вам не кажется, что нас уже заждались у «Шварца»?

И он пел куплет популярной эстрадной песенки:

— Не забыть мне, не забыть мне
Мою первую любовь.
Не забыть мне, не забыть мне,
Хоть люблю теперь я вновь!

— Ну как же, Эвальд, я должна убраться.

— Сами уберут, не маленькие!

А иногда, правда не слишком часто, он даже спускался вниз и приводил мне в помощь двух-трех солдат из караульного помещения:

— Отдохните, вы устали, барышня Вера! Эти brave молодые полны желания услужить даме.

Пока его ухаживания не шли дальше приглашения в кафе и любезничания в подъезде, когда он привозил меня домой на ночном извозчике.

Но долго тянуться так не могло, и мы с Фридрихом придумали историю про моего жениха, немецкого летчика, который считался погибшим во время одного из налетов на Москву. Теперь ему предстояло срочное восхождение на горе бедному Розенбергу — пока еще только в письмах.

Однако прибегнуть к этой сомнительной придумке не пришлось.

Каким-то странным, далеко не героическим образом погиб в офицерском казино один из руководящих чинов оккупационной полиции, эсэсовский полковник Грейфельд: не то объелся, не то подавился, не то его хватил удар во время попойки. Розенберг ходил сам не свой. Грейфельд оказывал ему свое высокое покровительство; вероятно, в расчете на крупную сумму из наследства, дело о котором находилось в стадии решения в самой высокой берлинской инстанции.

Однажды солдат в сопровождении Розенберга притащил в хранилище пишущую машинку. Ее поставили на стол против входа в бронированную клетушку начальника архива.

— Зачем? — удивилась я. — Все, что нужно, вам печатает фрау Рихтер.

— Пусть себе стоит. Как память о моем незабвенном штандартенфюрере.

И стал рассказывать, что назначенный на место Грей-фельда эсэсовский чин с первого же часа стал наводить в полиции новые порядки. Начал он со своего собственного кабинета и приемной: приказал сменить адъютанта, секретаршу, мебель, ковры, портьеры, даже пишущие машинки.

— Большой оригинал!

В голосе Розенберга прозвучало неодобрение. И озабоченность тоже. Видно, он опасался, что волны перемен докатятся и до архива.

В помещение архива вел отдельный ход. Сюда попадали не по пропускам, а по личному телефонному разрешению Розенберга. Приходили в архив заносчивые молодчики из гитлеровской администрации, латышские полицейские, тихие штатские из различных учреждений, большей частью за всякого рода справками.

Но время от времени заявлялись к Розенбергу люди, которых я не могла отнести ни к одной из этих категорий. Как правило, пожилые, очень прилично одетые, они спрашивали господина капитана, и тот, предварительно заперев свою комнату-сейф, уходил шушукаться с ними в дальние углы хранилища.

Поговорив, они, вежливо попрощавшись со мной, тихо удалялись.

Я подкараулила как-то подходящий случай и спросила невзначай самого Розенберга. Но он отделался коротким:

— Дела, дела!

И, шелкнув бульдожьим замком своей двери, улизнул от дальнейших расспросов.

Что было в этом новом, на него непохожее. Уж не ведает ли он какой-нибудь особой частью гестаповской или абверовской резидентуры? Может быть, я просто не смогла его раскусить? С виду простак, а на самом деле...

Поделилась своими подозрениями с Фридрихом. Он озабоченно наморщил лоб:

— Интересно... Очень интересно! Фамилий ты не знаешь?

— Нет, конечно. Но вот один очень приметный. Старик уже, с седой шкиперской бородкой, руки все в перстнях. Ходит с тростью с мефистофельской головой вместо набалдашника. Очень заметно волочит левую ногу.

— Ну, с такими приметамы мы его и на том свете

разыщем,— широко разулыбался Фридрих.— Спасибо, Вера, молодец! А еще?

Я описала, как могла, и других посетителей Розенберга, не подходивших под обычный архивный стандарт.

Во время следующей встречи Фридрих сообщил мне:

— Твой Розенберг просто дрянцо, мелкий воришка. Знаешь, чем он занимается? Тащит из старых архивов конверты с редкими марками и сбывает филателистам.

А этот хромой—известный рижский марочный торговец.

— Вон оно что!

У меня, наверное, вытянулось лицо, потому что Фридрих счел нужным приободрить:

— Что нос опустила? Это же, наоборот, здорово! На этом мы его и подловим, твоего кавалера. Вот только соберем побольше материала, и он у нас с тобой запляшет на ниточке!

Особой пользы от моей работы в архиве пока не было, и это мучило меня. Могла бы я без особого труда добывать документы умерших; они быгодились нашим людям. Могла бы попытаться дотянуться и до чистых «аусвайсов» — у меня уже налаживались кое-какие отношения и за стенами архивного помещения.

Но Фридрих не разрешал:

— Нет! Соси пыль и очаровывай Розенберга. Никакого риска! Мне нужна радистка с надежным прикрытием, а не лицо на подозрении.

Как раз в это время стали поступать из Центра необычные и довольно трудные задания. То сначала попросили раздобыть пачку писчей бумаги, обязательно с водяным знаком «Лигатнес папирс», и даже прислали за ней специального связника из отряда. То поинтересовались потом, не смогу ли я обнаружить среди архивных бумаг сопроводительного документа с подписью бывшего начальника охраны нашего города Дузе.

Это уже было посложнее. Однако я скоро разобралась, где нужно искать. В архиве царил идеальный порядок. А со своим пылесосом я имела доступ к любой полке.

Кроме комнаты Розенберга!

Добыла я и сопроводительную. К моему удивлению, за ней тоже прислали связника, и это указывало на перво-степенное значение, которое придавалось Центром старой, никому, казалось бы, не нужной бумажке.

А вот над следующим заданием подобного рода пришлось поломать голову и мне и Фридриху. Нам был передан текст. Нужно было напечатать его на машинке. Проще простого! Но на какой? Обязательно на одной из трех. На которой печатаются бумаги начальника полиции либо двух его заместителей.

А как к ним подобраться?

Фридрих пришел к решению: настало время под видом марочника-оптовика выводить на Розенберга одного из своих людей.

Не знаю уж, как ему удалось это сделать. Вероятно, сыграл какую-то роль, может быть даже сам того не подозревая, тот самый торговец с седой шкиперской бородой.

Во всяком случае, по его рекомендации, предварительно позвонив по телефону, явился к Розенбергу незнакомый мне человек и, как многие прежние посетители моего шефа, стал секретничать с ним в уголке возле стеллажей. Только задержался он намного дольше других, и после его ухода Розенберг до конца работы пребывал в радостно-возбужденном состоянии.

На следующий день в три часа, войдя в хранилище в халате и с пылесосом в руке, я застала Розенберга за машинкой. Двумя пальцами он выстукивал какой-то текст.

— Барышня Вера, вы пришли в самое время, какое счастье! Не согласились бы мне немного помочь?

Розенберг, как и вчера, продолжал находиться в состоянии радостного возбуждения.

— С удовольствием, Эвальд.

— Вот, напечатайте, пожалуйста.

Он подал мне длинный список каких-то конвертов, марок, старинных почтовых гашений с указанием места и даты.

— Для чего это вам?

— Обмен, барышня Вера. Обычный филателистический обмен. Я ведь давно увлекаюсь коллекционированием марок. Еще с детства. Вы разве не знали.

И тут, во время печатания списка, меня вдруг осенило. А не подойдет ли для целей Центра эта машинка? Ее ведь взял Розенберг прямо из кабинета Грейфельда...

Фридрих расцеловал меня:

— Вера, да ты просто гений!

И в Центр, опять через связного, ушла бумага.

«СС-штандартенфюрер Грейфельд распорядился:

1. Хранить дело в активной части архива.

2. По имеющимся сведениям, «Воробей» служит на противостоящей стороне фронта в 121 полку 43 латышской стрелковой дивизии...»

Отослали мы второй экземпляр. Первый было приказано хранить впредь до дальнейших распоряжений.

Что же касается списка филателистических материалов, то, как выяснилось, Розенберг готовил его для своего нового клиента. Тот сумел вскружить ему голову, пообещав за соответствующий процент оптовый сбыт краденых конвертов и марок буржуазной Латвии на всей оккупированной гитлеровцами территории Европы.

Все пошло своим чередом. И вот наконец настал день, когда я дрожащими от волнения руками листала «личное дело» Арвида.

«Я, вышепоименованный Ванаг Арвид, сын Яниса, по своей собственной доброй воле и без всякого принуждения выражаю желание сотрудничать с политической полицией...»

«Доношу, что ячейкой коммунистов в паровозном депо руководит неизвестное мне лицо по подпольной кличке Антей...»

«Доношу, что в ночь на двадцать восьмое апреля готовится еще одна подпольная коммунистическая первомайская акция...»

Как мистически странно и необъяснимо перекрещиваются иногда человеческие пути! Разумеется, я не понимала тогда, для чего все это делается. Не мог этого объяснить мне и Фридрих. Одно только сказал он:

— Сверху виднее! Мы здесь видим с тобой только отдельные стежки, а не всю связку. Может быть, когда-нибудь и нам с тобой удастся взглянуть на нее с высоты. Может быть... А теперь надо делать дело!

И мы стали «делать дело».

Папка с сочиненными документами попала в активную часть архива легко и просто.

Марочник-оптовик явился к Розенбергу и в дальнем углу, за стеллажами, стал рассматривать содержимое портфеля с марками, которые накануне мой начальник приволок после очередной инспекции почтового архива, куда он последнее время зачастил не без корыстных целей.

Розенберг сидел в своей комнате.

Я печатала на машинке очередной список марок — свои филателистические дела Розенберг доверял только мне, как своей старой доброй знакомой, не без основания полагая, что фрау Рихтер может донести начальству о его нечистоплотных проделках. Папка, заранее подготовленная, лежала под зеленым сукном стола.

— Господин капитан, да ведь это же чрезвычайно интересно! — вдруг воскликнул его клиент из своего угла. — Можно вас на момент? Вы будете приятно поражены.

— В самом деле?

Дверь Розенберг не запер — ведь он считал, что тотчас же вернется.

Я вынула папку из-под сукна, проскользнула в обитую железными листами комнату, не спеша, контролируя каждое свое движение, уложила дело в сундучок с другими такими же папками из шершавого темно-коричневого картона. Именно этим старинным, ручной работы сундучком Розенберг дорожил больше, нежели стандартными, обитыми железными полосами защитного цвета ящиками, расставленными на полках в каморке, и — я чувствовала! — не зря.

Можно было не торопиться. Можно было работать спокойно и уверенно.

«Марочник-оптовик» надежно прикрывал меня.

Еще через день при подобной ситуации мне удалось заманить и описать.

А потом события покатались лавиной.

Красная Армия прорвала фронт, сначала на юге, в Белоруссии и Литве, потом и на северо-востоке. Рига наводнилась военными; сюда сбегались и беженцы, чувствовавшие свою вину перед Советской властью, а то и просто поддавшиеся панике и сорванные со своих насиженных мест. Фридрих задыхался от множества дел — и явных, и тайных. Клиенты атаковали контору бременской транспортной фирмы: в рейх, в рейх, в рейх! Им казалось, они вместе со своим награбленным добром отсидаются там, в рейхе, как в неприступной крепости.

Однажды вечером Розенберг подъехал к подъезду архива на двухместном «хорьхе» начальника полиции. Вихрем взлетел по лестнице, открыл свою каморку.

— Срочно уезжаю в Лиепаю! — Он помахал мне на

ходу желтым портфелем. — Не скучайте без меня, ба-рышня Вера, я скоро вернусь!

Двое солдат вынесли вслед за ним сундучок. Погрузили его в багажник машины; я видела это из окна.

«Хорьх» рванул с места. Солдаты, стоя навтыжку у края мостовой, отдавали честь...

Вера погибла в автомобильной катастрофе двадцать третьего ноября, через четырнадцать лет после конца войны...

В тот день Инге исполнился ровно год.

СТАРИННЫЙ ТРЕХБАШЕННЫЙ ГЕРБ

города Зальцбурга на конверте, который почтительно протягивал Карл, почему-то сразу бросился мне в глаза.

— Вам письмо от господина вице-бургомистра.

Шофер выглядел непривычно растерянным, даже каким-то виноватым.

Письмо? Что за официальность такая? После вчерашнего развеселого вечера.

Я вынул плотный лист с таким же тисненым гербом, испещренный торопливыми цепочками собственноручных строк моего так неожиданно разгулявшегося сотрапезника.

«Милостивый государь, многоуважаемый господин профессор! — писал он в традиционном тяжеловесном стиле официальных посланий. — Прошу принять мои глубочайшие извинения по поводу того, что я не смогу сдержать своего собственного обещания. Как выяснилось сегодня утром, автомашина в послеобеденное время должна будет поступить в распоряжение персональных гостей господина бургомистра — вчера еще я об этом не имел представления. Обстоятельства оказались сильнее меня. Прошу это понять и простить».

Далее, после размашистой подписи, следовал менее официальный постскриптум:

«Мы оба, я и моя жена, преисполнены благодарности Вам и Вашей милой дочери за вчерашний вечер. От души желаем приятного путешествия!»

Значит, все-таки мы с Ингой должны будем ехать

экспрессом «Моцарт». Он уходит с Зальцбургского вокзала ровно в час дня.

Кто-то добился своего.

Но зачем? С какой целью?

— Вот и остались мы оба лгунами перед господином профессором — и вице-бургомистр, и я. — Карл, добрый мальчик, неловко переминался с ноги на ногу.

— Что же все-таки случилось? Вы не знаете?

— Как не знать, господин профессор, в шоферской чего только не услышишь. Здесь у нас какие-то важные гости, не то из ФРГ, не то из Нидерландов. Так вот, вчера ни с того ни с сего возьми да и сломайся их «крайслер». А ведь уж до чего надежная машина! Вечером они звонили господину бургомистру в Вену, по всяким там своим делам. Ну и упомянули, между прочим, о своей беде — на чем же теперь по окрестным горным трассам раскатывать? Вот бургомистр и предложил им попользоваться «фордом» на время своего отсутствия: он же ничего не знал об обещании господина Грубера... Может быть, останетесь в Зальцбурге еще на сутки? — предложил Карл несмело. — Вы ведь здесь далеко не все осмотрели; фрау Маргарет тоже сокрушалась, что пришлось скомкать программу. А завтра у меня законный выходной, и я вас помчу в Инсбрук на своем «фиате», да так, что только ветер в ушах!

— Спасибо, Карл, — я растроганно похлопал его по плечу. — Нужно обязательно сегодня. У нас ведь и там программа. Одно цепляется за другое... Словом, никак!

Услышав голоса, из соседней комнаты явилась моя дочь. Мы завтракали вместе, но потом Инга отправилась на прогулку. «Провырнуться по владениям Мирабель», — как она «изящно» выразилась.

— Что случилось, Карл? — Она, дружески улыбаясь, подала ему руку. — Почему сегодня никто не разбудил меня ни в четыре, ни в пять, ни даже в шесть? Я позорно продрыхла все это прекрасное утро.

— Небольшое осложнение, флейлейн Инга.

— Осложнения? — Инга переводила взгляд с него на меня. — Такая изумительная погода — а у вас тут какие-то осложнения?

— Карл шутит. Просто мы с тобой поедem в Инсбрук не на машине, а поездом, как предполагалось раньше. Вот и все.

Инга огорчилась:

— А Цельль-ам-Зее? А снежные вершины, опрокинутые в воду озера?

— Мне самому страшно жаль, фрейлейн Инга. — Лицо Карла опять приобрело виноватое выражение. — Все как будто вывернулось наизнанку... Вот и фрау Маргарет тоже...

— Тоже вывернулась наизнанку?

Инга никогда не пропускала возможности подкусить. Она будто ждала, когда с чьих-то уст сорвется не совсем удачное слово.

Карл ухмыльнулся. То, что меня в Инге раздражало, злило, а иногда, правда редко, даже выводило из себя, ему, кажется, было вполне по душе.

— Тогда уж скорее ее вывернули... Вы знаете, она ведь готовится к каждому своему походу с гостями, как учитель к уроку. Обложится справочниками, словарями... А тут ей прямо с утра нежданно-негаданно подсунили каких-то двух датских бизнесменов. У второго городского гида сегодня отдых, а датчане возьми да и прилети на день раньше условленного. Оба толстенькие, оба коротконожки. Фрау Маргарет шипит, как недобродившее вино. Боюсь, господам датчанам сегодня не поздоровится.

— А вы?..

— Оставлен целиком и полностью в вашем распоряжении, фрейлейн Инга. Приказано быть с господином профессором до самого поезда.

— Значит, и кнедли...

— Само собой разумеется! Если... если вы только не передумали, — Карл косился на нее с опаской.

— Я передумала?! — ужаснулась Инга. — Да они мне сегодня всю ночь снились, эти кнедлики! Коричневые такие, блестящие, словно шоколадные, хрустят в зубах.

— Да ничего подобного! Они белые, мягкие, прямо тают во рту.

— Правда? Какое счастье! Терпеть не могу шоколад!..

Мы быстро собрали свои немногочисленные вещи, Карл снес их в машину. Не имело никакого смысла возвращаться перед поездом в гостиницу.

— Едем прямо к вам, Карл? — Инга по своему обыкновению устроилась на переднем сиденье. — Мне хочется посмотреть, как Лиззль их делает.

— Она еще в церкви.
— Разве сегодня праздник? — удивилась Инга.
— А как же!
— Какой?
— Три года с того дня, как нас соединила святая дева Мария. Мы познакомились у ее алтаря. Нужно же поблагодарить. Нам кнедлики, а ей хотя бы свечу.

— Конечно, конечно, — великодушно согласилась Инга. — А куда вы нас сейчас везете?

— На Гору капуцинов, с вашего разрешения. Есть еще время, и я хочу преподнести вам весь Зальцбург.

— На блюбочке?

По-немецки это прозвучало чересчур прямолинейно, и Карл озадаченно повернулся:

— Как вас понимать, фрейлейн Инга?

— Есть такое русское выражение: на блюбочке, на тарелочке. Оно означает: любезно преподнести все целиком, без остатка.

— Ну что ж, на блюбочке так на блюбочке — мне для вас ничего не жаль...

Они беспечно шутили, смеялись, а я все ломал голову над своим «кроссвордом». Почему поезд? Почему именно поезд?

В конце концов я пришел к выводу, что «кроссворд» неразрешим. Уж слишком мало у меня исходного материала. По крайней мере в настоящий момент.

Придется набраться терпения и ждать дальнейшего развития событий.

Серпантин привел нас на вершину лесистой горы. Карл поставил машину у края дороги и пригласил нас следовать за ним по едва обозначенной тропинке, которая петляла между соснами.

Лес становился все гуще. И вдруг он оборвался. Неожиданно, разом. Мы оказались на краю пропасти.

Зальцбург лежал у наших ног в новом, совершенно непривычном и, на первый взгляд, даже в невозможном ракурсе. Куда делась, например, его главная примета — крепость? Я уже привык всегда — и днем и ночью — видеть ее вознесенной над городом. А здесь...

А, вот же она, слева, на низеньком, как кажется отсюда, с не очень крутыми склонами холмике!

Инга угадала: Карл преподнес нам город на блюбочке. Точнее, в плоской широкой зеленой чаше, приподнятые

края которой образовали на горизонте мягкие линии невысоких голубоватых гор.

— Ну, это, конечно, крепость! — Инга в восторге разглядывала открывшуюся панораму. — А это собор... Чуть левее францисканская церковь. Верно, Карл?.. А там что, за горами?

— Германия, фрейлейн Инга. ФРГ.

— Так близко?

— Да, граница проходит всего в каких-нибудь десяти километрах от Зальцбурга.

Стоял чудный денек. В чистом небе плыли редкие, крутобокие, словно крепкие бычки, облака. Солнце сияло вовсю. Но жары, изнуряющей, обессиливает, как в Вене, не было. Ветер с гор беспрестанно гнал в низину освежающую прохладу.

— Нет, скажи, отец! — Инга не отрывала восторженного взгляда от живописной картины. — Какая же все-таки красота! И как великолепно скомпоновано! Кубики городских кварталов на фоне зеленого моря полей и отдаленная цепь холмов, словно завершающая обрамление всей картины.

— Это мое место. Его даже фрау Маргарет еще не знает. — Карл прямо-таки сиял от сознания, что доставил нам удовольствие. — Когда-нибудь, если она уж слишком расхвастается своими бездонными познаниями Зальцбурга и окрестностей, я заключу с ней беспронимательное пари. Боюсь только, водить сюда она все равно никого не станет.

— Почему?

— Да потому что ее клиентов придется отсюда оттащить бульдозером, а у нее все расписано по минутам. Чтобы оттащить нас, бульдозер не понадобился. Но только потому, что в нашем распоряжении оставалось не так уж много времени.

Лиззль хлопотала на маленькой кухоньке стандартной двухкомнатной квартирки, обставленной хоть небогато, но с любовью и выдумкой. Инга попросила для себя переноску и тоже активно включилась в дело.

Мы с Карлом сидели в ожидании кнедличков в большой комнате. Он, не зная, чем меня занять, то включал магнитофон со сверхсовременными записями, то, видя по выражению моего лица, что ультрамузыка мне не по нутру, тотчас же останавливал пленку и принимался

демонстрировать таблицы достижений спортсменов на мировых первенствах по автомобильным гонкам. Сейчас как раз предстоял очередной тур, и вся Австрия болела за своего знаменитого гонщика Никки Лауда. Портреты кумира красовались повсюду — в газетах, журналах, витринах магазинов, на кулонах, на майках и даже на соответствующих местах джинсовых брюк.

Наконец Карл вытащил из шкафа несколько старых фотоальбомов в твердых переплетах, покрытых вытертым плюшем и набитых семейными фотографиями — от старых церемонных картонных портретов в овале до моментальных интимных снимков на прогулках, на лыжах, во время купания.

Это подошло мне больше всего другого. Листая альбом, я познакомился с семьей Карла. Отец его был на станции составителем поездов, пока не погиб при неудачном маневре. Мать стала работать прачкой. У нее на руках осталось семеро...

— Всех вырастила, всех поставила на ноги, — рассказывал Карл. — Гюнтер и я были старшими, нам досталось больше, чем другим. Зато самые младшие у нас теперь самые образованные — один юрист, другой инженер-путеец. Бывает, и нос дерут — как же, с университетом! Пройдет время, может, и здороваться постесняются на людях. А разве я не смог бы? Не сочтите меня хвастуном, господин профессор, но ведь я умею не только баранку крутить. Как что случится у нас в гараже, так все ко мне. Не к механику, заметьте, не к начальнику гаража, а ко мне, к простому шоферу. Я машину знаю от первого до последнего винтика. А вот образования нет. А почему? Потому что было пятеро младших. Их пустили по основной магистрали. А мы с Гюнтером все ходили на маневровых путях.

— Гюнтер — тот самый...

— Да, что в управлении дорожной полиции. В конце концов выпал и ему шанс. Многие считают — повезло. Только не я! Бумажки в папку складывать — это по моему характеру самое последнее дело...

Вошли Лиззль и моя дочь. Каждая несла в высоко поднятых руках по дымящемуся блюду с пухлыми кнедликами.

— Милости просим к столу...

— Лиззль! — вдруг сказал Карл в разгаре лукуллова

пиршества. — Три года супружества — и первые у нас с тобой гости... Знаете, господин профессор, я уж теперь и сам не пойму, как решился, — разоткровенничался он. — У нас в Австрии не слишком-то принято гостей созывать. Считается, что дом — это вроде что-то тайное, сокровенное, только для семьи. Не полагается его открывать чужому глазу... Да и потом, кого в гости звать? Вот если только...

Он вдруг залился хохотом.

— Ты что? — Лиззль округлила глаза. — Господь с тобой, Карл! Веди себя прилично!

— Простите, господин профессор, я вдруг представил себе, как мой шеф удивился бы, если бы мне ни с того ни с сего вздумалось пригласить его на кнедлики. Он ведь меня все на дистанции держит. Как хороший боксер на ринге — расстояние вытянутой руки. И не дай бог забыться! Знаете, бывают такие минуты — перестаешь помнить, кто рядом с тобой. Так вот, чуть забудешься — и тотчас же рачий его холодный взгляд: «На место, Джеки!» Что ж, лизнешь руку — и снова, поджав хвост, в угол, на свою подстилочку... А ведь отец его тоже был простой железнодорожник, в одном профсоюзе с моим...

Время зашло за двенадцать. Мы стали прощаться с гостеприимной хозяйкой.

— Жаль, больше не увидимся, — Инга обняла Лиззль. — Ой-ей-ей, я ведь еще не записала рецепт!

Она схватила за карандаш.

— Кто это сказал, что не увидимся? — Карл улыбался. — Еще и к вам в Вену нагрянем. Ведь не зря мы с господином профессором обменялись адресами.

— В Вену? — непонимающе уставилась на него жена. — Как в Вену? Когда?

— Лиззль, Лиззль! Во вторник ведь у нас начинается отпуск, — напомнил Карл. — Мы же с тобой так и собирались — именно в Вену!.. Прямо сознаться стыдно, — обратился он к нам, — живем в нескольких сотнях километров от столицы, муж — шофер номер один, а она еще ни разу там не была.

Инга обрадовалась:

— Великолепно! Я покажу вам Вену. Музеи, дворцы... Мне удалось вставить:

— И главным образом церкви.

— Да, и церкви тоже. Среди венских храмов есть мировые шедевры. Разве не интересно?

— А среди ресторанов? — подмигнув мне, невинно осведомился Карл. — Среди них тоже попадаются мировые шедевры?..

На вокзал мы приехали в самое время. Экспресс «Моцарт» прибыл по расписанию и уже стоял на первом пути. Бросив наскоро вещи в пустом купе, мы вышли на перрон. Карл сбегал куда-то и тут же вернулся с ворохом газет и журналов. «Профиль», «Тренд», «Фолькс-штимме» с броским аншлагом — «Новый сенсационный репортаж Герберта Пристера: сахароторговцы укрывают вагоны в тупиках, чтобы создать искусственную нехватку сахара и взвинтить цены».

— Чтение на дороге — хоть скучать не будете... Поедете по Германии, а там поля, поля, поля — ровно ничего интересного.

Меня словно кольнуло:

— По Германии?

— Разве вы не знаете? Поезд в Инсбрук проходит через Федеративную Республику. Граница отсюда километрах в пятнадцати.

— А как же паспорта? У нас ведь нету виз.

— И не надо. Коридор. Транзитный коридор без всяких виз. Да там всего только две-три остановки. — Видно, он прочитал на моем лице беспокойство и стал успокаивать: — Каких-нибудь два часа езды.

Инга радовалась:

— Великолечно! На моем счету будет еще и ФРГ!

До отправления поезда оставались считанные минуты. Я уже ничего не мог изменить, хотя теперь не сомневался, что вся история с отменой поездки на автомашине была затеяна именно из-за этого коридора.

Забрать вещи, пока еще можно, и остаться? Но как, в таком случае, мы попадем в Инсбрук? Завтра с утра нас там будут искать Вальтер с Эллен.

Воспользоваться предложением Карла и укатить на его «фиате»?

Но, во-первых, мы все равно опоздаем... А во-вторых... Чего я могу таким образом избежать? Какой такой опасности? И кто знает, не опаснее ли оставаться в Зальцбурге, чем ехать? Ведь мне по-прежнему ничего не известно. Одни беспочвенные догадки, предположения.

Нет, надо ехать! Поезд австрийский, в момент проезда

коридора считается территорией Австрии. Мне ровным счетом ничего не грозит. А если со мной ищут встречи, то такая возможность еще обязательно представится, и мне от нее все равно не уйти.

Да, ехать...

В последнюю минуту, расталкивая провожающих, которые уже потянулись к выходу, на перрон неукротимой ракетой ворвалась фрау Маргарет.

— Фу! Я уже думала, не успею! — Она энергично тряхнула мою руку, приподняла Ингу, бросившуюся ей на шею. — Эти датчане ползут как гусеницы. Вижу — горит мой график. И знаете, что я сделала? Привезла их сюда, посмотреть наш замечательный вокзал. — Она громко захохотала, очень довольная своей выдумкой. — Дала им целых десять минут на самостоятельный осмотр газетных киосков. Бродят сейчас в недоумении по залам или отдыхают, вытянув ноги, на скамьях... Да, не было еще такого случая, чтобы я своих гостей не проводила — они прямо с ума посходили сегодня там, в магистрате! Елизавета Английская, помню, пригласила меня осмотреть свой личный самолет — такая любезность с ее стороны! Там очень даже мило.

— Мы вас тоже приглашаем осмотреть наше купе. — Инга незаметно толкнула меня локтем. — Да, отец?

— Ну разумеется... Вот только как бы нам не увезти фрау Маргарет напрямик в ФРГ.

И словно в подтверждение высказанного мною опасения, прозвучал свисток. Экспресс медленно, как бы нехотя, отшвартовался от перрона.

Мы прощались уже на ходу.

Захлопнулись створки пневматических дверей. Инга побежала в купе и долго махала в окно. Потом повернулась ко мне.

— Какие прекрасные люди! — Она подозрительно закашлялась, словно у нее запершило в горле. — Прямо не хочется расставаться!

Ого! А ведь Инга никогда не страдала избытком чувствительности.

— Мог бы быть полюбезнее с ними, отец, — упрекнула она. — Ты прямо одеревенел на прощанье.

Я промолчал.

— Что с тобой?

— Абсолютно ничего, дочка. — Не хватало еще посвя-

шать ее в свои заботы! — Просто мысленно я уже в Инсбруке. Как там нас встретят, где поместят?

— С чего вдруг тебя это забеспокоило?

Она осуждающе хмыкнула и отвернулась.

Нет, мои мысли были не в Инсбруке — гораздо ближе. Я думал о предстоящих двух часах, в течение которых наш экспресс должен проходить по территории ФРГ.

Я не знал еще, с чем встречусь и что буду делать.

Но я твердо знал, чего не следует делать: ни в коем случае нельзя покидать вагона!..

Переезд из Австрии в ФРГ произошел незаметно. То ли я, погруженный в думы, проморгал границу, то ли она здесь не была четко обозначена. Во всяком случае, я не заметил ни проволочных рядов, ни шлагбаумов, ни каких-либо других пограничных сооружений.

Горы незаметно отступили в сторону. За окном потянулись сытые, ухоженные поля. Не пестрые заплатки, характерные для мелких крестьянских хозяйств. Пшеница так пшеница, кукуруза так кукуруза — целый неохватный массив.

Здесь, в Баварии, вблизи Мюнхена, землей владели либо гроссбауэры — по-нашему, кулаки, — либо поставленные на промышленную основу большие сельскохозяйственные фирмы.

Странное дело: экспресс наш шел быстро, а время словно остановилось. Я то и дело посматривал на часы. Стрелки двигались еле-еле. Даже юркая секундная и та, казалось, потеряла свою завидную бойкость.

Приближались строения. Колеса вагона, зажатые между тормозными колодками, недовольно загудели.

При подъезде к станции неожиданно заговорил деревянный, без всяких интонаций голос поездного радио:

— Сходить на территории Федеративной Республики разрешается лицам, имеющим ее гражданство или соответствующие визы в проездных документах... Повторяю: сходить на территории Федеративной Республики...

Станция маленькая, стояли мы здесь всего две-три минуты. Никто сходить не стал. Вдоль вагонов по перрону, обмахиваясь сложенной газетой, степенно прошагал западногерманский полицейский.

И опять весело застучали освобожденные от тормозов колеса. Опять сытая пшеница сменяла кукурузу, кукуруза пшеницу. На крохотных полустанках все ухоже-

но, все прибрано, никакого отклонение от строгого геометрического порядка нигде не колет глаз.

Следующая остановка — последняя на территории Западной Германии. Судя по расписанию, вывешенному в коридоре, экспресс стоит здесь десять минут.

Серое здание вокзала, увитое плющом, медленно подплыло, остановилось прямо против нашего окна. Перрон был огорожен изящной, тонко плетеной проволочной сеткой с несколькими проходами; вероятно, для того, чтобы легче направлять в нужном направлении потоки пассажиров.

Здесь было полуднее: железнодорожники, группы молодых людей с рюкзаками и зачехленными гитарами, несколько крестьянок в национальных костюмах с плетеными корзинами. Из соседнего вагона, придерживаясь за поручень, осторожно спускался, ощупывая предварительно ногой каждую ступеньку, какой-то чистенький беленький старичок в коротких штанишках на помочах. Его встречали с цветами.

Мирная картина! Ни одного полицейского, даже ни одного таможенника!

Но что-то мешало мне воспринимать вокзальную идиллию за окном, что-то настораживало, зажигало огонек тревоги. Я хмурил лоб, пытаюсь понять, напряженно вглядывался сквозь стекло.

Не чудится ли мне? Вот есть, есть какая-то нарочитая заданность в расстановке людей на перроне!

Нет, не всех. Паренек, который, дурачась, растянулся на расставленных в один ряд рюкзаках, — это естественно! Смеющиеся крестьянки перебрасываются шутками с кем-то, стоящим на тамбурной площадке и невидимым мне отсюда, из купе, — тоже в порядке вещей...

А вот этот рослый мужчина в охотничьей шляпе с пером? Почему он так ни разу и не повернулся лицом к поезду? Стоит спиной и глаза в сторону вокзала. Что он там увидел? Что там могло его заинтересовать? Высокие узкие окна? Голуби на краю крыши?

Или те двое, в проходе, Пат и Паташон: один — маленький, крепко сбитый, кривоногий, другой — длинный, тощий, с пышными усами. До чего ж они увлечены разговором! Ни разу за все время ни один из них не посмотрел в сторону поезда. А ведь все-таки экспресс. Что за народ едет? Разве не интересно?

Ну хотя бы раз посмотрели. Один-единственный раз!

Нет, говорят, говорят, не меняя позы, профилем к вагонам, словно спешат наговориться на всю жизнь.

Или до отхода экспресса?..

Что-то было в этом очень похожее на массовки в плохих провинциальных театрах, когда режиссер, организовывая толпу на сцене, распределяет статистов: одному стоять у самой рампы и смотреть вверх на воображаемую луну, другому прислониться к колонне, третьему, стоя спиной к зрительному залу, с интересом изучать рекламную афишу на бутафорской тумбе... Пока следишь за главными действующими лицами, все это не слишком заметно. Но стоит немного отвлечься, как искусственность созданной на сцене ситуации начинает тотчас же сама лезть в глаза.

Прошло уже и положенных десять минут остановки, и еще пять сверх этого, а экспресс все стоял и стоял. Людей на перроне стало больше: пассажиры повыходили из вагонов и толпились возле дверей.

А статисты всё играли свои маленькие роли. Интересно, кто же режиссер? И здесь ли он?

Инга, которая до сих пор тоже смотрела в окно, вдруг поднялась со своего места.

— Куда? — Я старался говорить по возможности спокойно.

— Пойду потопчу своими изящными туфельками вековую германскую землю.

— Не надо.

— Почему?

— Ты же слышала, что объявляли по радио.

— Объявляли на той станции, а не на этой.

— Все равно. Здесь тоже ФРГ.

— Да ты посмотри в окно! Весь личный состав нашего поезда прохладается на перроне.

— Пусть. А ты не ходи.

— Ну и ну! — Инга осуждающе покачала головой. — Не отец, а тиран и деспот!..

Она двинулась к выходу. Я опередил ее, захлопнул стеклянную дверь.

— Пусти!

— Нет, дочка. Нельзя.

— Но мне жарко, понятно? Нечем дышать.

— Потерпи. Это не смертельно.

В вагоне работал кондиционер, воздух был свежим и чистым.

— Я перестая тебя понимать, отец! — Инга начинала злиться всерьез. — Ни с того ни с сего ты вдруг прибегаешь к настоящему акту насилия. Не хочешь — сиди тут, я тебя не тащу за собой. Но почему ты не даешь мне поступать так, как я считаю нужным? Ведь мне не три и даже не восемнадцать?

Вопрос вполне уместный и поставлен разумно. К сожалению, я не имел возможности так же разумно ответить на него.

— Потому что нельзя. Запрещено правилами. И нечего их нарушать.

— Это не объяснение. Твои правила — чистейшая формальность. Видишь — проволока? Вот за нее выходить действительно запрещено. Туда я и не пойду. Пусти!

Она сделала попытку оттолкнуть меня.

— Инга, перестань! — Не без усилия я снял ее руку с дверной рукоятки.

— Ах так!

Она кинулась на мягкое сиденье, порывалась в своей сумочке. Вытащила пачку сигарет и, нервно чиркнув спичкой, закурила.

Закурила впервые у меня на глазах. Да и вообще курила ли она раньше? Потому что после первой же затяжки поперхнулась дымом и сильно закашлялась.

Я отнял у нее пачку с сигаретами, спички.

— Наш вагон для некурящих. Видишь, перечеркнутая крест-накрест сигарета?

— Отдай! Слышишь, отдай!

— Потом.

— Может, ты еще ударишь меня? Как тогда?

Был в моей отцовской биографии такой прискорбный момент.

Шестилетняя Инга впервые в жизни самостоятельно отправилась за покупкой в гастрономический магазин — он помещался рядом, в соседнем доме. Я вручил ей стеклянную банку под сметану, сетку, деньги. Улыбающаяся, румяная, счастливая, она отправилась через двор, помахав мне рукой, — я наблюдал за ней в окно.

Проходит полчаса, час — Инги нет. Я начинаю беспокоиться, но доказываю себе, что ничего особенного, что

время дня сейчас такое, что стоит очередь. Еще через полчаса нервы мои сдадут, я отправляюсь в магазин.

В молочном отделе пусто, Инги нигде нет. Ищу ее по всему магазину, по двору, забегаю к подружкам.

Нет!

Может быть, вернулась домой, пока я искал?

Кидаюсь в свой подъезд, взлетаю на одном дыхании на третий этаж.

Нет!

Еще через час мое волнение приближается уже к десяти баллам. Ребенок исчез! Какие тут еще раздумья! Нужно немедленно бежать в милицию!

И во дворе натываюсь на Ингу — такую же счастливую, румяную, улыбающуюся. Та же сетка, те же деньги, та же пустая банка под сметану.

«Уф! Все магазины вокруг обегала. Нигде сметаны нет. Говорят, будет только к вечеру».

Вот тогда это и случилось...

А экспресс все еще стоит. И статисты, бедные, совсем изныли под тяжестью своих затянувшихся ролей.

Наконец прозвучало:

— Внимание! Экспресс «Моцарт» отправляется...

Пассажиры, которые успели разбегаться по всему перрону, бросились к вагонам, а я к окну. И когда поезд тронулся, я был наконец вознагражден: трое статистов, как по команде, повернулись и уставились нам вслед.

И все-таки режиссера я так и не увидел. Режиссеры, как правило, на сцену не выходят. Разве что только на премьере после занавеса, на поклон.

А может быть, этот режиссер был очень-очень далеко отсюда?..

Инга объявила мне полный бойкот.

— Инга... Послушай, дочка...

Ни слова в ответ. Ни даже движения, которое показало бы, что мои слова услышаны.

Но мне нужно было поговорить с ней. Если и сказать, хотя бы немного, лишь самое главное, то только сейчас, в поезде, под стук колес, когда шансов быть подслушанным неизмеримо меньше, чем в гостинице или на городских улицах.

Хотя полностью подслушивание не исключено и здесь. Купе слева пусто, там никого — я уже проверял. А вот

справа едет молодая пара с трехлетним ангелочком с розовым бантом на белокурой головке. Правда, сели они еще до Зальцбурга. Но кто знает?..

Сейчас они прогуливали своего ангелочка по коридору. Мама с одного конца, папа с другого, и дочка с довольным визгом носится взад и вперед.

— Инга, у меня есть основания полагать, что на станции была расставлена ловушка.

В глазах еще ледяное презрение. Но, сдается мне, я уловил едва заметный огонек интереса.

— Ситуация может повториться, и я хочу, чтобы между нами на этот случай была полная ясность.

Ага! Огонек разгорается, лед начинает таять.

— Что за бред!

Все! Статуя заговорила. Это самое главное. Что она произносит, не имеет ни малейшего значения.

— От тебя требуются две вещи. Чтобы ты не реагировала на мои некоторые, как тебе покажется, странности. И чтобы, на всякий случай, держала в тайне, что знаешь латышский.

— А это еще почему?

— Не догадываешься?

— Слушай, отец, а не кажется ли тебе, что...

Я не дал ей договорить:

— Нет, не кажется. А если кажется, то тем лучше...
Прошу тебя, Инга! Мне нужны прочные тылы. Тогда будет намного легче справиться.

Долгое молчание.

Счастливая семья вернулась из коридора в свое купе. Теперь возня, сопровождаемая смехом и визгом, продолжалась за тонкой перегородкой.

Инга снова принялась за свою сумочку. Отыскала шариковую авторучку, блокнот. Написала что-то быстро, выдрала лист, положила, не глядя на меня, на столик.

Я прочитал:

«Есть еще и такой способ общения».

Я кивнул.

Умница! Правда, она ничего еще не знает про телекамеру в венской квартире, но все равно — умница! Хотя бы потому, что сразу поверила мне.

Теперь лишь бы только не пересолила. А то начнет озираться на каждом шагу.

Не пересолить — это теперь самое главное.

Хотя и особенно таиться тоже нечего. Мне больше нельзя играть роль страуса, воткнувшего голову в песок...

— Давай поедим, отец. Что-то я проголодалась.

— Уже?.. А по-моему, тебе просто хочется взглянуть, что Лиззль нам дала на дорогу.

Инга беспечно рассмеялась:

— И это тоже! Но я и есть хочу, честное слово! Её кнедлики будто из воздуха сделаны...

Экспресс уже мчал по Австрии. Снова с юга стали надвигаться горные цепи. Не мягкими, то поднимающимися, то вновь ниспадающими округлыми линиями, как возле Зальцбурга, а сразу, крутой стеной, с резко очерченными пугающими нагромождениями зубчатых скал, закрывших добрых полнеба. А потом и с северной стороны возле окон тоже замелькали поросшие кустарником и мхом подножия отвесных серых выступов.

Эти две горные стены — северная и южная — сходились все ближе и ближе, словно пытаюсь поймать наш экспресс, а он, ускользая, вился между ними. Нас качало и бросало из стороны в сторону, как на море в славный шторм.

Неожиданно стены раздвинулись, показывая обнаженное сердце Альп. Бело-розовые зубчатые пики величаво плыли над пенистой рябью облаков.

Дав нам кратковременную передышку, горные стены быстро пошли на сближение, снова пытаюсь зажать юркую змейку экспресса. Теперь горы наступали уже с трех сторон: навстречу поезду тоже приближалась скалистая гряда, закупоривая выход из узкой долины.

Но именно там, впереди, на фоне быстро растущего голубовато-дымчатого хребта, возникали легкие еще, точно намеченные пунктиром, очертания колоколен, башен, современных многоэтажных строений.

С каждой минутой они проявлялись все отчетливее.
Город.

Инсбрук...

НИКТО

нас не встретил. Это было в порядке вещей. В Вене, в отделе печати, так и договорились: в Инсбруке мы самостоятельно доберемся до гостиницы, поскольку неизвест-

но, каким поездом туда приедем. Тем более, что отель «Континенталь», где предстояло остановиться, расположен близко от вокзала. А уж там, в отеле, нас разыщут представители городских властей.

«Континенталь» оказался не просто «близко от вокзала», а прямо напротив. Мы перешли неширокую, загроможденную автомашинами площадь и через бесшумную вращающуюся дверь вошли в просторный холл.

За полукруглой стойкой хозяйничала совсем молоденькая в униформированной, под венгерку, курточке, широколицая девушка с приятной застенчивой улыбкой.

— К вашим услугам, мой господин!

— Я Ванаг. На мое имя городским муниципалитетом должен быть сделан заказ.

— Совершенно точно. — Она посмотрела книгу с записями. — Профессор Арвид Ванаг. Комната двести два. Великолепный двухспальный номер на втором этаже. Господин профессор останется доволен... Вот, заполните, пожалуйста! — На стойку легли два гостевых листка. — Вы и... — Она чуть замешкалась. — И ваша супруга.

Инга рассмеялась.

— Ах, извините! — Девушка сразу все поняла и мгновенно нашлась: — Господин профессор так молодо выглядит...

— Да, это моя дочь... И в связи с этим у меня просьба. Нам нужен не один, а два номера. Два одноместных номера... Это не слишком сложно?

— Что вы, что вы! У нас сегодня как раз много свободных мест. Момент! Я все устрою.

И она исчезла за стеклянной дверью позади стойки, на матовой поверхности которой было выведено готическими буквами: «Распорядитель».

Мы сели за низкий столик заполнять листки. Прошла минута, другая. Девушка не появлялась. У стойки стали скапливаться постояльцы.

— Фрейлейн Оливия! — Кто-то из них нетерпеливо постучал по стойке ключом от комнаты.

— Иду, иду, извините!

Она выпорхнула из-за двери и моментально всех отпустила: у одних приняла ключи, другим выдала.

Потом обратилась ко мне:

— Очень сожалею, господин профессор, но сделать ничего уже не удастся.

— Почему?

— Магистрат уплатил именно за этот номер.

— Два одноместных стоят дороже?

— Вот именно. На двести шиллингов в сутки.

— Хорошо. Я приму разницу на себя. Так можно?

— Думаю, да, — ответила Оливия неуверенно. — Сей-час.

И опять она отправилась за стеклянную дверь.

— Ладно, отец! — Инга тронула меня за рукав. — Перебьемся! Я сниму с постели матрац и устроюсь на полу. Ну стоит ли ни с того ни с сего выбрасывать на ветер, пусть даже горный, две пары новеньких туфель?

Но я не был настроен на шутливую волну:

— Неужели ты ни о чем другом, кроме туфель, думать не можешь?

— Почему же? Джинсы, например, тоже не выходят у меня из головы.

Переговоры у распорядителя кончились явной неудачей. Это я прочитал на славном личике Оливии, когда она возвратилась к своему рабочему месту.

— Мне очень жаль, господин профессор... — Она развела руками.

— Распорядитель возражает?

— Он говорит, что...

— Позовите-ка лучше его самого. Зачем вам взваливать на себя тяжкую роль посредника?

Оливия вроде бы даже обрадовалась:

— Как прикажете, господин профессор!

И вот передо мной предстал лысеющий мужчина средних лет с заметным «пивным» брюшком. Несмотря на жару, он был облачен в черную пару с бабочкой. Ощущалась в нем гостиничная выучка высокого класса.

— К вашим услугам, господин профессор.

Его баритон был напитан глубоким чувством собственного достоинства и самоуважения.

Я объяснил ему, почему нас с Ингой не устраивает двухместный номер, пусть даже самый шикарный.

— К великому моему сожалению, в отеле в настоящий момент не имеется в наличии свободных одноместных номеров, — провозгласил он.

— Это странно.

— Ничего странного, господин профессор. Самый разгар туристского сезона.

— Но ваша портье сказала нам нечто совершенно противоположное.

Он метнул в нее молниеносный испепеляющий взгляд. Бедная Оливия даже съежилась.

— Портье — простой исполнитель, она понятия не имеет о заказах. Ими в отеле ведаю только я. Свободные номера действительно есть, но все они бронированы. Подходят поезда, и наши гости тоже. Как я им скажу, что их телеграфный заказ отменен?.. Может быть, завтра, господин профессор.

Распорядитель лгал, я видел это совершенно отчетливо по легкой издевочке в его водянистых, с густой сетью красных прожилок глазах. Почему-то он изо всех сил старался всучить мне этот двести второй номер. Почему-то ему было нужно, чтобы мы вселились именно туда. Иначе с чего бы он стал так упрямиться? Наоборот, вышколенный персонал австрийских гостиниц всегда идет навстречу посетителям, даже стремится предугадать их желания.

— Что ж, — сказал я, — тогда мы попытаем счастья в других отелях... Фрейлейн Оливия, не окажете ли любезность вызвать такси?

Издевочка в глазах распорядителя исчезла, в них шевельнулось беспокойство.

— Вряд ли вы сейчас что-нибудь найдете в Инсбруке, господин профессор. Я же сказал: разгар летнего сезона. Туристы идут косяками.

— На худой конец, заедем в магистрат. Дежурный, наверное, что-нибудь придумает. У них там, мне говорили в Вене, есть места для приезжих.

Упоминание о магистрате, как я и рассчитывал, подействовало. Ведь, в конце концов, если я пожалуюсь, распорядителю придется держать ответ перед городскими властями. Профессор, публицист, гость отдела печати...

— Одну минуту, господин профессор, я перезвоню по этажам. Может быть, может быть...

Он важно удалился к себе.

— Ваши листки прибытия, пожалуйста, — попросила Оливия. — Я их зарегистрирую.

— Но ведь еще неизвестно...

— Теперь он найдет! — Миловидная портье бросила на меня одобренный взгляд. — Найдет!

И он действительно нашел. Вернулся из своей каморки какой-то мягкий, добрый, сияющий весь.

— Представьте себе, господин профессор, номер триста семь и триста четыре! Два великолепных номера, один напротив другого. И никакой доплаты — цены совпадают идеально... Только не на втором этаже, к сожалению, а на третьем, — добавил он с искусственной озабоченностью, словно это могло иметь хоть какое-нибудь значение. — Они тоже заказаны, но, к счастью, лишь на понедельник... Бой! — позвал он.

От лифта рванул к нам бой — патлатый, униформированный так же, как Оливия, дылда. «Бой» — по-английски значит «мальчик». Этому «мальчугану» было за тридцать.

— Вещи господина профессора! — скомандовал распорядитель, и бой моментально подхватил оба наших места. — Триста седьмой номер для самого господина профессора, триста четвертый — для фрейлейн... Триста седьмой — для профессора, — почему-то счел нужным повторить он.

— Слушаюсь!

Мы поднялись на лифте и пошли вслед за боем по длинному коридору с многочисленными поворотами — здание было выстроено уступами.

— Прошу! — Он отпер дверь триста седьмого номера и посторонился, приглашая меня войти.

— Иди ты, Инга!

Но бой не дал ей пройти. Не грубо, не став на пути а будто случайно неловко развернув чемодан.

— Простите, фрейлейн, этот номер предназначен для господина профессора.

Инга захлопала глазами:

— А какая разница?..

— Он... удобнее, больше, прекрасный вид на Южную цепь.

— Замечательно! — Я изобразил на лице восхищение. — Вот пусть моя дочь им и любуется. Молодым девушкам полезен прекрасный вид. Словом, Инга, этот номер твой, я дарю его тебе вместе с Южной цепью.

Но бой не отступал:

— Господин распорядитель сказал...

— Господину распорядителю совершенно безразлично, кто из нас в каком номере будет жить.

Именно в этом я не был уверен!

Что еще оставалось делать нашему великовозрастному бою? Он исчерпал до конца свои возможности и молча убрал с пути чемодан, прекратив все попытки навязать мне волю распорядителя.

Большое, почти во всю стену, окно моей комнаты выходило на привокзальную площадь. Я отдернул тяжелую штору, распахнул настежь широкие створки.

— К тебе можно?

Вошла Инга.

— О, какой у тебя простор! Почему же он сказал, что тот больше?.. И гобелен! Неужели что-то старинное? — Она ощупала ткань. — Да нет, туфта, одна видимость!.. О, да здесь тоже телефон! Прекрасно, ты сможешь руководить мною, не покидая комнаты... Ну, чем займемся в незнакомом городе, отец?

— Должен подойти представитель магистрата.

— Не ждать же его до ночи. Пробежим хотя бы по улице. Новый город, новые свежие впечатления.

— А представитель?

— Скажи портье, что через час вернемся.

Так и сделали. Перед уходом я снова задернул плотную штору — ровно до середины распахнутого окна. В комнате стало полутемно.

— Да ты закрой совсем, — посоветовала Инга. — Пыль налетит, гарь. Видишь, сколько машин.

— Ничего, пусть пыль, зато воздух посвежее.

В комнате действительно пахло затхлым. Ветры непрерывно срывали сырость со снежных вершин и несли в город. Белье, ковры, портьеры, тот же туфтовый гобелен нуждались в тщательном проветривании.

Я вернул ключи от наших комнат Оливии, одарившей меня милой улыбкой, предупредил насчет человека из магистрата.

— Не беспокойтесь, все будет сделано как нужно, господин профессор. Приятной вам прогулки! У нас в городе есть на что посмотреть.

Стеклянная дверь за ее спиной была чуть приоткрыта. Мне казалось, я вижу в щели водянистый, с красными прожилками глаз...

На углу я остановился.

— Знаешь что, дочка, иди дальше сама. Меня все-таки беспокоит представитель. Позвонит, узнает, что мы

приехали. Прибежит, ждать будет, волноваться. Нехорошо!.. Словом, я возвращаюсь.

— Как хочешь. — Инга внимательно посмотрела на меня: — Какой-то ты стал беспокойный, отец!

— Вот именно. Поэтому и ты не слишком-то задержи-вайся.

— Я только до того памятника и обратно.

Вдали виднелась своеобразной формы многофигурная колонна, так называемый «чумной» памятник, обязательный чуть ли не для каждого западноевропейского города. Говорят, их ставили на месте массовых захоронений погибших во время страшных средневековых эпидемий чумы.

Вероятно, Инга очень удивилась бы, если бы посмотрела мне вслед. Потому что я пошел не в гостиницу, а в здание вокзала. Поднялся на второй этаж, прошел по длинному коридору какого-то служебного помещения. Коридор заканчивался балконом с гнутой кружевной железной оградой. Его запертая дверь выходила на отель. Окно моего номера располагалось прямо напротив.

Я стал ждать.

Это длилось недолго.

Довольно скоро штора в окне шевельнулась и отъехала. Кто-то отдернул ее в сторону, к стене.

Расчет мой оправдался.

Полумрак не устраивал вошедшего. Нужно было либо зажигать свет, либо отдернуть штору.

Он предпочел последнее.

Я быстро, почти бегом, пересек площадь. Мимо портье проходить не стал: у вращающейся двери я запри-метил выход в замкнутый гостиничный двор. Отыскал там черную лестницу и взбежал по ней на третий этаж.

Плотные ковровые дорожки глушили шаги. Я прошел по пустынным поворотам коридора к своему номеру и прислушался.

Сначала я ничего не услышал: мешали проезжавшие по улице машины. А потом различил какое-то негромкое металлическое позвякивание.

Я осторожно постучал в дверь. Звяканье тотчас же прекратилось.

Переждал несколько секунд и надавил рукоятку. Дверь не подалась.

Я нагнулся и шепнул в замочную скважину:

— Скорее! Он идет!

Ни звука. Неужели я ошибся? А звяканье?

И вдруг дверь распахнулась.

Бой!

В руках у него была тряпка, швабра на длинной рукоятки — видимо, ею он и припирал дверь; вот почему я не услышал, как поворачивался ключ в замке.

— Что вы здесь делаете?

— Ах, господин профессор? — Он удивительно быстро пришел в себя. — Я думал, вас долго не будет.

— И это дает вам основание вламываться в мой номер? — Я оттиснул его в комнату и закрыл дверь. — Ну, может быть, соизволите объяснить?

— Распорядитель послал меня произвести уборку, — как бы в подтверждение своих слов он слегка пристукнул шваброй о пол. — Суббота, знаете, горничные выходные...

— Тут все было убрано.

— Пыль... — Он провел пальцем по цветочной вазе.

Возле телефонного аппарата на столике лежала отвертка. Когда мы с Ингой уходили, ее здесь не было.

— И это тоже для пыли?

— Что вы!

— Ваш инструмент?

— Впервые вижу. Наверное, монтеры забыли. В номере, кажется, барахлил телефон.

Все было предельно ясно.

— Можете идти. Ключ оставьте.

Он пошел к двери, поклонился:

— Желаю здоровья, господин профессор!

В его голосе звучала признательность. Я мог бы поднять шум, и у него были бы неприятности.

Впрочем, распорядитель наверняка подтвердил бы: да, он послал боя прибрать в комнате.

И все-таки я поступил правильно. Уж слишком нагло они лезли в глаза. Было бы подозрительно, если бы я делал вид, что ничего не замечаю.

А дальше?.. Дальше? Завтра же в Вену — и в наше посольство. Больше ждать нельзя. Дело заходит слишком далеко.

И все-таки непонятно... Я в задумчивости вертел в руках отвертку.

Раздался телефонный звонок. Я невольно вздрогнул.

— Да?

— Это портье, — слышался мелодичный голосок Оливии. — Извините, господин профессор, бой сказал, вы уже изволили вернуться в номер. Вас тут спрашивают.

— Кто?

— Господин Иозеф Тракл, ваш старый знакомый.

Тракл? Мой старый знакомый?.. Эту фамилию я слышал впервые в жизни.

— Хорошо. Сейчас спущусь.

Внизу, рядом с холлом, находилась просторная гостиная с уютно выгороженными уголками, специально предназначенная для встреч постояльцев отеля с их гостями: далеко не каждому улыбалась перспектива тащить посетителей к себе в номер.

Навстречу мне поднялся рослый черноволосый человек. Крупные черты лица, нос с горбинкой, выступающий длинный подбородок, плотно сжатый тонкогубый рот. Нет, он мне совершенно незнаком!

Но вот он улыбнулся. От глаз, смягчая жесткость черт, побежали добродушные лучики — и сразу же возникло ощущение, что видел я его где-то, видел!

Но где? Когда?

И его или только похожего?

— Очень рад вас приветствовать! — Он с силой физически крепкого человека тряхнул мою руку. — А вы очень мало изменились. Ну поплотнели, само собой. Ну седина на висках. А так... Я вас сразу узнал.

— Вы знали меня прежде?

Он все еще держал мою руку в своей. Я ощущал жесткую, как наждак, ладонь.

— Выходит, я изменился больше вашего... Что ж, придется представиться. Иозеф Тракл, — он склонил голову. — Владелец авторемонтной мастерской на Дефрегерштрассе «Иозеф Тракл и сын». Правда, сыну еще только тринадцать, но в автомобильных моторах он разбирается куда лучше, чем в своих задачках по алгебре... Помните, однажды вам подбросили на целый день голенастого взъерошенного юнца? Вы еще кормили его русской едой. Что-то вроде пирожного, но только с мясной начинкой вместо сладкого крема.

— Пирожки?! — поразился я. — Ваш сын ел у меня пирожки?

— Почему сын?! Я! Я сам ел у вас эти... как они называются... с мясом! Ел, вставал, кланялся, щелкал

ботинками и опять ел. Дома меня учили, что воспитанные мальчики благодарят, обязательно вставая и прищелкивая каблукми. И было мне тогда, сколько сыну сейчас, — ровно тринадцать.

Теперь я вспомнил. Макси, моя единственная подчиненная в отделе писем нашей редакции в Вене, привела однажды с собой своего брата — длинноногого жеребеночка с напуганными черными с поволокой глазами. Привела, а сама убежала по делам до позднего вечера. У Макси всегда было дел сверх головы — и редакционных, и партийных, и всякого рода других общественных, и личных. Маленькая, юркая, стремительная, она представляла собой настоящий сгусток энергии. В редакции шутили, что прилагательное «энергичный» имеет не три, а целых четыре ступени сравнения: энергичный, более энергичный, наинергичнейший и... Макси.

— Постойте, постойте...

— Вспомнили! Ну, наконец-то! — Он на радостях опять стал трясти мою руку. — Максимилиана, конечно же! Моя дорогая сестричка Максимилиана! Я тогда впервые в жизни спустился с гор, впервые в жизни попал в Вену и впервые в жизни увидел советского человека.

— Но ведь ваша фамилия, кажется, Тракл. А Макси...

— Все верно! Она Зонненвенд — по матери... Нет, как все-таки здорово! — Он прихлопнул себя по колену. — А я еще, когда прибежал нарочный из магистрата, решил отказаться. Ничего себе, думаю! Господин бургомистр и все прочие штатные городские начальники будут бултыхаться в бассейнах у себя по виллам, а я за них разных гостей развлекай! А потом сказали кто — так у меня глаза на лоб! Неужели он, неужели, думаю, он!.. Ах да! — спохватился Тракл и взял сверток, лежавший перед ним на столе. — Это вам от господина бургомистра. О нашем городе книга, с цветными фотографиями. Ничего себе вещичка, я тут полистал. Неплохая память. А это вашей барышне от него личный подарок — флакон духов. Видите, какой он любезный, наш бургомистр! А барышня сюда спустится? Может, мне полагается ей самой вручить — я ведь в этих встречальных церемониях не очень-то силен.

— Она скоро должна подойти. Гуляет где-то тут рядом с гостиницей.

Мы посидели, поговорили о прошлом. Я спросил, где сейчас Максимилиана.

— В ГДР она переехала, здесь не ужилась. Вы же ее знаете. До всех ей дело, за всех вступается, за всех лезет в драку. Ну, а у нас это не любят. Одна у нее неприятность, другая, третья. С работой осложнения. Вот она и выехала... Правду сказать, и мне иной раз охота все бросить — и к ней с семьей. Но потом говорю себе: держись, Иозеф! Что будет, если все коммунисты отсюда разъедутся?

— Так, значит, вы тоже коммунист?

— А как же! Член муниципалитета от коммунистической партии. Вот бургомистр меня и призвал под ружье: мол, твой приезжает, ты и встречай. Нет, конечно, ничего такого он не говорил, но ведь иной раз и без слов бывает понятно...

Тракл с беспокойством посмотрел в окно. Розовый отблеск на горных вершинах над городом поалел, голубые тени в ущельях сгустились до черноты.

— А барышня скоро?.. Я на машине, хотел вам кое-что показать. А то побудете в Инсбруке и ничего не увидите.

— Успеем еще.

— Как сказать! У нас тут, в горах, быстро темнеет. Светло, светло — и раз! Будто шторы задернули.

— Так мы ведь еще завтра будем. Приедет из Вены Вальтер Редлих, мой давний товарищ. Он тоже тиронец. Здесь родился, здесь рос. Все тут знает.

— Вальтер Редлих?

Как все-таки улыбка преображала его лицо! Вот сейчас она исчезла, и все стало крупным, массивным, грубым. И нос, и скулы, и подбородок. Макси тоже красотой не блистала. Но у нее очертания лица были мягче, женственнее.

— Вы его знаете?

— Ну кто же в Австрии не знает историка Вальтера Редлиха!

Слова вроде бы и лестные, но вот интонация... Неопределенная какая-то, непонятная. Осуждает его, что ли?

Нас сковало вдруг неловкое молчание.

— Знаете, — начал он первый, шевельнув скулами, — вы ведь его, наверное, по тем временам еще помните. Молодой был тогда, боевой, что и говорить!

— А теперь?

— Теперь про него этого уже не скажешь.

— Наверное, потому, что ушел в науку.

— Э, нет, товарищ Ваня! — Тракл, не соглашаясь, прихлопнул своей широкой ладонью по краю стола, и тот, скрипнув, качнулся. — Я так понимаю: настоящий человек — это тот, который никогда не уходит в кусты. Видит перед собой врага — и на него! Конечно, у каждого оружие свое. Один разит врага кулаком, другой, если до того дошло, и штыком, третий — пером. Но разит! А щеко-тать пятки — это не разить. Это врагу даже приятно: кому не приятно, когда ему пятки щекочут? И не дело это для настоящего человека — пятки щекотать. Не дело! Я так понимаю. Если, конечно, человек чего-нибудь да стоит.

Он распалялся и становился все более похожим на сестру, когда она вступала в идейные бои. А уж тут наша Макси пощады не знала. Невзрачная, маленькая, она преображалась на глазах, когда, перегибая палку, клеймила кого-нибудь из своих австрийских товарищей, работавших в нашей газете, как «соглашателей и трусов». И только потому, что они, по ее мнению, проявляли недостаточную активность во время демонстрации или митинга.

Очевидно, Иозеф Тракл тоже перенял эти качества своей старшей сестры.

— Нет, вы только не подумайте, что я какой-нибудь там максималист! — Он энергично потряс головой, словно оспаривая мои мысленные выводы. — Я понимаю, наука — это инструмент потоньше булыжника. Журнальные статьи в окна не швыряют. Но скажите мне, пожалуйста, как бы вы, например, поняли такое выражение: «В каждой стране — свой марксизм»?

— Ну, это старый лозунг австромарксистских оппортунистов. Им довольно ловко оперировали всякого рода социал-предатели и ревизионисты.

— Совершенно верно! — Хорошо, что в гостинной, кроме нас, никого не было; Тракл говорил громко и запальчиво, будто выступал на митинге. — Да и сейчас тоже находятся такого рода мудрецы. А ведь свой марксизм — это никакой не марксизм, верно? Марксизм — это только общий, интернациональный. Или никакой — я так понимаю! А тут приходит ваш друг Вальтер Редлих и заявляет в своей статье, что, в общем и целом, недоучитывая и

переучитывая, принимая во внимание и опять-таки не принимая во внимание... Одним словом, в каждой стране — свой марксизм! А это что такое значит? Душу из марксизма вынуть, я так понимаю. Какой же это марксизм, если в каждой стране свой?..

— Так прямо и написал? — не поверил я.

— Смысл такой... А ведь хочет, чтобы его считали прогрессивным ученым и вообще ух каким передовым человеком!

— Я полагаю, вы не совсем его поняли. Скорее всего, он говорил об особенностях применения учения Карла Маркса в каждой стране. А это совсем другое дело.

— А! — Тракл смотрел на меня с осуждением. — Нет, я, извините, понимаю. Уж я-то все понимаю! Хвостом он крутит, этот ваш ученый Редлих, вот что! Хочет, как у нас в Тироле говорит простой народ, и пиво выпить и пену не сдуть... Ох, да что это я! — вдруг спохватился он и сразу заулыбался смущенно: — Разве ж так можно с гостями? Простите меня, товарищ Ваня! Вы к нам, можно сказать, в дом с визитом, а я вам на стол наше грязное белье!..

И как раз в этот момент вошла Инга.

— Вот ты где, отец! А я наверх сбегала, вниз, опять наверх. Нет — и все! Пока не догадалась спросить у Оливии.

Я их представил друг другу. Лицо Инги дернулось от боли, когда Тракл радостно кинулся жать ей руку. Но духам обрадовалась:

«Котй»? — разглядела этикетку.

— А я в них неважно разбираюсь. Пахнут — и ладно... Ну вот, уже и темнеет, — он разочарованно покачал головой. — Теперь остается только в ресторан.

Но тут мы оба дружно запротестовали. Сколько же можно! Сплошные обеды и ужины!

— Как тогда быть? — крупное лицо Тракла озадаченно вытянулось. — Магистрат уже за все уплатил.

— Ну и пусть считается, что мы поели, господин Тракл!

— Нет-нет! — Тракл поморщился и посмотрел на Ингу просительно. — Если можно, называйте меня «товарищ». Уж для кого, для кого, а для советских я не господин.

— С удовольствием... Но одно только условие: ника-

ких ресторанов!.. Нет, честное слово, я тут у вас, в Австрии, каждый день прибавляю в объеме на сантиметр. Не могу...

— Но ведь должен же я для вас что-нибудь сделать. Вы же гости.

— Покатайте нас лучше по городу.

— А может, за город? Скажем, мост «Европа». Или Берг-Изель, где проводятся зимние олимпиады.

— Очень интересно! — обрадовалась Инга. — Там, говорят, памятник нашей Лидии Скобликовой.

— Не памятник, а... как сказать? Словом, камень и ее фамилия...

И мы пошли к машине Иозефа Тракла, которую он оставил на стоянке возле вокзала.

По странному совпадению, это был тоже черный «мерседес-бенц» с красными сиденьями.

Я не удержался от вопроса:

— Откуда он у вас?

— А, это целая история... Прошу! — Тракл отпер дверцу, пригласил нас вовнутрь. — Новая мне, разумеется, не по карману. А тут клиент один поехал пьяный в зимние горы, перевернулся на крутом повороте. Притащил ее ко мне в мастерскую: страшнее страшного! Ну что? Делать ее? Я честно сказал: долго и дорого. А он возьми да предложи: купи, мастер! Отдам дешево, битая она мне ни к чему. Ну, посоветовался с женой, купил. Выправлял вместе с сыном, отделывал, красил. Наверное, целых полгода... Вроде ничего получилось, — сказал он не без гордости. — Да вы садитесь, товарищ Ванаг, поедem!

Прежде чем сесть, я все же обошел машину.

Номер был, разумеется, совершенно другой.

ЛЕГКИЙ ЗАВТРАК

входил в стоимость оплаченных магистратом гостиничных номеров. Мы с Ингой отправились в ресторан при отеле. Там нас и разыскал Вальтер.

— Привет светочу самой передовой в мире советской науки! — начал он в своей обычной иронической манере. — Осторожнее, девочка, прошу тебя, осторожнее! — Он скопил на Ингу веселые глаза. — Эта колбаса, к твоему сведению, делается наполовину из ослиного мяса.

Инга резко отодвинула тарелочку с тоненькими кружочками мраморной салями, посмотрела на нее брезгливо.

— Ну все, теперь я к ней больше не притронусь! А ведь так было вкусно!.. Можете радоваться, дядя Вальтер, вы сделали свое черное дело.

— Совсем наоборот, я спас тебя от греха чревоугодия!.. О люди, люди! Когда надо благодарить — бранят, когда надо бранить — рассыпаются в благодарностях. Что за непонятная порода!.. Я усядусь с вами и перекушу, как будто тоже живу здесь. Владелец гостиницы человек богатый, не обеднеет.

Он пододвинул стул к нашему столику и принялся с аппетитом, мерно двигая челюстями, жевать колбасу из отставленной Ингой тарелочки.

— Осторожно, дядя Вальтер! Эта колбаса делается наполовину из ослиного мяса.

— Ну и что? Она от этого ничего не теряет. Наоборот; к твоему сведению, ослиное мясо добавляется именно для мягкости и лучшего вкуса.

Они могли пикироваться до бесконечности.

— Эллен в машине? — спросил я. — Может, ее позвать? Пусть выпьет с нами чашечку кофе.

— Моя дорогая супруга спит без задних ног у своих родителей.

— Поздно приехали?

Вальтер подцепил последний кусок салями:

— После полуночи.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего выдающегося. Колесо спустило.

— Так это же минутное дело.

— Запасное тоже оказалось не в порядке. Пришлось разбортовывать, менять камеру. К тому же голова разболелась... Неудачи, как правило, идут сериями — ты заметил?

— Так, значит, теперь ты без запасного?

— Не беспокойся, все уже в порядке. Отдал колесо и резину в авторемонтную мастерскую. Хозяин знакомый, не пожалеет для меня воскресного утра.

— Тракл? — почему-то решил я.

— Какой Тракл?

— Иозеф. Брат Макси.

— А-а... Нет, совсем другой. У меня тут уйма приятелей — носились когда-то в одной стае по улицам.

Вальтер взялся за кофейник, налил себе полную чашку кофе.

— Разреши за тобой поухаживать, Инга.

— Нет, спасибо, я сама. Не люблю слишком горячий. Пусть остынет.

— Ну смотри... А как ты с ним встретился, с Траклом?

— Он приходил к нам сюда от имени бургомистра.

— Ты смотри! Пошел Тракл в гору. Уже ему доверяют представительство! — И поинтересовался, заранее улыбаясь: — Поносил, наверное, меня без удержу?

— Не то чтобы поносил — покритиковал.

— Ох-хо-хох, эти наши тирольцы! Слова доброго не скажут о своем земляке! И чем, интересно, я ему не угодил?.. Впрочем, заранее могу сказать. Он считает меня левым уклонистом, не так ли?

— Скорее уж правым.

Вальтер расхохотался, да так громко, что люди за соседними столиками удивленно повернули к нам головы.

— Серьезно?.. Ярлыки со всех сторон, успевай только поворачиваться. То ты левый, то ты правый, то центрист, то мазохист!.. Боже мой, сколько вреда принесли нашему общему делу такие, как этот Тракл и его бешеная сестричка. О, да ты ведь тоже страдал от ее укусов!

Это было так несправедливо по отношению к Макси, что я не мог за нее не вступить.

— Ты преувеличиваешь, Вальтер. У Макси были, конечно, свои недостатки. Но она прекрасный товарищ. Искренний, преданный, кристально честный!

— Да, денег она чужих не возьмет. Но разворошить добрых друзей, как муравьиную кучу, навязать спор, дискуссию, стравить людей друг с другом — без этого твоя кристально честная Максимилиана просто не могла жить.

— Перестань, Вальтер, ты не прав!

— Ладно, ладно, не буду... В каких же конкретных грехах обвинил меня Тракл?

— Ругал какую-то твою теоретическую статью.

— Так я и думал! — Вальтер недовольно сморщил нос. — Делает по их семейной традиции из мухи слона.

— Но муха-то была?

— Не муха — блошка микроскопическая. Да и была ли?.. Уговорили написать статью для одного популярного

ежемесячника. Ну, как обычно: чуть-чуть истории, чуть-чуть идеологии, чуть-чуть сахарной водицы... Не надо было, наверное, соглашаться, что правда, то правда. Идеология, ты знаешь, — это не моя сфера.

— И все-таки согласился?

— Очень хорошие условия. Да и престижно — попробуй удержись от соблазна!.. И ничего там особенного не было, уж поверь ты мне на слово! Вот только с Траклом не согласовано, каюсь. Далеко было к нему бегать.

Мне показалось, что Вальтер, придавая разговору шутливый оттенок, все же чувствовал себя смущенным, даже виноватым, и я продолжал напирать:

— «Каждой стране свой марксизм»?

— Остановись, человек! — Вальтер предостерегающе поднял руку. — Ты ведь не читал статьи, как нам с тобой толковать? Вернемся в Вену, покажу, тогда и схватимся.

Он был прав.

— Хорошо, согласен, отложим до Вены!

— Ну и подкрутил же тебя этот Тракл! — Вальтер покачал головой. — У него, как и у нашей всемирно известной Макси, особый дар: во всем разглядеть политику. В спорте, в дамской моде, в пережаренном шницеле по-венски...

Инга, которая все время молча прислушивалась к нашему разговору, решила почему-то, что настал ее черед высказаться:

— Конечно, шницель — это никакая не политика, даже пережаренный...

Я едва удержался, чтобы ее не оборвать. Вот уж, что называется, не ко времени!

Зато Вальтер просиял.

— Bravo, детка! — Он даже зааплодировал. — Наконец-то она за меня!

— И модная юбка трубой тоже, пожалуй, к политике прямого отношения не имеет...

— Вот видишь! — Вальтер смотрел на меня с торжеством. — А ведь твоя дочь не так-то часто берет мою сторону, согласись!

Он поторопился. Инга, оказывается, сказала не все:

— Дайте же мне договорить, дядя Вальтер!

— Пардон! — он склонил голову с шутливой покорностью.

— Ну вот когда нет денег, чтобы купить себе шницель

или юбку, тогда это уже перерастает в политику. Согласны?

Вальтер во все глаза воззрился на мою дочь. Я тоже. Да, ничего не скажешь, удивлять она великий мастер.

— И со спортом точно так же,— продолжала Инга, начисто игнорируя наши изумленные взгляды, и теперь я решительно ничего не имел против ее невыносимо назидательного тона, который обычно ударял по моим нервам, как визг трамвая на крутых виражах.— Вот вчера, когда мы были на Берг-Изеле, товарищ Тракл сказал, что по-настоящему в Инсбруке узнали Советский Союз только после победы нашей команды на Олимпийских играх.

Вальтер сразу увял.

— Вот это и называется — ножом в спину! — вздохнув, упрекнул он Ингу.— А тебе, товарищ профессор, я выражаю свое глубочайшее сочувствие. Твоя дочь — прелестнейшее существо. Но только — извини меня, детка! — в небольших дозах. В очень небольших... А теперь... Показать вам город? Или не надо? — с ехидцей покосился он на Ингу...

Инсбрук во многих отношениях очень похож на Зальцбург, разве только чуть поменьше. Такой же компактный, набитый туристами центр, с узенькими кривыми средневековыми улочками. Такая же стремительная река, рассекающая город на две части. Такое же множество церквей...

Главное различие определяли горы. Со всех сторон город тесно обступали могучие скалистые гряды. Временами они казались светлыми, почти прозрачными. Временами, когда скрывалось солнце, мрачнели и угрожающе придвигались, вызывая тревожные мысли о лавинах и обвалах. Иногда они вообще исчезали, растворяясь в наплывавших облаках. Но, даже незримые, горы не давали забыть о себе. Город как бы находился у них в вечном плену, и ветры, их посланцы, свободно разгуливали по его улицам.

Вероятно, жители Инсбрука совсем по-другому относились к привычным с детства каменным великанам. Иначе они не стали бы награждать их ласкательными именами и посвящать им стихи. Но на меня, жителя равнин, горы действовали угнетающе. Я чувствовал себя микроскопически маленьким, подавленным, ничтожным, мне хотелось поскорее вырваться из осажденного каменными

великанами города на милый моему сердцу ровный зеленый простор.

С точки зрения Инги Вальтер был, вероятно, никудышным гидом. Он только вел нас по улицам, подводя к различным зданиям, называя их и коротко комментируя:

— Городская сторожевая башня. Очень старая. Гораздо старше меня и твоего отца, вместе взятых.

— Старинный дом с позолоченной крышей. Кажется, пятнадцатый век. Или шестнадцатый. А может быть, и семнадцатый — точно не помню.

— Дворец Марии-Терезии. Она, как видишь, веселилась не только в Вене.

Уступая просьбам Инги, он заходил с нею в церкви, провожал к алтарю, спускался в склепы. Но подробностей, которых она так жаждала, Вальтер не знал.

— Вот табличка, там все сказано. Прочитай сама...

Зато ему было известно множество историй, в основном смешных, почти анекдотичных, про жителей города, которые нам попадались на пути. Со многими он здоровался, останавливался ненадолго, перекидывался несколькими шутливыми фразами на местном диалекте. Когда мы отходили, давал краткие веселые характеристики:

— Мой друг детства. Был чемпионом города по плевкам в длину.

На мосту через кипящую Инн нам встретился высокий костистый мужчина со впалыми горящими щеками. Он шел прямо, не сгибая спины, и словно нащупывал место каждого следующего шага своей тросточкой. Казалось, он боится, что доски внезапно разойдутся и над ним сомкнутся бурные ледяные воды.

— Обрати внимание, Инга,— посмотрел Вальтер ему вслед.— Это по твоей части: местная достопримечательность. Граф Эдвин фон Шольберг стариннейшего рода. Полгода назад выстаивал на месте вашей симпатичной портье.

— Как? — не поняла Инга.

— Очень просто! По восемь часов ежедневно, как и определено трудовым законодательством. Выдавал ключи, озарял лучезарными улыбками посетителей гостиницы.

— Граф — и портье?!

— Что ж тут особенного? В наше демократическое время...

Отпрыск когда-то чрезвычайно богатой семьи, граф Эдвин в один далеко не прекрасный для себя день вдруг обнаружил, что остался у разбитого корыта. То ли он сам умудрился пустить по ветру доставшееся ему наследство, то ли катастрофическое обеднение явилось следствием развала Австро-Венгерской империи — этого Вальтер не знал. Известно ему было только, что граф спускал одно поместье за другим, пока, наконец, не пришел черед его родового замка вблизи небольшого горного городка Лиенца. На вырученные за него деньги фон Шольберг приобрел отель у вокзала, в котором мы с Ингой теперь жили. И, по примеру многих разорившихся аристократов, решил пуститься в плавание по бурному предпринимательскому морю.

Хозяин гостиницы из спесивого графа получился неважный. Поувольнял всю, как ему казалось, недостаточно почтительную прислугу, запутал дела, растерял клиентуру. В итоге прогорел и стал лихорадочно искать мешок с деньгами, чтобы хотя бы вернуть свое. Покупатель нашелся, но поставил условие, что фон Шольберг останется у него в служащих — он рассчитывал, что богатым господам, особенно туристам из-за океана, покажется лестным, если их будет обслуживать столь родовитая персона.

Так фон Шольберг перешел из хозяев в служащие и стал сначала управляющим гостиницы. Потом спустился на ступеньку ниже, заняв клетушку распорядителя за стеклянной дверью. А потом, когда выяснилось, что он совершенно не способен ни к какому виду административной деятельности, его передвинули за стойку портье, поставив на ней табличку с надписью: «Вас обслуживает граф Эдвин фон Шольберг».

Но и с ключами у графа получилось худо. Он вечно путал ячейки, заставляя клиентов подолгу ждать, а когда те теряли терпение и начинали возмущаться, выговаривал им высокомерно и надменно.

В итоге высокий аристократический титул сменили на хорошую мордашку. Графа выставили из отеля, и теперь он один из самых именитых инсбрукских безработных...

— Ах ты лапочка! — пожалела Инга.— Он что, существует на одно лишь пособие по безработице?

— Ну, до этого еще дело не дошло,— усмехнулся Вальтер.— Когда уж очень припирает, он выковыривает

очередной камешек из родовой диадемы и тащит в носовом платке к ювелиру...

Было обеденное время, и непрерывное хождение по городу давало о себе знать. Но мы были гостями, нам не полагалось первыми заговаривать об обеде, а Вальтер что-то помалкивал, время от времени бросая на нас загадочно-насмешливые взгляды.

Наконец, он заехал вместе с нами в крохотную, на ширину ворот, авторемонтную мастерскую и вынес оттуда две камеры. Седоголовый хозяин катил вслед за ним готовое накачанное колесо...

— А теперь к Эллен! — Вальтер захлопнул крышку багажника. — Будем надеяться, она уже выпалась.

Родственница Эллен, у которой остановились Редлихи, жила в самой теснине городского центра, недалеко от старинной сторожевой башни, в симпатичном средневековом доме с эркерами и изящными ставенками. Но внутри дом оказался гораздо менее привлекательным. Крохотный, затхлый, мощный разнокалиберным булыжником дворик, темные, даже при ярком солнце, комнаты с низкими потолками.

Эллен, свежая, помолодевшая, обняла Ингу.

— Пойдем на кухню, Арвид. — Она взяла меня под руку. — Мне надо с тобой посекретничать!

— Охотно... Тебя сегодня просто не узнать!

— Правда?.. Вот что значит для женщины выпастся вволю хоть раз в месяц.

— А кто тебе не дает делать это по крайней мере два раза в неделю?

— Кто-кто! Ну конечно же, вон тот полнеющий господин в джинсовом костюме! — Она кивнула в сторону гостиной, где Вальтер раскладывал карты на низеньком столике, показывая Инге шулерские фокусы, а она его азартно разоблачала. — Каждую субботу и воскресенье ровно в пять утра мы с ним должны быть на теннисном корте — у нас там арендован час.

— Ты любишь теннис?

— Люблю?! Ненавижу! Но Вальтеру предписано сгонять лишний вес, и я его спарринг-партнер. А ради здоровья Вальтера... Как раз об этом я и хотела сказать тебе. Знаешь, он вчера потерял сознание.

— Что ты говоришь! По пути в Инсбрук?

Она кивнула. Глаза ее наполнились слезами.

— Спустило колесо. Он стал снимать — и вдруг свалился. Хорошо, в автоаптечке был нашатырный спирт. Он сразу очнулся, стал говорить, что ничего не произошло, просто оступился и упал. Но я же видела... Арвид, умоляю тебя: уговори его лечь в клинику на обследование. Доктор Бреннер ему уже давно предлагает, а он только отшучивается. Нажми на него, он тебя послушает, я знаю. Только не говори, что я...

— Э, заговорщики! — Вальтер появился на кухне. — Что вы там все шепчетесь?.. Эллен! — Он изменился в лице. — Ты же дала мне слово.

— Все! Все! — Она осторожно вытерла слезы пальцами, стараясь не размазать тушь. — Извините!

И вышла.

— Вечно ей мнятся всякие болезни и беды!.. А теперь у меня для вас сюрприз! — провозгласил Вальтер. — Цирковой номер! Сенсационный аттракцион!.. Словом, едем обедать в зоопарк!.. Инга, ты слышишь?

— Это как? Прямо в клетке?

— Совершенно верно! В золотой клетке невиданного у вас зверя: на вилле у капиталиста. Словом, мы все приглашены на обед к крупному фабриканту мебели господину Гейнцу Киннигаднеру и его супруге.

Инга тотчас же пришла в телячий восторг. А я засомневался. Почему в гости к фабриканту? Совершенно незнакомые люди. С какой стати?

— Не будь букой! — уговаривал Вальтер. — Ее я знаю вот с таких лет. А он... Он обожает русскую музыку: Чайковский, Стравинский... А вилла! Это же симфония ля-мажор! Ну? Да забудь ты на минуту о классовой борьбе! Или наоборот: не забывай ни на минуту и агитни его как следует. Пусть пожертвует все свое состояние на мировую революцию. Были же в истории такие примеры! Тебе за это дадут... Какой там у вас самый главный орден?

Он насел на меня. Инга тоже: как же, она еще ни разу в жизни не была в обществе живого капиталиста!

И я сдался.

Лишь в машине обнаружилось, что нас только трое.

— А Эллен?

— Она не поедет.

— Почему?

Вальтер хмыкнул:

— Даже сказать смешно: ревность! В нашем-то возрасте!.. Роза — жена Киннигаднера — моя первая чистая любовь. Боже, как давно это было!.. Потом я ушел к партизанам в горы, а она осталась внизу. Хотя тоже, как и многие, активно плевалась вслед гитлеровцам. А в отряде я встретил Эллен...

Инга моментально зажглась. Это было в ее вкусе.

— Как интересно! А когда она вышла за того... мебельного капиталиста?

— Много позже. Они женаты всего лет десять. Собственно, даже не женаты, просто живут вместе...

— Какая романтическая история!

Мы уже выехали за город и следовали широкой альпийской трассой. Напряженного водительского внимания, как в городе, тут не требовалось, и, придерживая одной рукой руль, Вальтер стал рассказывать.

— Романтики здесь не так уж много, должен тебя разочаровать, моя радость. Больше, пожалуй, трезвого математического расчета. У него мебельные фабрики и торговые фирмы по продаже мебели. Так вот, Роза — управляющая и совладелица этих торговых фирм. Если они поженятся, то тем самым автоматически объединятся их капиталы, а значит, возрастут и налоги: у нас система прогрессивного налогообложения. А так капиталы у каждого свои, и налоги намного меньше. Другими словами, им просто материально невыгодно жениться... Разумеется, Роза, как каждая женщина, предпочла бы официальный брак, пусть даже за счет части доходов. А вот он... Тяжелый человек! Грубый, даже хамоватый. Ни в грош не ставит чувства других. Но сильный! Личность!

— А как же тогда его музыка? — спросила Инга.

— Очень просто. Музыка для своего удовольствия. А уж в удовольствиях он себе не отказывает.

— Брак по-австрийски! — Инга, обманутая в своих лучших чувствах, испытывала необходимость язвить. — Донести на него никак нельзя?

— Почему же нельзя? Донести никому не возвращается. И письменно и устно.

— Вот я бы и донесла. Не анонимно, не по телефону, а пошла бы куда следует и написала бы заявление с указанием своей фамилии и адреса.

— Ну и что? — рассмеялся Вальтер. — Ведь даже если

их застанут вместе в постели, все равно никто не сможет обязать их жениться.

— Но это же обман государства!

— Совершенно легальным образом.

— Данте и Беатриче! Ромео и Джульетта! — продолжала возмущаться Инга. — Роза и... Как его, этого зверя в клетке?

— Гейнц.

— Кошмар! Роза и Гейнц!.. Как низко пало человечество!..

Мы приближались к автомобильному мосту «Европа». Широкой белой лентой, в три ряда движения в каждом направлении, пролегал он от вершины одной горы до другой. Высоченные опоры, стройной колоннадой поднимавшиеся из долины, отсюда, сверху, казались тонкими и ненадежными. Под мостом змейкой вилась не то река, не то ручеек — головокружительная высота скрадывала и искажала истинные размеры.

Не доезжая моста, Вальтер остановил машину. Подошел мужчина в форменной фуражке, с сумкой автобусного кассира. Вальтер через окно подал ему сотенную.

— За что? — поинтересовалась Инга.

— За право проезда по мосту. Его строили с привлечением частных капиталов, и долгое время с каждой проезжающей машины будут взимать сбор. Впрочем, кто не хочет платить, может ехать по старой дороге, по склонам гор, в объезд.

Вальтер медленно тронул «шкodu», и мы покатили по светло-серому с желтыми разграничительными линиями полотну.

— А почему вы не поехали в объезд, дядя Вальтер? Сэкономили бы сто шиллингов, — съязвила Инга.

— Невыгодно, — ответил Вальтер на полном серьезе. — Во-первых, намного дальше. Во-вторых, дорога хуже, трясет. В-третьих, бензина уходит больше. Я уже проверял. А бензин у нас все дорожает — топливный кризис.

— Вы еще не все учли, дядя Вальтер.

— Да?

— Амортизация машины. Если дорога хуже, то, значит, быстрее изнашиваются покрышки и подвеска.

Вальтер, как всегда, спокойно реагировал на ее подначки.

— В самом деле, как же я раньше не сообразил? Спасибо, Инга. Ты увеличила мою статью прихода самое малое на двадцать шиллингов.

— Внесет себе в книжечку,— шепнула 'мне Инга.

— Перестаньте шептаться, это неприлично.

Вскоре за мостом наша «шкода» свернула на боковое ответвление дороги. На обочине стоял полосатый столб с табличкой:

«Внимание! Вилла «Горный орел». Частная собственность. Въезд без разрешения владельца карается по закону!»

Все виллы, и даже невзрачные хижинки крестьян-тирольцев, носили здесь громкие названия: «Эдельвейс», «Розамунде», «Горная лилия»...

Примерно через километр перед нами вдруг выросла высокая каменная ограда. Заскрипели тормоза.

— Теперь что? Будем карабкаться через стену? — спросила Инга.

— Чутьочку терпения!

Прошло несколько секунд, и часть ограды медленно сдвинулась в сторону, открывая продолжение шоссе. Вальтер нажал педаль газа. Я обернулся. За нами опять стояла стена.

— Вот мы и в клетке,— вздохнула Инга.

— Клетка еще впереди.

Вилла стояла возле самой вершины лесистой горы, в неглубоком распадке. Она была построена в необычной форме вытянутого шестигранника.

Моложавая, спортивного вида хозяйка с длинными узкими кистями рук, улыбаясь, встречала нас у закругления дороги. Она была черна, как цыганка, с такими же, как у цыганок, блестящими, чуть навывкате, быстрыми глазами.

— Вы уверены, дядя Вальтер, что она Роза, а не Мирабель?

Вальтер не успел ответить, да и, скорее всего, не понял. Хозяйка шла нам навстречу.

— Рада вам! — сказала она коротко и просто и крепко, по-мужски, пожала мне руку.— Гейнц еще с рассветом отправился на охоту. Он хочет угостить вас горной дичью. Но если рассчитывать на его козлов, то вообще можно остаться без обеда. Пойдемте, я покажу пока наши владения.

Вилла и внутри была необычной и походила больше на гимнастический зал, чем на жилое помещение. Не менее трехсот квадратных метров площади — и ни одной поперечной или продольной стены. Их роль выполняли легкие решетчатые перегородки, оббитые плюшем или какой-то другой ползучей зеленью. Потолок тоже был не совсем обычный: не ровный, а весь покрытый какими-то треугольниками, маленькими и побольше, — вероятно, за ними скрывались люминисцентные светильники. И мебели никакой, лишь выступы в стенах.

— Нравится? — Хозяйка явно гордилась своим необычным жильем.— Как тебе, милочка? — обратилась она к Инге.— Ты ведь, кажется, говоришь по-немецки?

— Недурно,— весьма сдержанно отозвалась моя дочь.— Только, знаете, я как-то не очень люблю спать на полу. Да и есть почему-то предпочитаю, сидя за столом.

Роза рассмеялась:

— Я тоже.

Она подошла к одному из выступов возле окна, что-то нажала или подвинула — и к нам прямо из стены выплыла необъятная, фантастических расцветок тахта.

— Другое дело! — Рука Инги утонула в мягчайшем поролоне.— И такое можно купить в ваших лавках?

Она употребила именно слово «лавки» вместо более respectable «магазины», и я уверен, сделала это нарочно.

— Нет, милочка, тут, в «Горном орле», все сделано по прихоти заказчика.

Легкое изменение в тоне свидетельствовало, что тоненькая едва заметная шпилька Инги попала в цель.

— Жаль! А то мы с отцом могли бы вам дать заработать.

Роза засмеялась, чуть натянуто, а я мысленно похвалил свою дочь. Хозяйка «Горного орла», видимо, ожидала, что если не меня, пожилого человека, то уж эту простенькую русскую 'девушку она наверняка срисит наповал.

Инга продолжала держаться независимо и даже чутьочку надменно, когда хозяйка продемонстрировала нам шикарный плавательный бассейн с раздвижной крышей, и франжерею, и кухню, которая, так же как и комната, казалась совершенно пустой, а потом вдруг, когда пу-

скались в ход невидимые кнопки и рычаги, наполнялась и мебелью, и всевозможными никелированными агрегатами, назначение которых было даже трудно угадать.

— Я тут обхожусь одна, без всякой прислуги.

А потом перед нами внезапно возник сам хозяин — господин Гейнц Киннигаднер. В охотничьем костюме, с двухстволкой за плечом. Он держал за задние ноги окровавленного зайца, которого преувеличенно небрежным жестом кинул на пол перед своей управляющей женой:

— Тебе, Роза!

— У нас гости, Гейнц.

— А! Неужели те самые русские, которых обещал Вальтер? Очень мило!

Он оглядел нас довольно бесцеремонно. Статный, ладный, круглолицый, моего примерно роста, он был бы даже по-мужски красив, если бы не излишняя мясистость румяных щек и круглые, желтые, как у птицы, глаза, которые придавали лицу неприятное, хищное выражение.

— Вальтер, скажи, пожалуйста, своему профессору, что я когда-то начинал учить русский язык, но запомнил, к сожалению, всего-навсего лишь одну забавную фразу. Даже не знаю толком, что она означает.

И он произнес, улыбаясь и нещадно коверкая слова:

— Бабы — право! Мушки — лево!

Меня словно ударило в грудь ниже сердца, туда, куда при первом ранении угодил осколок мины. Я даже ощутил острую физическую боль.

«Бабы — вправо! Мужики — влево!..» Перед глазами сразу встала бесконечная вереница людей, ограда из колючей проволоки и вот такие упитанные молодчики в черных мундирах.

Меня захлестнула волна давно уже позабытой холодной ярости, когда палец сам, непроизвольно, начинает жать на спусковой крючок автомата, а голова при этом остается ясной, какой-то даже пронзительно ясной, куда более ясной, чем в обычном состоянии.

— Инга, переведи, пожалуйста, этому господину, — сказал я по-русски, сам удивляясь тому, как ровно звучит мой голос. — В то время, как он изучал ту самую забавную фразу, я со своими разведчиками без лишних слов колошматил фашистов на фронте... Переведи, потом я добавлю еще.

Инга смотрела на меня растерянно.

— Я... Я не знаю, как будет по-немецки «колошматить».

— Переведи: «бил»!.. Нет: «убивал»!.. И еще скажи, что у меня в концентрационном лагере в Саласпилсе погибли отец и мать. По всей вероятности им тоже командовали: «Бабы — вправо, мужики — влево!» Переведи, слышишь?

Она кивнула послушно:

— Хорошо!..

И стала переводить. Очень добросовестно, медленно, подбирая слова поточнее. С лица Киннигаднера сползал румянец, оно стало мертвенно-бледным, почти зеленым.

— Но... Но позвольте... — залепетал, заикаясь. — Скажите господину профессору... это была шутка... Это была просто неудачная шутка...

Вальтер, тоже посеревший, стоял в стороне, у двери.

— Поехали! — сказал я ему.

— Арвид...

— Если ты не поедешь, мы с Ингой уйдем сами. У Киннигаднера хватило соображения помолчать.

Роза, ломая пальцы, проводила нас к машине.

— Простите! Ради бога, простите! — произнесла она с убитым видом, и мне стало ее жаль: уж она-то здесь совсем ни при чем. — До сих пор еще война стоит между людьми. Какое несчастье, что нельзя ее забыть! Какое несчастье!

«Бабы — вправо! Мужики — влево!»... Вот так, наконец, разлучили и моих стариков. Мать увели с женщинами — вправо, отца — влево...

Как это можно забыть?

Всю обратную дорогу мы не произнесли ни слова. До самой гостиницы. Там, высадив нас и сокрушенно разведя руками, Вальтер сказал:

— Ничего не поделаешь, я вынужден признать, что сморозил величайшую глупость. Но я ничего не знал. Просто не знал, веришь? Роза говорила, конечно, что он воевал где-то там, в России. Но воевали сотни тысяч австрийцев. Их заставили насильно, что они могли сделать?

Я молчал.

— Пойдем в ресторан, поедим. Не умирать же теперь с голоду.

— Иди ты с Ингой, я не хочу.
Я пошел к себе в номер и лег.
«Бабы — вправо! Мужики — влево!» А дети? Они
вправо или влево?..
А киннигаднеры и прочие гады все еще топчут землю!

ИЗ ИНСБРУКА В ВЕНУ

мы выехали на следующий день ровно в шесть часов утра.

Я сел впереди, рядом с Вальтером. Эллен тихонько попросила меня об этом, улучив момент, когда он проверял давление в шинах. Вальтер ночью спал плохо, и она опасалась, как бы снова чего не случилось дорогой.

Эллен заразила своим беспокойством и меня, и поначалу я внимательно присматривался к действиям Вальтера. Но он, как обычно, вел машину спокойно и уверенно. Никакой суеты, никакой торопливости, ни одного лишнего движения.

Наша «школа» шла на большой скорости, с легкостью преодолевая крутые подъемы и почти не притормаживая на спусках. Горная автострада была наводнена массой машин. Громоздкие, как старинные шкафы, уложенные на колеса, американские «крайслеры» с затемненными стеклами, длинные, приземистые японские «тоёты», горбо-спинные маленькие «ситроены», жукообразные «фольксвагены», юркие австрийские «штейеры» — вся эта разномастная разноцветная урчащая лавина катилась в направлении Вены.

Каждый новый поворот трассы открывал удивительные пейзажи. Горы медленно проплывали мимо нас, лениво поворачиваясь то нарядными лесистыми пологими склонами, то обнаженными крутыми, без признаков растительности вершинами, с которых серебристо-белыми ултками сползали сверкающие глетчеры.

И всюду отели, всюду пансионаты. От маленьких, двухэтажных на пять-шесть комнат домиков вдоль авто-страды до внушительных современных многоэтажных сооружений из стекла и бетона где-нибудь высоко-высоко под облаками, с игрушечными вагончиками на тоненьких ниточках собственных подвесных дорог.

Инга все с нетерпением ждала, когда же наконец

появится Целль-ам-Зее со сказочным озером, которое так поэтично описал нам Карл. Но, как это нередко бывает в горах, погода вдруг сломалась. Из-за склона горы со снежной шапкой выползли рваные ватные чудовища и быстро забили всю долину. Сначала они погло-тили солнце, а затем принялись жадно слизывать яркие краски с окружающих склонов. Сразу все посерело, потускнело, подернулось пеленой.

Вальтер надел противотуманные очки, широко раз-рекламированные во всех газетах.

— Помогает? — спросил я.

— Как лекарство. Если очень в него веришь, то какая-то польза есть.

— Психотерапия?

— Что-то в этом роде.

Сам Вальтер, видимо, не слишком верил в чудодей-ственные способности очков, так как основательно сбро-сил скорость. Если раньше мы со свистом обгоняли одну машину за другой, то теперь ползли в общем потоке.

Туман сгущался с каждой минутой. В этой унылой серягине Целль-ам-Зее показался заурядным дачным поселком, а само озеро — ничем не примечательной прес-ной лужей.

— О! — Инга разочарованно откинулась на си-денье. — Совершенно ничего интересного!

— Ты не совсем права, Инге, — мягко возразила Эллен. — Здесь изумительное место. Нам просто не по-везло с погодой.

— Но и дачи тут тоже не блещут. Вот эта, например, — что хорошего? Или эта.

Она указала на небольшие, вполне приличные кот-теджи, мимо которых мы проезжали.

— У Инги теперь один только критерий — «Горный орел», — не удержался Вальтер от подковыки.

Инга среагировала мгновенно:

— Знаете, дядя Вальтер, на вашем месте я вообще не стала бы напоминать о вчерашнем!

— Инга!

Я резко повернулся к ней. Это уж слишком! При любых обстоятельствах надо уметь держать себя в рамках приличия.

Но ее уже понесло.

— А что касается самой виллы... Претенциозность,

безвкусица, бахвальство!.. Словом,— она презрительно фыркнула,— симфония ля-мажор!

— Замолчи сейчас же!

— Оставь ее!

Непривычная для Вальтера угрюмость, прозвучавшая в голосе, заставила меня воззриться на него с удивлением. Обычно на такие шенячьи наскоки Инги он отвечал ироническими репликами, снисходительно улыбаясь при этом.

— Оставь! — повторил Вальтер.— Она права...

Дорога пошла резко вверх. Туман стал редеть, и Вальтер прибавил скорость. Опять мы увидели горные пики, ярко высвеченные солнцем. Рваные комья ваты торопливо расплзались по ущельям.

Проехали Зальцбург — далеко в стороне шоколадным тортиком промелькнул зубчатый квадрат крепости — и покатали по холмистой равнине. Я заметил, как Вальтер, таясь от Эллен, сунул в рот маленькую оранжевую таблетку.

— Как самочувствие?

— Теперь уже все в порядке.

— Может быть, мне сесть за руль?

— А у тебя права с собой?

— Ну кто же знал...

— Вот видишь... Да ты не беспокойся, Арвид, ничего не случится. До Вены осталось каких-нибудь две сотни...

И все-таки случилось. За Санкт-Пельтенем. От этого тихого городка до австрийской столицы меньше семидесяти километров. Сначала я заметил, что наша машина слегка вильнула, заехав правым передним колесом на обочину, но тотчас же выпрямилась, продолжая ровное движение по асфальту. Я с тревогой посмотрел на Вальтера. Глаза его были скрыты за темными стеклами очков, но мне показалось, что ни в его посадке, ни в положении рук, твердо державших рулевое колесо, ничего не изменилось.

И тут же, едва я отвел взгляд, машина вильнула снова.

— Арвид! — услышал я позади себя отчаянный крик Эллен и, почувствовав, как на меня слева навалилось тяжелое тело Вальтера, моментально, не глядя, перехватил руль, одновременно нажав на педаль тормоза.

Мне удалось остановить «шкоду» буквально в нескольких сантиметрах от дорожного барьера.

Вместе с Эллен и Ингой мы вытащили бесчувственного Вальтера, уложили на траву, в тень машины. Эллен поднесла к его носу ампулу с нашатырем.

Он медленно качнул головой и, не раскрывая рта, протяжно застонал.

— Что с тобой, Вальтер? — Эллен держала его голову на своих коленях.— Что с тобой?

— Голова...— едва слышно прохрипел он.— В клинику... Надо в клинику...

— Что делать? — Эллен в кровь искусала губы.— Клиника Бреннера совсем рядом, сразу за Шенбрунном.

— Едем!

Я обхватил Вальтера с одной стороны, Эллен с другой; он не мог стоять, у него подгибались ноги. Кое-как усадили на заднее сиденье.

— Держись, старина! Сейчас будем в Вене.

Не знаю, слышал ли он меня. Глаза у него были закрыты, рот плотно сомкнут.

Я включил мотор, тронул потихоньку машину. «Шкода» шла очень легко, скорости переключались без всяких усилий, одним лишь толчком пальцев.

— Пожалуйста, побыстрее, Арвид! — Голос Эллен прерывался от беспокойства.— Мне кажется, он опять потерял сознание... Вальтер, ну, Вальтер!..

Машина быстро набирала скорость. На спидометре шестьдесят... Восемьдесят... Девяносто...

За нами послышалось прерывистое завывание сирены. Я посмотрел в зеркальце. Машину настигал полицейский мотоцикл с коляской. Подают мне знак остановиться!

Я сбросил скорость.

— Что такое, Арвид? — В глазах у Эллен металась тревога.

— Полиция.

Остановил машину по всем правилам: включил правый сигнал поворота, съехал с полотна.

Мотоцикл приблизился к нам вплотную. Рослый полицейский в шлеме слез с сиденья и медленно, в перевалочку, но в тоже время грозно и неотвратимо, словно многотонный танк, направился ко мне. Второй остался в коляске.

— Дорожная полиция! — Полицейский небрежно отдал честь.— Добрый день! Вы превысили разрешенную скорость движения по трассе.

— Разве? На спидометре было девяносто.

Он понимающе усмехнулся:

— Все так говорят. У нас локатор, понимаете?.. Раз-
решите ваши водительские права?

Я подал свой паспорт.

— Это что такое? — Он полистал удивленно мою крас-
ную книжицу. — А права?

— У меня их нет с собой.

— Послушайте! — вмешалась Эллен. — Мы везем
больного, тяжелобольного. Взгляните! Он без сознания.
Его надо поскорее в больницу.

Полицейский сунул голову в машину.

— Мои самые искренние сочувствия, мадам. Но во-
дить машину без прав — это большое нарушение. Вам
придется проследовать со мной в полицейский учас-
ток, господин... — он заглянул в паспорт, — господин
Ванаг.

Эллен возмутилась:

— Вы с ума сошли! А мой муж пусть умирает здесь,
на дороге? Да? Это не будет нарушением?

— Успокойтесь, мадам! Что-нибудь придумаем...
Курт! — позвал он второго полицейского. — Иди сюда,
Курт!

Тот, недовольный, выкарабкался из коляски.

— Ну что там еще?

Первый полицейский кратко и толково объяснил ему
возникшую ситуацию.

— Поведешь «шкоду» до больницы...

— Нет, в клинику! — сказала Эллен. — Нам надо в
клинику доктора Бреннера на Левегассе.

— Хорошо, хорошо, мадам! В клинику так в клини-
ку — это еще ближе. Слышишь, Курт? В клинику. А по-
том, если потребуется, доставишь женщин домой... Вас же
прошу со мной.

— Может быть, проще все-таки разрешить мне
довести машину до клиники.

— Нет! — заупрямился он. — Поедете со мной в по-
лицейский участок.

— Но вы же сами видите, как сложились обстоятель-
ства. Я только поэтому и сел за руль.

— Вижу, но отпустить не имею права — нарушение
слишком серьезное. Я обо всем доложу начальнику, а
отпустить вас или не отпустить, пусть решает он сам.

Разобраться во всем и принять решение — это его слу-
жебная обязанность.

Мне не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Второй полицейский уже уселся на место водителя.

— Инга, жди меня дома. Никуда не уходи. Меня
должны сразу же отпустить.

Она кивнула:

— Хорошо, отец!

«Шкода» тронулась. Мы на мотоцикле поехали следом.
Но потом, видно, моему полицейскому надоело плестись
позади в струе едкого выхлопного газа. Он включил
сирену и, сразу набрав скорость, помчался посередине
трассы, обгоняя одну за другой все попутные автома-
шины.

— Что с ним случилось, с тем господином? — спросил
он, когда мы уже въехали в Вену и по обеим сторонам
автостреды замелькали первые строения.

— Трудно сказать. Потерял сознание; до этого жа-
ловался на головную боль.

Полицейский сразу же поставил диагноз:

— Солнечный удар! Жарища. Обыкновенное дело.

— Вряд ли. У него уже раньше несколько раз слу-
чалось нечто похожее.

— Значит, ему ни в коем случае не следовало садиться
за руль. В правилах движения на этот счет сказано четко
и определенно.

Он на всем ходу лихо развернул мотоцикл у некази-
стого пятиэтажного здания и резко затормозил.

— Прощу!

Над дверью висела вывеска: «Полицейский участок».

Он прошел вперед, держа в руке мой паспорт в ярко-
красной обложке. Я за ним. В коридоре на скамьях
сидели посетители. Из комнат доносился стук пишущих
машинок, обрывки разговоров. Какой-то молодой вы-
сокий голос кричал, очевидно в телефонную трубку:

— Повторяю приметы: мятая снизу золотая коронка
на верхнем правом резце...

В конце коридора мой провожатый открыл непри-
метную дверь и, придерживая ее, пропустил меня в замк-
нутый внутренний двор.

— Налево, пожалуйста.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж и прошли
по галерее вдоль стены в самый конец здания.

— Прошу!

И только в этот момент я сообразил, что полицейский участок может занимать в доме лишь часть первого этажа. Зачем же он повел меня в какую-то квартиру на втором?

Не может ли это быть тонким, заранее рассчитанным психологическим ходом? В частную квартиру я бы не пошел. А так как он провел меня через помещение полицейского участка, мне и в голову не пришло усомниться.

А теперь...

Что это все может означать? Да и полицейский ли он вообще? Форма еще ничего не доказывает.

Но уже было поздно.

Полицейский захлопнул за мной входную дверь. Я находился в прихожей. Пустая вешалка, трюмо, подставка для обуви.

— А теперь сюда.

Просторная комната, в которую он меня привел, была буквально набита зачехленной мебелью. Ее, вероятно, как обычно перед ремонтом, стащили сюда со всей квартиры. Горело электричество, сквозь плотно прикрытые шторами окна дневной свет пробивался лишь узенькими лучиками.

В комнате было несколько человек. Все они располагались на зачехленных стульях, кушетке, креслах. Похоже, здесь шло совещание. Было сильно накурено, в пепельницах высились горы окурков.

Совещались?

Или поджидали кого-то?

Меня?

Полицейский направился к человеку, который сидел против двери, в проеме между двумя окнами, у новенького полированного письменного стола — снятый с него чехол висел рядом на спинке стула.

— Вот, — полицейский положил на стол мой паспорт. — Отсутствие водительских прав и превышение скорости.

— Мне пришлось сесть за руль, — стал разъяснять я. — Водителю стало плохо и...

— Это неважно, это совершенно неважно! — оставил меня жестом человек за столом. — Обождите в передней, — приказал он полицейскому.

— Слушаюсь!

Тот повернулся и вышел.

Человек за столом стал меня молча разглядывать. Он был в очках. Дымчатые стекла, словно жестянки, заслоняли взгляд. Глаза прятались за ними, не давая возможности себя рассмотреть. А не видя глаз, очень трудно судить о человеке. Глаза в человеке — главное, все остальное — невыразительные, мало что говорящие детали. Ну, короткий, словно обрубленный, нос. Ну, щегольские, шнурком, усики, ну, твердая прямая линия рта... Этого слишком мало, чтобы сделать хотя бы предварительный вывод.

Одно мне стало ясно с первого же взгляда. К австрийской полиции сидевший передо мной человек не имеет ни малейшего отношения.

Как, впрочем, и униформированный мотоциклист, который заманил меня сюда. Номерной знак, выбитый на его нагрудной бляхе, я запомнил. Но что это даст? Наверняка под этим номером в австрийской полиции числится совсем другой человек.

Молчание затягивалось. Я не считал нужным заговаривать первым.

— Садитесь! — предложил наконец он. — Разговор будет не короткий.

— Мне бы желательно завершить его побыстрее. Дочь будет ждать, волноваться. Если необходимо заплатить штраф — я готов. Если одного штрафа недостаточно, а мои объяснения вас не устроят — звоните в советское посольство.

Он рассмеялся.

— А знаете, как раз этого мне и хотелось бы избежать в наших с вами общих интересах.

— Я не понимаю...

— Ладно, господин Ванаг. Не будем играть в детскую игру: «Я не знаю тебя, ты не знаешь меня».

— Но я вас действительно не знаю.

— Это неважно.

— А что же важно?

Он пропустил мой вопрос мимо ушей.

— Можете называть меня Шмидтом.

— Шмидтом или Смитом?

Брови над роговой оправой очков поползли вверх.

— Почему такой странный вопрос?

— Для Шмидта у вас слишком ощутимый акцент.

— Да? — Кажется, я его слегка уязвил. — А ведь и у вас тоже.

— Но я не прошу называть меня Шмидтом.

Он снова рассмеялся.

— Что ж, вы правы. И все-таки пусть будет Шмидт, если не возражаете... Итак, как вы уже догадались, ваше появление здесь никак не связано с нарушением правил дорожного движения. Просто мы использовали это обстоятельство как подходящий повод, чтобы встретиться с вами. Да вы садитесь, садитесь! Я же сказал: разговор не минутный.

— Я предпочитаю уйти. Надеюсь меня выпустят?

— О да! Но, уверяю вас, вы заинтересованы в этом разговоре больше, чем кто-либо. На вашей совести есть одно темное пятнышко.

Вот! Наконец-то!

— Нет у меня никаких темных пятнышек.

— Таких людей вообще не бывает. У всех есть пятна, маленькие или большие. Разница только в том, что одним их удастся до поры до времени скрыть, другим нет. Вам, например, до сих пор просто везло. А теперь... Словом, вам грозит большая опасность, господин Ванаг.

— И вы вознамерились меня от нее спасти!

Я вложил в эту фразу изрядную порцию сарказма.

— Все будет зависеть от вас.

— Что же я должен сделать? — Взяв иронический тон, я уже не отступил от него.

— А что за опасность? — спросил он и посмотрел на меня победителем. — Видите, вот ваша оплошность номер один. Этот вопрос должны были задать вы.

Я изобразил секундное замешательство. Не знаю уж, как там у меня получилось, но он сделал вид, что сжался надо мной.

— Ну ладно, начнем лучше все сначала. А то вдруг выяснится, что вы вовсе не тот, за кого мы вас принимаем.

И стал, держа в руке мой паспорт, задавать один за другим обычные стандартные вопросы: как зовут, где родился, когда родился... Словно он служил инспектором местного отдела кадров и принимал меня на работу.

Он спрашивал, я отвечал — неохотно, односложно, кривя губы. Остальные по-прежнему хранили молчание, не издавая ни единого звука, будто их здесь, в комнате,

и не было. Действующими лицами являлись двое: он и я, а другие были только статистами или же, возможно, актерами на выходах с одной-двумя репликами и терпеливо ждали, когда настанет их черед выйти на сцену и произнести свои слова.

И я подумал: не он ли был режиссером того несостоявшегося спектакля на территории ФРГ? Тем более, что лица некоторых из сидевших в комнате казались мне знакомыми.

Где, например, мог я видеть вон того толстого старика в кожаной куртке?..

Но вот, кажется, исчерпались, наконец, все вопросы из листа по учету кадров.

Настало самое время возмутиться.

— Не понимаю!.. — начал я в повышенном тоне.

— Минуточку, — он не дал мне договорить. — Посмотрите, пожалуйста! Не знаком ли вам случайно этот симпатичный молодой человек?

И протянул через стол небольшую фотокарточку.

Мне не пришлось наигрывать удивление: я и в самом деле удивился.

— Но ведь... Черт побери, это ведь я! Гимназический снимок, еще довоенных лет. Как он у вас очутился?

Шмидт, или Смит, или не знаю еще как, удовлетворенно улыбнулся:

— Секрет фирмы... Ну, а это?

Кончиками пальцев он достал из вытянутого ящика стола, как фокусник из цилиндра, плотный лист бумаги. Это была фотокопия известного мне документа, начинавшегося со слов:

«Начальнику отдела политической полиции господину Дузе от Ванага Арвида, сына Яниса...»

Пока все шло точно по сценарию, разработанному нами с Пеликаном. Беспокоили меня только безмолвные статисты, похожие на такую же принадлежность этой странно захлавленной комнаты, как затянута серыми льняными чехлами мебель.

Выгадывая время, я долго, до предела допустимого, разглядывал текст.

— Это провокация!

— Seriously?

— Почерк не мой.

— Профессор! — Мой собеседник укоризненно пока-

чал головой.— Кто осмелился бы соваться к такому известному человеку с краплеными картами? Нет, уверяю вас, игра ведется честно, по всем правилам... Вот! — Из ящика появился еще один лист.— Страница из машинописной рукописи монографии «Стратегия компартий республик Прибалтики в борьбе за Советскую власть», с вашей собственноручной правкой... А вот заключение экспертизы. Ознакомьтесь, пожалуйста.

Эксперты уверенно устанавливали полное тождество почерка на обоих документах, несмотря на известное различие, как было сказано в акте, «вызванное разрывом во времени и незначительным изменением отдельных деталей в начертаниях букв вследствие ранения в правую руку».

— Предположим,— начал я после долгой паузы.— Предположим, когда-то я действительно подписал нечто подобное.

— Не нечто подобное, а именно это. И без всякого «предположим».

Шмидт снял свои очки, и я наконец увидел его глаза. Маленькие, с веселыми лучиками морщинок, сбегавшими к уголкам век, они на первый взгляд могли даже показаться благодушными, незлобными. Однако стоило присмотреться получше, как это обманчивое впечатление тотчас же исчезало. Морщинки происходили, по-видимому, от привычки постоянно шуриться. А сам взгляд серых, глубоко посаженных глаз был вовсе не благодушным, а наоборот, острым, цепким, безжалостным.

Опять, перед тем как ответить, я долго молчал.

— Хорошо, пусть будет так. Но с тех пор прошло больше тридцати лет. Это уже давно не сегодняшний день и даже не вчерашний. Это мусорная яма истории. Зачем вам понадобилось копаться на свалке?

Он рассмеялся:

— Вы меня удивляете, профессор! Уж кому-кому, а вам, историку, должно быть хорошо известно, какие любопытные вещи попадаются иной раз среди всякого старья. Вот, например! — Он хлопнул по бумаге, лежащей перед ним на столе.— Я думаю, вы немало отдали бы, чтобы изъять ее со свалки.

— Ошибаетесь. Эта бумажка не имеет абсолютно никакой ценности.

— И для вас?

— И для меня, и для вас, и для всех. Да, я подписал ее. Не смотрите на меня таким пронизательным взором. И не осуждайте: у меня не было другого выхода, любой на моем месте сделал бы то же самое. Но она так и осталась пустой, никчемной бумажкой. Так что можете ее оставить себе на память.

Я точно знал, что последует за этим, и даже ждал, когда же Шмидт снова полезет в письменный стол. Словно подталкиваемый моими мыслями, он сунул руку в наполовину выдвинутый ящик.

— Говорите, никчемная бумажка? Допустим. Ну, а это?

Теперь он извлек целую папку. В ней были подшиты донесения тайного полицейского агента «Воробья». О руководителе подпольной ячейки в паровозном депо по кличке «Антей». О предстоящей первомайской акции коммунистов...

— Возьмите, профессор, полистайте. Память штука капризная, встряска ей полезна.

— Не надо.— Сосредоточиваясь, я плотно сжал губы. Вот так история! Теперь, спустя тридцать с лишним лет, они старательно заталкивают меня в старый ржавый капкан.— Откуда у вас... все это?

— Вы же сами сказали: со свалки истории.— Шмидт торжествовал.— Вот какие там попадаются ценности!

Я промолчал. Надо было на что-то решаться. Пауза получалась долгой и томительной. Толстяк в кожаной куртке ощупывал меня сбоку мутноватым взглядом выцветших стариковских глаз, похожих на две взбаламученные лужицы. Я никак не мог отделаться от ощущения, что вижу его не в первый раз. Вот эта привычка облизывать губы тоже мне почему-то знакома...

— Профессор молчит, профессор потрясен, профессор потерял дар речи! — сыронизировал Шмидт.— Не бойтесь, ничего страшного не произошло и, надеюсь, не произойдет.

— Я не боюсь, мне бояться нечего. Я только никак не могу понять, чего вы добиваетесь? Какая вам выгода, если у меня будут неприятности?

— Неприятности? — он коротко хохотнул.— Вы называете это неприятностями?

— Ну, пусть отстранят от работы... Пусть даже исключат из партии — для чего это вам нужно?

— Думаю, и исключением дело не ограничится.
— Вам, конечно, кажется — будут судить?
— Кажется? Я уверен.
— Ошибаетесь! Есть такое юридическое понятие: истечение срока давности. Какие там даты, на ваших бумажках?

Он, все так же иронически улыбаясь, медленно покачал головой:

— Насколько мне известно, на преступления подобного рода по советским законам срок давности не распространяется.

Ясно, куда он клонит!..

Тянуть больше нельзя было, и я решил до поры до времени плыть по течению.

— Ну хорошо! Допустим, меня посадят, хотя это просто невероятно. — Я заерзал в кресле: пусть он считает, что заставил меня нервничать. — Вам-то что до того? Какая вам выгода? Не думаю, что вы хотите отомстить мне за проваленного руководителя ячейки по кличке «Антей».

Что ж, сам Шмидт все время подталкивал меня к этому. Не мог же я взять и выложить ему, как было на самом деле.

Его глаза почти совсем скрылись за сдвинувшимися веками. Но и оттуда продолжали колоть меня острыми насмешливыми точками, причиняя, казалось, даже легкую боль.

— Это уже совсем другой разговор! Вы, если я не ослышался, сказали о выгоде. Вот, пожалуй, самое точное слово — выгода. Да, меня совершенно не касается вся ваша печальная история. Да, мне совершенно безразлично, останетесь ли вы на свободе или вас упекут за решетку. Но вы не хотите за решетку, профессор, вы не хотите позора разоблачения — и уж тут-то я могу извлечь свою выгоду.

— Шантаж?! — Я возмущенно откинулся на спинку кресла. — У меня нет денег откупиться. Две-три тысячи шиллингов вас, я думаю, не устроят.

— Профессор! — Шмидт смотрел на меня с укоризной. — Я ни на секунду не могу допустить мысли, что вы не понимаете, о чем идет речь. Вы понимаете, я понимаю. Не становится ли в таких условиях игра в прятки чистой бессмыслицей?

— Будь по-вашему... Только скажите мне сразу... — я чуть запнулся, — скажите прямо и откровенно: чего вы от меня добиваетесь?

— Курите?

Он щелкнул пальцем по дну пачки и поднес мне выбитую наполовину сигарету.

— Нет, благодарю.

— А я, с вашего разрешения, закурю. — Шмидт пустил длинную струю дыма. — Прямо и откровенно — согласен! Но, прежде чем мы приступим к прямому и откровенному разговору, я задам вам несколько вопросов. Вот, например, такой. — Он сосредоточенно смотрел в потолок, словно это помогало ему точнее сформулировать вопрос. — Вы хорошо помните обстоятельства, при которых подписали обязательство сотрудничать с латвийской политической полицией?

— Я вам уже сказал: меня вынудили. Я сделал это не добровольно.

— А точнее? Простите, что приходится влезать в такие неприятные вещи, но, поверьте, иначе нельзя.

— Меня захватили на квартире одного подпольщика. Там была засада... Я ничего не знал, зашел и попался. Ну и... меня взяли в оборот.

— Понятно.

— Я думал, этой первой бумажкой все и ограничится. Но потом они снова насели на меня...

— Ясно! Обычно так всегда и бывает. — Шмидт взял бумагу с моим «обязательством», пробежал глазами. — Тут вы пишете: «Начальнику отдела политической полиции господину Дузе». Он что, сам был в засаде?

И тут я сразу вспомнил. Как только Шмидт произнес фамилию Дузе, я мгновенно вспомнил эту привычку облизывать губы кончиком языка.

...Мы шли тогда с Мелнайсом мимо здания охраны на тихой, усаженной каштанами улице. У подъезда стоял черный легковой автомобиль с открытым брезентовым верхом. Распахнулась парадная дверь, вышел коренастый мужчина средних лет в спортивном клетчатом костюме. Шофер мгновенно сорвался со своего места за рулем и, обжевав машину, отворил дверцу, торопливо сдернув с головы кожаную кепку. Мужчина бросил на нас с Мелнайсом беглый незаинтересованный взгляд, боком полез на сиденье. При этом он, словно дразнясь, показал нам язык.

Шофер бегом возвратился на место. Взревел мотор, автомобиль рванул по неровной булыжной мостовой, выкупав нас с Мелнайсом в клубах пыли и сизого газа.

«Запомни его!»

«Кто он?» — спросил я.

«Дузе. Начальник. Сволочь из сволочей».

Я тогда только начинал свой путь в комсомоле, а Мелнайс, несмотря на свои девятнадцать лет, был уже старым, закаленным подпольным бойцом.

«Не оглядывайся, — наставлял он меня. — Шагай себе прямо, а то еще засекут... Пьяница, печень у него больная. Губы сушит, он их вечно лижет, заметил?..»

Пьяница, больная печень, а прожил вон сколько! Ему сейчас, должно быть, за восемьдесят. И крепкий еще.

По нашим с Пеликаном разработкам живой Дузе не был предусмотрен. Тем не менее я решил не менять ничего. Кажется, на этом можно будет даже сыграть. Я его узнал и тем самым получил некоторые преимущества.

Шмидт терпеливо ждал моего ответа. Очевидно, он был уверен, что надломил меня, если не сломил окончательно, и не торопился, давая мне время доспеть и пасть к его ногам.

— Да, — наконец произнес я как бы через силу. — Сначала, правда, его не было. Но потом один из тех, кто сидел в засаде, позвонил в охранку, и он мигом примчался на машине.

— Вот как! Сам Дузе? Петерис Дузе? Вы не ошибаетесь?

— Я не помню, как его звали: Петерис, Янис или Андрис. Но Дузе. Начальник политической полиции нашего города.

— Можете его описать?

— Разумеется.

Я, делая вид, что припоминаю, стал называть характерные приметы Штейнерта. Высокий. Черноволосый. Лицо обезображено глубокими шрамами...

— Интересно! — Шмидт весело улыбался. — Господин Берзиньш, встаньте, пожалуйста.

Старик в кожанке, с шумом отодвинув кресло, поднялся. Значит, теперь он Берзиньш. А ведь именно на эту фамилию зарегистрирован черный «мерседес», который преследовал меня все эти дни.

— Похож? — спросил у меня Шмидт.
Я разыграл удивление:
— На кого?
— На Дузе, разумеется.
— Вы что — смеетесь? *
— Не похож?
— Нисколько!
— Приглядитесь внимательнее. Может быть, время его так изменило. Поседел, пополнел...

— Если это проверка, то ничего глупее придумать невозможно, господин Шмидт. Дузе намного выше, тут даже время бессильно что-либо изменить. И шрамы на лице — они тоже не исчезают со временем.

— А между тем господин Берзиньш носил прежде фамилию Дузе. Неужели мне придется представлять вас друг другу? Вы позабыли, что познакомились много лет назад? Это Арвид Ванаг, господин Дузе. Вы вербовали его перед войной.

— Нет! — затряс головой старый толстяк. — Нет! Я впервые его вижу.

Я тоже «возмутился»:

— Что за чепуха! Он вовсе не Дузе.

— Любопытно, очень любопытно! — Шмидт переводит пыливый взгляд со старика на меня. — Господа, кто же из вас, мягко говоря, лжет?

Но тут Дузе, облизнув губы, заговорил вновь.

— Есть одно объяснение, господин Шмидт. — Голос у него был старческий, хрипловатый, глухой. — Не знаю, к месту ли оно, но я обязан сказать. Ванаг очень точно описал моего заместителя Гуго Штейнерта. А у того было обыкновение в щекотливых ситуациях прикрываться моим именем. К сожалению, я узнал о его проделках слишком поздно.

— Вот как?.. Высокий? Черноволосый? Шрамы?

— Да, да! — подтвердил Дузе. — Все верно!

— Что ж, вероятно, так оно и есть... Вот видите, — обратился Шмидт ко мне, — у меня все-таки были известные основания для сомнений. Хорошо, что они не подтвердились.

Что-то мне не понравилось в его тоне. До неожиданного возникновения Дузе все шло гладко, как в тщательно отрепетированном спектакле. А теперь у меня возникло и стало быстро разрастаться ощущение неясной тревоги.

Да, пора кончать представление. Игра может закончиться слишком далеко.

— Я тоже рад, господин Шмидт. Больше того: счастлив заверить вас, что все эти бумаги не представляют абсолютно никакой ценности.

— Для вас?

— И для меня и для вас.

— А если документы все-таки всплывут в вашей стране? Москва ведь не верит ни словам, ни слезам.

— Мне поверит.

Он кивнул.

— Я так и думал.

— Приятно иметь дело с сообразительным человеком. Словом, господин Шмидт, по-моему, настало самое время расходиться по домам. Вам не остается ничего другого, как предъявить документ дорожной полиции и взять с меня штраф за езду без водительских прав или за превышение скорости и отпустить подобра-поздорову.

— Есть еще один вариант.

Его уверенная улыбка сбивала меня с толку. Он не играл, он действительно был в чем-то очень уверен.

— Устранить?

Шмидт, протестуя, вскинул руки:

— Что вы! За кого вы меня принимаете?

— Тогда что же?

— Я не теряю надежды договориться с вами.

— Боюсь, для этого у вас нет решительно никаких оснований... Скажите, я свободен?

— Как и каждый в этой благодатной стране.

— И могу идти?

— Ну разумеется! Простите, что пришлось украсть у вас столько времени.

Я встал.

— А полицейский у выхода?

— Ах да! Розенберг!

С дивана, торопливо погасив сигарету, поднялся долговязый, моих примерно лет человек. Одинокая жидкая подвитая прядка посреди лысины и склоненная набок голова придавали ему смешное сходство с цыпленком.

Розенберг — Розенбергс. Я вспомнил... Еще один при-зрак.

— Слушаю!

— Скажите, чтобы профессора пропустили.

— Слушаю! — Розенберг кашлянул в кулак и еще сильнее склонил голову набок. Сходство с цыпленком усугублял крошечный носик посреди одутловатых щек, более уместный для младенца, чем для мужчины солидного возраста и габаритов. — Пожалуйста, пройдемте, — скользнул он по мне взглядом.

— Хотя нет! — передумал Шмидт. — Доведите его сами до ближайшей остановки такси и посадите в машину. Желая всего хорошего, профессор!

— Прощайте.

Сопровождаемый долговязым господином цыплячьего вида, я прошел через всю комнату. Я не верил, я все еще не верил. Даже когда дошел до двери. Даже когда взялся за литую бронзовую ручку.

Шмидт окликнул меня, когда я уже шагнул в прихожую и полицейский, дежуривший у входа, стал возиться с замком.

Впрочем, называть его теперь полицейским можно было лишь чисто условно. Он успел сменить униформу на неприметный штатский костюм.

— Одну минуту, профессор. Вас, кажется, в этой поездке сопровождает дочь?

Дочь?

Инга?

Вот когда мне стало по-настоящему страшно!

ПУТИ И СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

переплетаются иной раз самым необъяснимым и неожиданным образом. Астроном Джеймс Джинс как-то сказал:

«Все в мире взаимосвязано. На земле ребенок роняет из колыбели погремушку, а уже волны от этого движения бегут в космическом пространстве и через тысячи лет отзовутся на тысячах светил». Не знаю, как там насчет космоса, но что касается людских взаимоотношений, то здесь я целиком и полностью разделяю мнение ученого.

Недобросовестный связист опоздал с отправкой срочной телеграммы, а на другом конце планеты из-за этого возникла беда... Кто-то не поленился сдать в бюро находок подобранную в метро копеечную записную книжку с одним-единственным адресом — и потерявшиеся во время войны близкие люди вдруг вновь обрели друг друга...

Случайности? Стечение обстоятельств? Разумеется, не без этого. И все же, я убежден, в невероятно запутанном клубке из миллиардов совершенно не связанных между собой людских судеб тоже есть свои неизученные еще закономерности. Добрые побуждения всегда влекут за собой добро — ну, может быть, за очень редкими исключениями, допускаю. А вот поступки, совершенные из алчности, корыстолюбия, злобы, обязательно тащат за собой цепь неприятностей для самых разных людей.

Казалось бы, какое отношение ко всем злоключениям, которые пришлось испытать мне и Инге, мог иметь старый рыбак с Курземского побережья Латвии по фамилии Лайвинь? Совершенно незнакомый человек; я даже не подозревал о его существовании. И тем не менее к нашим бедам он имел самое непосредственное отношение.

О Лайвине я узнал значительно позже описываемых здесь событий. Случилось так, что один знакомый рижский филателист увидел у меня беззубцовые стандартные марки буржуазной Латвии — те самые, купленные в венской лавчонке, — и назвал эту фамилию. Ему было мало что известно: так, случайные обрывки сообщенных кем-то сведений, то ли правда, то ли ни на чем не основанные слухи. Но меня его рассказ сразу насторожил. Я обратился к своему старому другу Виктору Клепикову — теперь уже пенсионеру.

Виктор навел справки. Оказалось, фамилия Лайвина в прошлом проходила по одному небезынтересному делу, и его показания были записаны на магнитофонную пленку.

Мы прослушали ее вместе с Виктором. Да, чуть меня не обмануло. Лайвинь оказался причастным к нашей венской эпопее.

— Давай еще раз прокрутим пленку, — попросил я Виктора. — Мне хотелось бы, с твоего разрешения, сделать кое-какие выписки.

— Зачем? — пожал плечами Виктор. — У тебя ведь есть кассетный магнитофон. Возьми да перепиши ее.

— А можно? Я ведь не просто себе на память.

— Ну и что? Дело давным-давно сдано в архив, самого Лайвина тоже уже нет в живых. А история поучительная, пусть о ней узнает побольше людей. Ну, в крайнем случае, опустим кое-какие необязательные детали...

Вот так и появилась здесь нижеследующая магнитофонная запись.

...Да, звать меня Кристап Лайвинь, это точно, с самого, можно сказать, рождения. И отца тоже Кристапом звали. Так что Кристап, сын Кристапа, Лайвинь... Нет, это по-русски Кристап Кристопович. А у нас, у латышей, отчество не в ходу. Просто Кристап. Или гражданин Лайвинь. Или, когда очень уж надо отца помянуть, Кристап, сын Кристапа.

Кто я по роду занятий?.. Рыбак. Прирожденный рыбак. Сын рыбака, сам рыбак и отец рыбаков.

Предпринимательская деятельность?.. Нет, не занимался... Ах, вот оно что — коптильня! Да какая ж это предпринимательская деятельность — простая никудышная коптильня!.. Да, было дело. Оборудовал я как-то в прежние времена рыбокоптильню в сарае. Два сезона проработала — и прикрыл. Самому мне с ней не управиться было, работников нанимать — накладно. А сыновья не захотели. Так что не вышло из меня фабриканта. А вы говорите — предпринимательская деятельность!

За что, за что, вы сказали, я могу быть привлечен к ответственности?.. Ах, за дачу ложных показаний? Нет, нет, я всю правду скажу. Зачем же мне врать? Я и в молодости никогда никому не лгал. И ни к чему мне теперь, старому, белоголовому, позориться.

Где, говорите, мне расписаться надо? Вот здесь, в правом уголке?.. Только уж простите, ради бога, я и писать-то не больно умею, распись и та вроде кочерги. В наше время ведь как грамоте обучали? Вот тебе «а», вот тебе «зет» — и катись со школьной скамьи прямо в морские просторы. Да и школа-то была — смех сказать! Жалкая конуренка на задах лавки Меркеля.

Что, что, вы сказали, мне предъявляете?.. Ах, сундучок этот. Нет, вы еще слово такое чудное употребили... Во-во — опознание! А что это такое?.. Узнаю ли я сундучок? Да как же мне не узнать? Мы с ним, почитай, с самой войны знакомы. Славная вещица, ручная работа, теперь таких давно уже не делают. Вот эту застежку видите? Я ее сам приклепал, отвалилась было... Правда, это уже не в войну было, много позднее.

Как сундучок оказался у Яниса Вецманиса? Да очень просто: продал я его Янке. Просил пятьдесят, да разве с него столько возьмешь? Прижимистый, старый черт! За двадцать пять сговорились, а десятку тут же вместе с ним и пропили. У нас ведь, у рыбаков, без горячительного

никак. Никакая роба не спасет. Это ж только в бездумной песенке так поется:

*Море стонет и ревет,
А рыбак вперед плывет...*

Мол, знай себе плывет — только и делов. А попробуй поплыви, когда вода и под тобой, и над тобой, и сам ты тоже весь в соленой воде. Как килька в соусе.

К тому ж артельное дело! То сшивка невода, то расшивка — как тут без выпивки?

Откуда сундучок у меня взялся? И подробнее?.. А я и сам хочу подробнее. Бегом тут никак нельзя, это целая история. Полжизни, можно сказать!

Осенью это было. Сентябрь стоял. Или октябрь. Пожалуй, даже октябрь. Уже большой норд-ост вовсю надувал, а он обычно с середины октября по-настоящему берется за дело.

Русские тогда прорвались на нашем фронте сразу в двух местах — на севере и на юге. Фашисты заметались посредине, как рыба в неводе.

Еще можно было в море ходить: салака в наших местах не переводится чуть ли не до самых морозов. Но боязно. Не только на земле пальба — на море тоже. Катера, подводные лодки, всякая прочая пакость. Остаются, пришьют шпионаж — и только поминай как звали. Вольдемар Грива из Лиепов вот так и сгинул ни за что ни про что. А какой он шпион! Рыбак, как и я, как и все прочие.

А то еще мины. Плавают, проклятые, по всему морю, наподобие здоровенных ежей. Днем, в спокойную погоду, еще ничего. А под вечер? Или в шторм? Вынырнет такая вот штука у самого карбаса — и амины!

Так вот, в какой-то день октября сорок четвертого сидим мы, рыбаки, у лавки Меркеля и молча посасываем свои трубки. Клуба у нас в ту пору и в помине не было, вот у лавки и собирались. И нам удобно: все не в остервеневшем доме. И Меркелю выгодно: кто ж утерпит день просидеть и ничего у него в лавке не взять?

Сидим, попыхиваем. Толкуем, так сказать. Один произнесет слово, другой через десяток минут второе.

Глядим, пронесется мимо нас, по улицам поселка, немецкий персоненваген — легковая, по-нашему, машина. Приметная такая, длинная, что твоя трехвеселка. Впереди,

где мотор, толстенные никелированные змеевики. А брезентовая будка над сиденьем всего на двоих. И ревет, как ветер в открытом море при семи баллах. На таких машинах только большие немецкие начальники разъезжали. Раньше в наших глухих приморских местах их и видом не видали, все больше на шоссейках. Но когда русские все главные пути перекрыли, некуда было им деваться, оставались только прибрежные ухабистые дороги.

Ну, машина проревела, а мы сидим, дальше толкуем. Молчим, ждем, кто первый скажет: не пора ли, мол, ребята, к Меркелю за бутылочкой? С первого у нас больше полагается, за почин. Поэтому каждый старается выждать.

И как раз в это время, в самый, можно сказать, волнующий момент, когда вот-вот кто-то не выдержит, прибегает соседская девчонка, Айна. Босиком, в драной отцовской шерстяной фуфайке ниже колен.

— Иди скорей, дядя Кристап! Там тебя немецкий начальник кличет.

— Какой еще начальник?

— Да кто его знает! Который на машине прикатил. «Беги, говорит, зови мне сейчас же Кристапа Лайвиня».

— Так я же по-ихнему не могу!

— Он по-латышски знает.

Пошел я, куда деваться? Иду, а сам про себя соображаю: не иначе как от Кристапа моего весть. Только вот какая? Доброго от него я уже и ждать перестал...

Кто такой Кристап, спрашиваете?

Да сын мой, средний. Это у нас в семье обычай такой: второй сын обязательно Кристап. И я второй, и отец мой вторым был, и дед. Считается — к счастью. Только что-то не очень похоже. И отец горе хлебал, что морскую воду, и я счастья не видел, и Кристап мой тоже.

А всего у меня трое сыновей было. Старший, Ант, по рыбацкому делу пошел. Крепкий парень, в меня. Двадцати одного еще не было, когда он мне сказал: «Двоим орлам в одном гнезде не ужиться, двоим рыбакам в одной лодке не ходить».

По правде сказать, у нас с Антоном из-за той самой рыбкоптильни разлад возник. Не захотел он в коптильщики, вопреки моей отцовской воле не захотел. «Я, говорит, рыбак, мне вольное море подавай, а не твой сарай чадный». Так и не пошел! Нанялся в соседний поселок на карбас

к рыбацкой вдове. Думал на свою лодку заработать, а заработал себе холодную могилу. Взяло его море в жестокий шторм.

Ну, про Кристапа я уже сказал и еще скажу. А младшенький у меня с самого начала никудышный был, малахольный. Гнил он отчего-то, изнутри гнил. В пятнадцать годков слег и не поднялся больше, стоял как свечечка. Тогда не знали еще толком, что это такое. Теперь говорят — белокровие.

Не зря, видно, придумали это люди: пришла беда — отворяй ворота. Мне пришлось отворять их в тот год дважды. Первый раз — когда младшенького на дюны выносили. Второй раз — когда хоронили Ильзу. Не пережила она потери двух сыновей.

Остались мы вдвоем с Кристапом.

Кристап с виду ладный рыбак. И здоровенный, и краснощекий, и работать может, если возьмется. Другая беда: пристрастился к зеленому зелью. Причем как нальется, так буйствовать. Никакого с ним сладу! Втроем, вчетвером пеленали. Силищи у него, у дьявола, как у быка.

Ну и угодил в каталажку!

В советское время это уже было, до войны, в первый год новой власти. Полез пьяный Кристап на Янку Милтиня. А того у нас в поселке как раз милиционером назначили.

Дали год за хулиганство. Спасибо еще Янке, промолчал на суде, что нож из руки Кристапа вышиб. А то бы так дешево тому не отделаться.

Выпустили Кристапа уже при немцах. Заявился в поселок как герой. «Я, говорит, этого большевика Милтиня — по политическим мотивам».

Какая там политика! Вранье все это! Он, как налижется, всегда в драку лез. Даже на меня, отца своего, и то руку поднимал.

Пошел Кристап служить к немцам, в полицию. Не у нас, в Ригу подался. И больше я от него вестей не имел. Слухи — те доходили. Но путанные и разные. Кто говорил: лютует Кристап. Кто наоборот: людей выручает. Кто третье: хлещет, сукин сын, водку, как воду, и ни до чего больше ему дела нет!

Я-то сам больше к последнему склоняюсь. Никакой он не лиходея, никакой не доброхот. Просто горький пьяница.

Так вот, иду я к этому немецкому начальнику, что на персоненвагене к нам прикатил, а сам думаю: не иначе, как о Кристапе весть принес. Только вот какую?

Подошел к дому, а тот мне навстречу. Фетровая шляпа, господское пальто, а из-под него фашистская форма.

— Добрый день, господин Лайвинь! Верно Кристап мне описал: три дома в поселке под черепицей. Первый от дороги — артельщика Кундзиня, второй, у молельни, — лавочника Меркеля. А третий — отцовский, с краю, у самого Янтарного моря. Забыл только Кристап сказать, что от черепицы-то вашей одно название осталось: вся битая-перебитая.

— Давным-давно еще крыл, — говорю. — В том году, когда рыба сама мои сети по всему Янтарному морю искала. С тех пор только и делаю, что латаю.

— Фамилия моя Розенберг, Эвальд Розенберг — будем знакомы! Ваш сын Кристап служит под моим началом.

— Как он там? — спрашиваю осторожно.

— Ничего, ничего... Привет вам передает.

Пригласил я этого Розенберга в дом. Уселись, как полагается, за стол. Он сходил к машине, две бутылки «Дзидрайса» приволок.

— Позовите, — говорю, — своего шофера. Пусть погрееется человек. Вон на улице стынь какая.

Смеется:

— А я и есть мой шофер. Придется, видно, себе за двоих наливать.

Ну, думаю, что-то тут не так. Не в обычае немецких офицеров в одиночку по нашим приморским дорогам раскатывать. Но молчу. Он ко мне приехал, значит, что-то ему от меня надо. Пусть и высказывается.

А он и о том, и о сем. Только об одном молчок: что его ко мне привело.

Не за тем же ехал, чтобы мне привет от Кристапа передать! Да и о нем ничего толком сказано не было.

Словом, сидели мы с ним до самой темноты. Все больше молчали да кряхтели. Он без конца в окошко глядел и, как мне сдается, ждал, пока тьма сгустится. А потом и говорит:

— А я к вам с делом приехал, дядюшка Кристап. Так я к нему в родичи попал!

Я молчу! Пусть выскажется.

Хочу у вас вещь одну на время припрятать. Сами видите, какая обстановка сложная складывается. Русские жмут, немцы драпают, латыши мечутся туда-сюда. А вы, я знаю, человек честный, не подведете. Да и рассчитываюсь я с вами щедро.

— Только не оружие! — говорю. — Оружие я ни за какие деньги не спрячу!

Смеется:

— Нет, не оружие. Не оружие и не золото тоже. Просто бумаги. Дорогие мне бумаги. Не могу я за собой их больше по военным дорогам таскать. А кончится смутное время — сам за ними вернусь.

Я согласился. Рассудил: бумаги можно, бумаги не оружие. Тем более, что он обещал хорошо заплатить и даже задаток оставил: снял с руки дорогие часы с браслетом и отдал мне. У нас в поселке такие часы даже самому лавочнику Меркелю не снились.

Позвал он меня с собой к машине. Открыл багажник и вытащил оттуда сундучок... Да, да, этот самый! Вот тогда я его и увидел впервые.

Перенесли мы сундучок в дом, там он его при мне открыл. Видно, нарочно, чтобы я своими глазами убедился: никакого золота или денег там нет, а есть, как он и говорил, одни только бумаги. И еще портфель — хороший желтый кожаный портфель с ключиком. И в портфеле тоже бумаги. Только цветные. Наподобие тех, в которые карамельки завертывают. Но не разрезанные, а целыми листами.

— Ну вот, передаю в ваши честные руки, дядюшка Кристап.

Вытащил бумажник, из него — немецкую банкноту в десять марок. Я еще подумал: неужто он мне эту ерунду в добавление к часам сунет?

Но он вдруг порвал десятку пополам. У меня глаза на лоб: это еще зачем так?

— Не удивляйтесь, дядюшка Кристап. Если я сам почему-либо приехать за сундучком не смогу, пришлю верного человека с половиной этой купюры. Другая половина останется у вас; вы уж запрячьте ее получше. Сложите вместе. Если место разрыва сойдется, значит, все в порядке. Человек действительно от меня, и можете смело отдавать ему сундучок. Он с вами рассчитается сполна. А больше — никому!

Вместе с ним мы перетащили сундучок на чердак, запрятали в укромном уголке, завалили тряпьем.

В ту же ночь Розенберг отбыл...

Всю зиму доколачивали фашистов на нашем побережье. А поздней весной пошли рыбаки на первую послевоенную путину. Теперь уже можно было не бояться ни военных катеров, ни подводных лодок. Вот только мины долго еще по всему морю носило. Как заприметишь в волнах черную макушку проклятую, так весь потом и обливаешься. А ее, как нарочно, все ближе и ближе подбивает...

В тот год, когда буйный зюйд-вест погнал к нашим берегам небывалую воду и лагуна за дюнами слилась с морем, окружив поселок, как остров, в тот нелегкий год получил я последнюю весточку от Кристапа. И каковую!

Вечером, возвратясь от соседей домой, я застал возле ворот женщину. В одной руке у нее был узелок, другой она держала мальчонку лет шести.

— Вы Кристап Лайвинь?

— Ну, я.

— Вот, держите, здесь его добро. — Она передала мне узелок. — Обними деда, Юрис!

Мальчонка словно только этой команды и ждал. Подбежал ко мне и лобызнул в щетину.

Я растерялся. Какое добро? Какой дед?

Оказалось — в самом деле внук!

Женщина эта прижила с моим Кристапом сына. Сам Кристап ушел в конце войны в леса, к зеленым или как их еще, да там в гнилых болотах и сгинул. А она собралась на Дальний Север, на заработки. Вот и решила подкинуть сынишку мне.

Сказала: на два-три месяца. Как только там приживется, так за ним и явится. А сама исчезла навсегда. Больше никогда я ее не видел.

Не скажу, чтобы я сильно горевал или там возмущался. Надоело мне до смерти это одинокое мое житье. Ведь в доме ни живой души, даже собаки больше не заводил с тех пор, как сдох старый Альдис. А тут все-таки ребенок. Внук!

Мальчонка оказался смышленным, но шкодливым. Сколько он у меня рыболовных снастей из клетки перетаскал, сколько игличек, которыми сети сшивают, для

своих стрел перепортил! Лазил повсюду, ничего от него не спрячешь, ничего не укроешь.

А в школу пошел, посыпались на него жалобы. Не учится, дерется, малышам прохода не дает, учителям каверзы всякие строит. И никакие слова на него не действовали. Одно только признавал: порку хребтиной. Выпорешь — два-три дня как шелковый. А потом опять за свое.

А однажды — это уже, наверное, по пятому его школьному году было — заявляется ко мне его учительница. Молоденькая, стеснительная. Городская — из Риги.

— Товарищ Лайвинь, мне надо с вами серьезно поговорить.

Я сразу смекнул:

— Опять Юрка?

Кивает.

— Подрался? Окно вышиб?

— Нет. Совсем другое. Он бумажки цветные в школу носит, ребятам на перышки сменяет.

— А что — не полагается?

— Вообще-то можно, другие тоже носят, и картинки, и фантики. Но на этих — герб фашистской Латвии. Неприятности могут быть. Тем более, говорили мне на почте, ваш Юрис письмо сдавал — тоже с фашистскими марками.

Юрка как раз тогда во все концы письма гонял, все разыскивал свою сбежавшую мамашу.

— Ладно, учительница, я разберусь. Хорошо, что сказали.

Она ушла, а я стал думать. Марки, цветные бумажки... Может, тоже фантики? Но откуда вдруг Юрка столько фантиков раздобыл? Конфетами я его не балую.

И вдруг меня словно стукнуло. Ну да! Сундучок! Там портфель — и в портфеле цветные бумажки целыми листами!

Значит, Юрка уже и до чужого сундучка добрался!

Слазил я на чердак, посмотрел. Все верно: раскинуты тряпки, стоит сундучок голеный. Лазил, негодник! Да и вот, тут же рядом, изрезанный лист.

Пока Юрки не было дома, сволок я сундучок в клеть, зарыл там в землю по крышку. Аккуратно присыпал сверху, завалил старыми, прогнившими, откуда уже не годными сетями — они расплзались под руками.

А Юрке устроил хорошую порку. Он был пароходной сиреной. Но не спросил за что. Сам знал, стервец!

Еще сколько-то времени прошло — год ли, два ли, сейчас разве вспомнишь? Опять кличут меня соседи:

— Иди, Кристап, там тебя городской дожидается... Что-то зачистили к тебе за последние годы. То в войну какой-то барин на пыхтелке наведывался, то сына твоего полюбовница с подарочком. То вот теперь этот ферт...

Он и впрямь фертом оказался. Плащик заграничный, штанишки дудочкой. Как раз тогда узкие брюки верх над широкими да круглыми взяли. Даже у нас в поселке молодые по ним словно умом тронулись. А этот... Старый уже, сивый весь, а поди ж ты, тоже от моды не отстаёт.

Я сначала прикинул про себя: так, пустое, никчемный человек! Конторщик либо по торговой части. Наверное, насчет угрей или лососей. Думают в Риге, что у нас их здесь завал. А он мне вдруг конверт предъявляет:

— Вы отправляли?

У меня сердце в пятки. Неужели из милиции? Выходит, права была учительница. Сейчас Юркины грехи мне боком выйдут.

— Не-е,— трясую головой,— не я!

— Ну как же! — доказывает. — Обратный адрес ведь ваш.

— Так его любой и каждый нацарапать может. Скажите мне свой адрес, я его на письме надпишу, а вы потом долго разбираться будете.

— Меня не само письмо, меня эти марки на нем интересуют. Вот!

— Да разве ж то марки, почтеннейший? Фантики это. Марки — они ведь с зубчиками.

— Не все. Бывают и вот такие, отрезные... А вы подумайте, вспомните. Я бы за них хорошую цену дал.

Виджу: нет, не милицкий человек. Отлегло от души.

— А зачем они вам? В дело все равно их не пустишь. На почте ругаются — говорят, давно уже вышел их срок.

— А я как раз коллекционирую старые марки.

— Что с ними делаете?

— Коллекционирую. Ну, собираю.

— А зачем?

— Как вам объяснить? Любитель, для ублажения души. И потому готов вам за них хорошо заплатить.

— Нет, нет! Нету у меня ничего!

— Подумайте!

Мы на кухне беседуем, а Юрка вдруг из соседней комнаты выскакивает — он, оказывается, убежал с занятий и дрыхнул там на постели.

— Ничего ты, — говорит, — не знаешь, старый! Есть у меня еще пять листов этих картинок. Вот! — И показывает, дьяволенок. — Сколько дадите?

У того аж руки затряслись.

— Десятку за лист.

— Мало! Двадцать давай!

Он и на двадцать согласен. Десять штук красненьких на стол выложил. Надо же: такую кучу денег за никчемные бумажки отвалить!

— Я бы еще взял. Может, найдете?

— Нет у меня, кому сказано! — Я не сдержался, грохнул кулаком по столу. — Что этот сорванец запрятал, то вот у него и осталось. А все остальное я в море утопил.

Он не поверил.

— Ну, на случай, если все же выплывут, вы меня по воскресеньям с утра во Дворце культуры завода ВЭФ поищите. Пурнис моя фамилия, Фабиан Пурнис. Там спросите, вам каждый меня укажет...

И опять потекло времечко, как вода сквозь сито. Давно ли Юрка пацаном по соседским огородам шkodил, а уже и с ножичком похаживать стал. К водке пристрастился. Как налакается, так ко мне:

— Говори, старый, куда сундук дел?

А разве ж я скажу? Чужое ведь!

Влип Юрка. Ограбил с друзьями магазин сельпо в соседнем поселке. Потом рассорились, кто-то донес. И загремел в далекие края. И опять: ни письма, ни весточки. Видать, клятый я. Все, которые от меня уходили, назад уже больше не возвращались. Кто в белый свет, кто в могилу.

Вот так и жил я, одиноко и тоскливо, как старая щука.

Выезжал ли куда?.. Да что вы, черту своего поселка я, наверное, сто лет не переступал!.. Видели меня в Риге?.. Кто видел? Какие люди?.. А, да-да, вспомнил! Раз как-то выезжал, забыл совсем. Надо же было хоть разок перед

смертью на столицу во всей ее красе поглядеть... Что делал?.. Да так. Бродил без толку по улицам, в зоопарк зачем-то, старый дурень, поперся... Где?.. Во Дворце культуры ВЭФ?.. Так вам и это известно? Ну, ходил я туда, ходил. Что было, то было, чего зря отрицать. Один только единственный раз. Что, думаю, бумажкам этим в сундучке без толку валяться? Хозяин-то сколько лет о себе вестей не подает. Истлеют ведь. Так не правильнее ли будет услужить тем людям, которые ими душу свою ублажают? Тому же Фабиану Пурнису, например... Что?.. Ну да, да, ему бумажки, а мне самому деньги; они ведь никогда не лишние.

Только ничего из этой затеи все равно не вышло, вот почему я вам сразу и рассказывать не стал. Чего, думаю, растрезвонивать по пустякам?

Первый же человек во дворце, у кого я спросил о Пурнисе, как оглянется в тревоге по сторонам да как замашет руками:

— Вы про него лучше забудьте!

Оказалось, посадили Пурниса. За спекуляцию иностранной валютой. Даром что ферг. Даром что дудочки модные, что заграничный плащ.

И хорошо! Потому что вскоре хозяин сундучка объявился. Какими бы глазами я на него смотрел, если бы отыскал тогда Пурниса во дворце? Словом, повезло мне, что его упекли. Вот и выходит, как ни крути: одному гадость, другому радость!

Дело было весной. Море уже, словно старую шубу, сбросило ледяную чешую. Рыбаки наши готовились к путине. По всему побережью стоял густой смолистый запах: была самая пора конопатить усохшие за зиму лодки.

Как они у меня в доме оказались — сам до сих пор не пойму. Ни машины не слышно было, ни моторки, а электричка от нас за десять верст, вряд ли они оттуда пешком топали. Верно, насторожился я поначалу: во дворе вроде как мерзлый песок хрупнул. А потом опять успокоился. Нет, померещилось. Никто ко мне не ходит!..

И вдруг смотрю: в комнате они оба. Розенберг и второй, незнакомый. А ведь двери, запоры... Как духи загробные!

— Ну, — говорит Розенберг, — дядюшка Кристап, принимайте гостей!

Я его сразу узнал, хоть и постарел он и облез.

— Как там мой сундучок?

Притащил я сундучок из клетки. Розенберг мне помогал, все оглядывался, твердил, чтобы я потише. Да и второй тоже головой во все стороны покручивал. Показалось мне, что он, а не Розенберг, из них двоих главный. Правда, говорил со мной Розенберг, а тот все больше помалкивал. Да и вроде не знал он латышского. А между собой они на каком-то чужом языке изъяснялись. Что?.. Нет, не на немецком. По-немецки я хоть и не говорю, но слегка разбираюсь. Какой-то другой язык. Может, шведский, может, английский. Или какой еще, не скажу. Только не немецкий.

Как сундучок открыли, Розенберг сразу за портфелем сунулся. Я обмер в тревоге: сейчас, сейчас увидит, что листы там не все!

Но он считать не стал. Просто посмотрел. И очень уж обрадовался. Еще бы! Там, наверное, все двести листов было, не меньше. А ну-ка если за каждый по две красненьких!

А второй больше папками интересовался. Листал их, просматривал, разделял на две кучки. Потом сложил ту, что побольше, обратно в сундук, а другую к себе в портфель. Черный, забавный такой, наподобие плоского ящичка.

Розенберг рассчитался со мной по чести. Три сотни на стол выложил. Для меня, старика, деньги не малые.

А потом говорит:

— Теперь, дядюшка Кристап, в море. Лодка ваша уже на берегу, мы смотрели.

— Какое такое сейчас море, господа хорошие! Темень — хоть глаз выколи! Да и запрещено по ночам в море ходить.

— Ничего! — смеется Розенберг. — Давно сказано: запретный плод сладок. Словом, будете сундучок в море хоронить по высшему разряду. А это вам на поминки.

И еще сотню к тем тремстам приложил.

А второй тем временем отнес сундучок вместе со всеми бумагами, что после разбора остались, в лодку, нагрузил камнями, закрыл на застёжки.

— С богом, дядюшка Кристап. Только глядите — поглубже. А мы пока здесь постоим.

Ничего не попишешь, пришлось мне браться за весла. Да если бы я по своей воле в лодку не пошел, они бы меня все равно силой заставили — это уж как пить дать! Или — того хуже! — уколошили бы и пустили ко дну вместе с сундучком.

Ну и поплыл. А они на берегу ждать остались.

Жутко ночью в море. Плывешь будто в разинутую пасть. Куда править? Куда грести? Ни зги не видать.

Отплыл сколько-то от берега, перевалил сундучок за борт — только ухнуло! И давай скорей грести обратно. В поту весь, дышу, как загнанный пес.

И зря! Потому что в спешке направление потерял. Куда гребу? К берегу или, наоборот, на погибель, в открытое море? Ведь и на льдину так, в темноте, наткнуться недолго, бок пропороть.

Пришлось бросить весла и дожидаться рассвета — до него уже недалеко было.

А как только стало брезжить, я увидел сундучок. Совсем недалеко. Он держался на воде вверх днищем — уцепился за здоровенную корягу. Застежка порвалась, камни из него высыпались, раскисшие бумаги качались рядом на воде. Видать, я все время в темноте вокруг него кружил.

Ну, думаю, не пропадать же добру, раз уж так вышло. Привязал к сундучку бечеву — она у рыбака всегда с собой в лодке, — затем зачерпнул в него воды, утопил, чтобы те двое не увидели. И давай потихоньку грести к берегу.

А их уж там и в помине нет! Ни Розенберга, ни второго. Как ночью из тьмы возникли, так во тьму и сгинули.

Ну и хорошо! Раз их нет, сундучок теперь, выходит, ничей. Значит — мой.

А потом Вецманис, старый черт, увидел его у меня и давай выманивать. Я взял да и продал сдуру, не устоял. Пятьдесят рублей попросил, он двадцать пять на стол выложил. Недорого, верно? Двадцать пять рублей за такую вещь, я считаю, почти даром. Тем более, что десятка тут же пошла на обмыв, а уж Вецманис из тех, что и каплю свою не упустит!

Вот у Вецманиса вы сундучок при обыске и нашли... Да, этот самый. И застежка та, которую я сменил.

А что, разве нельзя было мне его продавать?..

ПАУЗА

затянулась. Шмидт смолк, поглядывая на меня выжидающе. Молчал и я.

— Профессор!

— Слушаю вас, господин Шмидт.

— А у меня как раз обратное впечатление: вы меня совершенно не слушаете. Возьмите же себя в руки! Такой мужественный человек, как вы...

— Хотел бы я посмотреть на вас, если бы речь шла не о моей, а о вашей дочери.

Шмидт сразу подобрал губы, сомкнул их в плотную линию. Он так старался быть мягким, так деликатничал. Ни разу за все время с тех пор, как я вернулся в комнату, даже не назвал имени Инги.

— У меня, к сожалению, нет ни дочери, ни вообще семьи. — Он лицемерно вздохнул. — И все же я могу вас понять, чисто умозрительно, разумеется. Но в любом случае человек должен уметь и проигрывать. Впрочем, еще неизвестно, как и чем обернется для вас этот так называемый проигрыш. То, что сегодня представляется невыносимым, завтра уже вполне терпимо. А послезавтра вдруг начинаешь понимать выгодность своего нового положения. Кое-что вы потеряете, разумеется, но не останетесь и без приобретений — это я вам гарантирую. Любой журнал будет счастлив заполучить вас в сотрудники, любой университет на Западе с радостью предоставит вам кафедру...

Шмидт говорил, говорил, не сводя с меня своих маленьких пытливых глаз. Возможно, это был особый прием воздействия на психику, своего рода гипноз.

Мы были с ним вдвоем. От него, разумеется, не ускользнул жадный взгляд, который, возвратившись из прихожей, я бросил на массивную продолговатую стеклянную пепельницу на столе, стоявшую ближе ко мне, чем к нему. Тем не менее он не только не передвинул пепельницу, но, вроде бы даже вопреки здравому смыслу, довольно бесцеремонно выдворил из комнаты своих статистов, всех до одного.

А затем предложил мне совершить предательство. Спокойно, деловито, как будто речь шла о какой-то совершенно обычной рядовой сделке.

Завтра, в десять часов утра, когда в зале старой

резиденции соберутся люди слушать мою лекцию о Советской Прибалтике, я должен буду публично порвать с Советским Союзом и попросить политического убежища.

Ставка в этой игре была невероятно высокой: жизнь моей Инги.

Если я откажусь принять их условие — ничего ее не спасет.

Пойду на предательство — Инга будет жива.

Мне приходилось попадать в тяжелейшие ситуации: и в подполье, и, особенно, на фронте, в разведывательной роте. Не раз и не два гибель казалась неотвратимой.

Но все это ни в какое сравнение не могло идти с тем капканом, в котором я оказался сейчас. Я знал этих людей: спасти Ингу можно было лишь ценой предательства. Предать же я не сумел бы ни за что на свете.

— У вас нет другого выхода.

Нет выхода?

Какой-то момент жизни Шмидта грозила серьезнейшая опасность. Отдавал ли он себе отчет, что я могу наделать с помощью увесистой пепельницы? Если Шмидт рассчитывал на пистолет, который, несомненно, лежал у него где-нибудь под рукой, может быть в приоткрытом ящике стола, то это было ошибкой. Скорее всего, он не успел бы даже к нему потянуться.

И все-таки Шмидт свой расчет строил не на пистолете, а, по всей вероятности, совсем на другом: на моем чувстве благодарности. Конечно, он шел при этом на известный риск, но таковой уж была его профессия.

Риск Шмидта оправдался. Вспышка слепой ярости, затмевающей рассудок, продолжалась всего мгновение. Кулаки самопроизвольно сжались — и тотчас же разжались, подчиняясь приказу рассудка. Да, я раскрою ему череп. Да, я справлюсь еще с одним из числа тех, кто примчится ему на помощь, возможно даже с двумя. Но всех их мне все равно не одолеть. Что тогда будет с Ингой?

Игра теперь шла по сценарию, предложенному Шмидтом, и мне было невероятно трудно, держа чувства в кулаке, угадывать все зигзаги и повороты сюжета.

Впрочем, скорее всего, он тоже не был автором сценария, а только исполнителем. Умным, волевым, напористым. Но все равно исполнителем, как и все остальные собравшиеся здесь, в этой квартире с зачехленной ме-

белью. Мышцы есть мышцы, а мозг есть мозг. И даже самый развитый, самый натренированный мускул никогда не будет в состоянии управлять телом.

Самое главное, мне никак нельзя поддаваться чувству гнева и ненависти. С ними нужно драться иначе — холодно, трезво, расчетливо. И неправда, что положение мое безвыходное. Выхода нет только тогда, когда человек опускает руки и признает себя побежденным. Тогда нет выхода даже в сравнительно несложных ситуациях. А пока он борется, всегда сохраняется надежда на спасение.

Надежда — это ведь так немало...

— Можно продолжать, профессор?

— Разве я могу сказать вам «нет»? Я у вас в капкане, как заяц.

Он только усмехнулся, выразительно поглядев при этом на пепельницу:

— Ну, на зайца-то вы меньше всего похожи! Но я рад, что кризис миновал и здравый смысл победил. Поздравляю вас — и себя тоже! Фу... Посмотрите, я весь взмок, и вовсе не от жары... Итак, есть два варианта вашего завтрашнего выступления...

Увы, как выяснилось из дальнейшего, это были лишь разные варианты одного и того же предательства.

— Вариант номер один, — продолжал Шмидт. — Вы публично заявляете о своем несогласии с национальной политикой Советского Союза. Ваша родина Латвия, как и другие республики Прибалтики, изнывает под игом насильственной русификации. Коммунист, в прошлом боровшийся в подполье за установление Советской власти в Латвии, вы теперь пришли к окончательному выводу, что ваши прежние убеждения глубоко ошибочны. Только самостоятельная государственность, только принцип национализма — вот что может спасти латышский народ. Борьбе за претворение в жизнь этих принципов, борьбе за исправление вреда, причиненного вашей прежней многолетней деятельностью в качестве ученого-марксиста, вы и посвятите отныне всю свою дальнейшую жизнь в эмиграции. Ну и так далее.

Второй вариант, предложенный Шмидтом, был менее прямолинеен и потому гораздо более коварен, чем первый.

— На долготлетнем опыте изучения истории рабочего движения во многих странах вы открыли, что марксизм никогда не был чем-то однородным, одинаковым, для всех

народов. Попытки Коммунистической партии Советского Союза навязать свое понимание марксизма есть не что иное, как скрытое выражение агрессивности Советского государства, где идеология марксизма поставлена на службу задаче подчинить себе весь мир. На самом же деле,— продолжал рассуждать Шмидт, внимательно следя за моей реакцией,— все обстоит совсем иначе. Вы, как ученый-коммунист, пришли к твердому убеждению, что марксизм может существовать во многих формах. Он — явление не объективное, а субъективное, зависимое от людей, от их национальных особенностей, от устройства их психики. Есть, например, марксизм китайский, со всеми вытекающими последствиями из присущего этому народу образа мышления. Есть марксизм советский, марксизм западный. Есть даже марксизм, который исповедуют члены левых террористических групп на Западе, и он тоже имеет такое же право на существование, как и другие виды марксизма. Все марксистские концепции могут свободно развиваться и пропагандироваться, их нельзя навязывать силой. Трагедия вашей маленькой латвийской родины как раз в том и состоит, что после присоединения к СССР ей был навязан советский марксизм, в то время как по своему духу латышам гораздо ближе марксизм западный, с его ярко выраженным тяготением к демократическим свободам, а не к диктатуре и принуждению.

Да, вначале я, совершенно очевидно, недооценивал Шмидта и тех, кто стоял за его спиной. Они вели крупную игру.

Шмидт не стал скрывать, что второй вариант его устраивал больше первого. Коммунист-подпольщик, ученый-марксист, который, не отказываясь от своих идейных убеждений, тем не менее решительно порывает с Советским Союзом,— такой поворот, по его мнению, должен получить колоссальный резонанс.

— Не буду делать тайны из того, что ваши бывшие соотечественники,— Шмидт указал при этом головой на соседнюю комнату, куда он выпроводил статистов,— они настаивают на первом варианте. Вы им здорово насолитесь своими историческими исследованиями, и они хотят таким образом нейтрализовать их воздействие на публику. Но вам совершенно не обязательно с ними считаться. Я оставляю выбор за вами. И вообще в принципе возможны и другие варианты. Например, права человека и их

нарушения в Советском Союзе. Например, отсутствие свободы вероисповедания. Мне важен лишь конечный результат: не согласен, заявляю во всеуслышание, прошу политического убежища. Это — главное условие!

Завтра в десять утра... В моем распоряжении оставались неполные сутки. Удастся ли сделать что-нибудь за такое короткое время?

— Вы все молчите, профессор? Хуже всего, когда человек молчит. Молчание — это первый признак смерти,— мрачно пошутил он.— А я вовсе не хочу, чтобы вы умерли. И еще больше мне жаль вашу дочь.

— Вы охотник, господин Шмидт?

— В переносном смысле?

— В самом прямом.

— Нет. Можно сказать, нет. Разве что в далекой молодости... А почему вы вдруг спросили?

— Были бы вы охотником, знали бы тогда, что нельзя торопить зверя, попавшего в капкан. Первое время он опасен и безрассуден. Нужно обождать, пока зверь не привыкнет к своему новому положению. Тогда его можно брать голыми руками.

Нет, перехитрить его мне не удалось. Он прекрасно понял, чего я добиваюсь, и рассмеялся:

— Спасибо за совет. И все-таки я хотел бы как можно скорее услышать ваше мнение по поводу всего сказанного. Уж слишком мало времени для приручения зверя — лекцию мы переносить не станем.

Я кивнул: глупо было надеяться на отсрочку.

Да, времени оставалось мало, очень мало...

— И еще вопрос, господин Шмидт.

— Пожалуйста, пожалуйста! Сколько угодно.

— Куда вы ее дели?

Он не понял. Или сделал вид, что не понимает.

— Кого?

— Ингу. Мою дочь. Я смогу ее увидеть?

— Нет ничего легче. Когда вы хотели бы ее видеть?

— Сейчас.

— Ах, сейчас? Одну минуту. Фреди! — крикнул он.— Фреди!

Из соседней комнаты расхлябанной походкой вошел скуластый блондин с сонными глазами цвета илистой болотной жижи. За все время он один из всей собравшейся здесь теплой компании не проронил ни слова.

— Фреди! Профессор хотел бы видеть свою дочь...

Как?! Неужели они и ее доставили сюда?

— Ну! Давайте же, давайте!

Тот либо не очень хорошо понимал по-немецки, либо до него доходило долго.

— А! — коротко произнес он наконец.

Подошел к буфету, сдернул мешковину с какого-то ящика, словно случайно поставленного здесь, по соседству со старинными бронзовыми часами под стеклянным колпаком.

Ящик оказался четырехсекционным телевизором с маленькими, с книжку, экранчиками. Щелкнул тумблер включения, сонный блондин повертел какие-то рычажки. Один из экранов засветился мягким мигающим голубоватым светом.

И сразу же я увидел Ингу. Она стояла возле окна нашей венской квартиры на улице Марка Аврелия и поливала цветы. Камера была установлена в дверях балкона напротив; по низу экрана проходил витой край замысловатого ограждения из кованого чугуна.

На этом балконе, выходящем во двор, как и окна нашей квартиры, каждое утро появлялся улыбчивый молодой человек с гантелями. Он вежливо кланялся нам с Ингой и принимался за гимнастические упражнения.

— Славная девушка! — сказал Шмидт, разглядывая не очень четкое изображение. — И старательная. Ни минуты без дела. То убирается, то стирает, то, вот как сейчас, поливает цветы. Вы воспитали хорошую дочь, примите мои поздравления.

Объектив приблизил изображение. Инга улыбалась и махала рукой — видимо, с балкона или из окна ее приветствовали.

Сейчас Инга была видна ясно и отчетливо. Такой она казалась тоненькой, такой беззащитной! Я, содрогнувшись, подумал, что вот так же, ничего не подозревая, она могла бы улыбаться и наведенному оптическому прицелу снайперской винтовки с тонким черным перекрестьем в самой середине.

Может быть, в нее уже целились, прикидывая, куда удобнее стрелять...

Фреди что-то покрутил на цоколе аппарата, экран погас. Но сразу вспыхнул другой, повыше. Он показывал Ингу в профиль. Объектив телекамеры помещался, по-

видимому, где-то совсем рядом с ней, скорее всего в кабинете нашей квартиры; там стоял книжный шкаф во всю стену.

— Все! — зло крикнул, словно выстрелил, Шмидт: Фреди явно допустил промах, демаскировав еще одну камеру. — Все! Выключите! Спасибо, хватит!

И, дождавшись, когда Фреди выйдет из комнаты, снова обратился ко мне:

— Еще вопросы?

— Хм! — Усмешка у меня вышла очень горькой. — Какие еще могут быть вопросы, господин Шмидт.

— А ответ?

Я тяжело вздохнул:

— У вас, вы сказали, нет семьи. Но и вам, наверное, нетрудно представить себе, каково отцу лишиться такой вот девочки. И я не хочу ее лишиться.

— Это и есть ваш ответ?

— Неужели вы ожидали другого?

— Да, да! — Он сочувственно закивал. — Знаете, чем отличается западный человек от восточного? В нем нет крайнего фанатизма. Я еще понимаю Муция Сцеволу: можно из-за принципа пойти на то, чтобы потерять руку. В конце концов, у человека их две. Больше того: сделав над собой некоторое насилие, можно понять, когда человек при определенных обстоятельствах лишает себя жизни. Но жертвовать жизнью своего ребенка в угоду каким-то ложно понятым принципам?! Нет, как знаете, но тут уже начинается Азия... Я рассчитывал, профессор, что уж на это вы не пойдете, и рад, что не ошибся... А теперь — к нашим дальнейшим делам.

Условия, которые он мне ставил, были жесткими и не оставляли надежд. Сейчас меня отправят домой, к дочери. Выйти оттуда без их разрешения ни я, ни она не имеем права. Связываться с кем бы то ни было по телефону — тоже нет. Завтра в половине десятого, после телефонной команды, я должен буду выйти из дому и, ни на сантиметр не отклоняясь от маршрута, дойти пешком до здания на Випплингерштрассе, где должна состояться лекция, — ровно четыре минуты неторопливым размеренным шагом. Затем подняться на второй этаж, туда, где находятся служебные комнаты, примыкающие к залу. Там меня будут ждать.

— Режим жесткий. Чрезвычайно жесткий! — подчерк-

нул Шмидт.— Малейшее нарушение, и... Мне не хотелось бы говорить о последствиях. Вы сами все хорошо понимаете.

— А если позвонят мне? Или, скажем, кто-нибудь возьмет да и подойдет на улице? Разве можно предвидеть?

— Ведите себя так, как подскажут обстоятельства. Но постоянно помните при этом: нарушен уговор или нет, определяем мы. Опять-таки со всеми опасными для вас и вашей дочери последствиями.

— И я буду все время находиться под вашим контролем?

— Разумеется! И дома, и на улице, и в зале. Это неприятно, я понимаю. Но необходимо. Не так-то просто будет свыкнуться с мыслью, что никакого другого выхода у вас нет. А мысль о постоянном наблюдении поможет вам справиться с опасными эмоциями. И еще одно: не пытайтесь обратиться за помощью к австрийским властям.

— У вас могут быть неприятности?

— Не исключено,— ответил он спокойно.— Но они ни в какое сравнение не пойдут с вашими: вы лишитесь дочери.

Да, взяли они меня мертвой хваткой!

— А объяснить ей ситуацию я имею право?

— Ни в коем случае! Это самый безрассудный возраст. Придется вам держать ее в рамках, ничего не объясняя, своей родительской властью. И мне, право, было бы очень-очень жаль, если с ней...

У меня дернулась щека. Он заметил.

— Вам неприятно, когда я говорю о вашей дочери?

— Мне неприятно ваше лицемерие. «Было бы очень жаль»... Ничего и никого вам не жаль!

— Это не лицемерие. Я и в самом деле не имею ничего ни против вас, ни, тем более, против нее. Такое симпатичное, юное, невинное существо...

Он не потребовал от меня никаких расписок, никаких обязательств, никаких записей на ленту.

Впрочем, я тут же сообразил, что весь наш разговор, от начала и до конца, конечно же, фиксируется магнитофоном.

Шмидт любезно проводил меня к выходу, сам распахнул дверь, как перед высоким гостем:

— Все будет хорошо, профессор!

Он оказался намного ниже, чем можно было предположить, видя его только в кресле. Верхняя часть туловища была у Шмидта несоразмерно больше нижней. Не помогали и ботинки на очень высоких, почти женских каблуках. Они лишь подчеркивали это уродливое несоответствие.

Меня снова на миг захлестнуло бешеное желание ударить его изо всех сил сцепленными кистями.

Но я понимал: бесполезно! Дело не в нем.

Хорошо еще, что, прощаясь, он не вздумал протянуть мне руки для дружеского пожатия...

Со мной отправились трое: Фреды, Розенберг и старый Дузе, массивный и неповоротливый, как бегемот. Квартира имела еще и второй выход, на парадную лестницу, приведшую нас совсем на другую улицу, параллельную той, где помещался полицейский участок.

Я получил возможность увидеть изнутри так хорошо знакомый мне «мерседес». Впереди, рядом с водителем, поместился беспрерывно пыхтевший и отдувавшийся Дузе — духота последних дней сгустилась сегодня еще больше и была почти осязаемой, как вода. Фреды и Розенберг устроились на заднем сиденье по обе стороны от меня — вероятно, чтобы загородить мне путь к дверцам.

Как будто я мог сбежать от них, бросив Ингу на произвол судьбы!

За рулем сидел дюжий ярко-рыжий, веснушчатый детина, косившийся на меня сбоку. В его взгляде одновременно прочитывались ненависть и любопытство. Чем-то он напоминал Дузе. Громоздкостью своей, что ли? Неужели сын?

Правил он мастерски, держась все время более свободной середины улицы и почти не снижая скорости на поворотах.

Никто не произносил ни слова. Лишь старый Дузе побряхтывал на переднем сиденье, вытирая носовым платком обильный пот с лица и багрово-красной шеи.

Ударил гром — тучи уже давно угрожающе висели над городом. И сразу стеной хлынул настоящий тропический ливень. Рыжий включил стеклоочистители, но они не справлялись. Все исказилось в ветровом стекле, как в кривом зеркале, разъехалось, размазалось, потеряло четкую форму.

Гроза бушевала. С деревьев летели листья, ветки, обламывались целые большие сучья. Кузов сотрясали удары сильного бокового ветра, машину сбивало с пути. Никак не вязалось это слепое стихийное буйство с обликом четко распланированного, разлинованного, вылизанного до блеска современного города.

Инга никогда не боялась грозы, даже совсем маленькая. Ее подружки с испуганными криками разбегались по подъездам после первых же, еще далеких раскатов. А она смеется, подставляя лицо водяным струям, прыгает, поет:

«Дождик, дождик, пуще!
Будет травка гуще...»

Вообще она была смелой девчонкой, ни перед чем не испытывала страха. Даже сильной боли не боялась. И терпеть умела. Как-то подарил я ей детский трехколесный велосипед. Она тут же вытащила его на улицу, обновлять. Но вскоре вернулась, волоча велосипед.

«Что случилось, Инга?»

«Ничего».

«Почему ты не катаешься?»

«Так. Надоело».

Ночью она постанывала во сне, беспокойно ворочалась, все укладывала поудобнее левую руку. Я посмотрел внимательно: выше локтя рука основательно вспухла.

Утром я повел Ингу в детскую поликлинику. Врач-травматолог озабоченно ощупал руку:

«Болит?»

«Нет», — отвечала Инга, сводя брови.

«А так?»

«Тоже нет».

«Сейчас же на рентген!» — скомандовал врач.

Оказалось — перелом. Не трещина, не надлом — настоящий перелом левого предплечья. Инга неудачно упала вместе со своим новым велосипедом и сломала руку.

«У вас поразительная дочь, — покачал головой врач, рассматривая рентгеновский снимок. — Я впервые встречаю такого терпеливого ребенка».

Поразительная дочь...

«Мерседес» вырвался из потока машин, зажатых в переулке, на просторное бульварное кольцо. Большие электронные часы показывали половину третьего. Через полчаса библиотекарь общества «Восток — Запад» Отто

Гербигер придет на свидание со мной к «Трем топорам». Он долго будет меня дожидаться. А потом позвонит: «Почему вы не пришли, господин профессор? Я вас так ждал».

А может быть, не придет и не позвонит...

Гроза прекратилась так же внезапно, как и началась. Ожили пустынные улицы. По обочинам стремительно неслись мутные ручьи. На перекрестке длинноволосые ребята в плавках, смеясь, переносили через потоки дождевой воды визжащих девиц.

Мы стали у светофора. Что-то неладное делалось с неоновой рекламой на крыше углового здания. Саженные буквы то вспыхивали в беспорядке, то гасли.

«Пушкин» — только для истинных мужчин!»

Подобная же неоновая реклама высилась на современном высотном доме неподалеку от нас. Инга при виде ее постоянно выходила из себя:

— Это же кошунство — назвать водку именем великого поэта! «Чистите зубы витаминизированной зубной пастой «Эрнест Хемингуэй»!», «Употребляйте туалетную бумагу «Жорж Санд»!» Самое настоящее варварство!

«Пушкин» — только для истинных мужчин!»

«Пушкин» только для...»

На этот раз буквы, составляющие последние два слова, вообще не загорелись. Что-то громко треснуло на всю улицу, с крыши на тротуар посыпался сноп искр. Прохожие в испуге шарахнулись в стороны.

— Капут! — Дузе хмыкнул и облизнул губы. — Короткое замыкание!..

У нашего дома на улице Марка Аврелия прохожих почти не было. Двое промокших до нитки агентов — один в воротах у подъезда, другой напротив, в дверях магазина трикотажных изделий — прямо-таки бросались в глаза даже непосвященному человеку. Они делали вид, что укрываются от дождя, хотя теперь им уже было все равно, а с неба падали лишь редкие капли.

Фреди вышел на тротуар, открыл дверцу, пропустил меня. Все другие остались в машине, повернув ко мне головы разом, как по команде. Я сунул руку в карман и тут же вспомнил, что ключ от подъезда остался в куртке, уложенной в чемодан. С собой у меня был лишь ключ от квартиры.

Я подошел к дощечке с номерами квартир и фамилия-

ми жильцов. Но нажать кнопку домашнего телефона мне не дали — Фреди удержал мою руку.

— Нет! — сказал он и добавил, показав ключ: — Есть!

Он отпер подъезд своим ключом и пошел следом за мной. Сначала в лифт, затем на площадку. Не собирается ли он войти вместе со мной в квартиру?

Я сунул ключ в замочную скважину. Он упорно не влезал, что-то ему мешало. И вдруг дверь распахнулась. Инга!

Я обернулся. Фреди исчез, словно растворился в полутме лестничной клетки.

— Что с замком? — спросил я, едва справляясь с желанием схватить ее и прижать к груди. — Ключ почему-то не идет.

— Он правильно делает! — весело отозвалась Инга. — С другой стороны замка вставлен мой ключ, и двоим им здесь просто нечего делать.

— Зачем же? Там щеколда.

— В том-то и вся штука! Испортилось что-то. Щеколда даже не шевелится. И снаружи и изнутри замок открывается только ключом... Что ты так долго?.. Я уже думала — тебя упрятали за решетку и пора звонить в посольство.

— Упрятать не упрятали, а ждать заставили. Да еще и объяснение писать. У них тут такие строгости!.. Наше ГАИ просто благотворительная организация.

— Да, вид у тебя какой-то помятый. — Она окинула меня критическим взглядом. — Есть хочешь? В наличии имеются дебреценские сосиски. И еще я сварила суп из пакетика.

— Поем... Чем ты занимаешься?

— Убираюсь, пылесосю.

— Идти никуда не собираешься?

— Если позднее, вечером. Тут пыли скопилось — откуда только берется?

Я помыл в ванной руки, лицо, пошел на кухню.

— Может, остыло? — Инга в кабинете шуровала пылесосной щеткой. — Могу подогреть.

— Нет, в самый раз.

Есть не хотелось. Я заставил себя проглотить несколько ложек пресной жидкой лапши, разжевал жирную, ярко-красную от обилия перца сосиску.

— Ты ничего не спрашиваешь о дяде Вальтере, — донеслось до меня из кабинета сквозь завывание пылесоса. — Как раз перед самым твоим приходом позвонила Эллен — она уже вернулась домой из клиники.

— И что же с ним?

— Пока еще ничего не известно — капитальное обследование начнется только завтра. Но Эллен к нему в палату не пустили, и она очень-очень беспокоится.

— Но хоть что-нибудь сказали?

— Предполагают, что нервное. Ему закатали здоровенный шприц успокаивающего... Давай, отец, сходим вечером к Эллен.

— Посмотрим, — ответил я неопределенно. — У меня самого не все ладно с головой.

— Что такое? — Инга тотчас же выросла в дверном проеме. Волосы убраны под платок, вырядилась в какую-то невероятную хозяйскую хламиду. — Только этого еще не хватало для полного комплекта!

— Ничего особенного. Разболелась в полиции. Наверное, от грозы.

— А ты выпей таблетку анальгина и ложись...

В спальне Инга уже убралась. На окне негромко гудел вентилятор, нагоняя с улицы влажный после грозы воздух. Я лежал на мягком поролоновом матрасе, ощущая на лице свежий ветерок.

Время шло. Медленно, но неотвратно. Секунда за секундой, минута за минутой...

Надо найти выход! Для Инги и для себя.

Прежде всего для Инги. Сам я как-нибудь выберусь. Я знаю по крайней мере, откуда и чего мне ждать. У меня есть опыт, у меня больше шансов выкарабкаться.

Бледный отсвет ярких неоновых огней уже начал мерно пульсировать на теневой стене дома во дворе.

«Пушкин» — только для истинных мужчин!»

Но Инга...

Она ни о чем не подозревает. Она совершенно беззащитна.

Одному не управиться. Нужна помощь. Я знаю многих людей, которые могли бы мне помочь. Но как добраться до них? Как добраться — вот в чем вопрос!

Прежде всего, разумеется, товарищи из советского посольства. Они наверняка энергично вмешаются, подключат австрийские органы.

Но... Уж этот-то вариант Шмидт и его люди не могли не предвидеть! Может быть, именно в тот момент, когда у двери дома взвизгнут тормоза полицейских автомашин, в квартире через двор сипловато пискнет карманное радио. По нашим окнам заскользит оптический прицел, негромко щелкнет спусковой крючок снайперской винтовки.

И моей Инги не станет...

Зачем мне такая «победа»?

Зачем мне тогда весь белый свет?

Нет! Нужен какой-то совершенно неожиданный ход! Такой, который они не могли бы рассчитать даже на вычислительной машине!

Квартира превратилась в настоящую мышеловку. Четыре зарешеченных стены.

Телефон?

Он прослушивается — это же ясно! Они прослушивают здесь все — и у нас и у соседей. С помощью современных технических средств это совсем не трудно.

И просматривают тоже. На приемном аппарате четыре экрана. Один — от камеры в квартиру через двор. Она позволяет им видеть все, что делается у нас в кабинете и в гостиной. И на кухне тоже — там, правда, жалюзи, но что-то случилось с механизмом, они не опускаются. Случайность? Ну нет, теперь уже, после всего, что я знаю, глупо верить в какую бы то ни было случайность.

Второй объектив показал Ингу в профиль. Он наверняка установлен в кабинете. Судя по углу наклона камеры, в чугунном украшении над книжной полкой.

Третий — в прихожей. Его назначение теперь совершенно понятно. Это недреманное око следит за тем, чтобы я не выскользнул из мышеловки через дверь на лестницу.

А четвертая камера? Где она установлена?

Здесь? В спальне?.. Я с трудом одолел желание осмотреться по сторонам.

Скорее всего, именно здесь. Спальня — единственная комната, за которой нельзя наблюдать из квартиры напротив. Мешает выступ стены. К тому же — шторы. В любой момент можно подойти к ним и задернуть.

И еще одно — в спальне стеклянная дверь. Через нее, если соответствующим образом расположить объектив, легко просматривается большая часть коридора.

Да, здесь. Вверху в оконной стене лепной бордюр.

Ничего не составляет спрятать в нем миниатюрный стеклянный глазок.

Электрическое питание, разумеется, подведено к камерам заранее. Да, работы тут было немало! К нашему вселению готовились основательно. И загодя!

Капкан расставлялся умело, предусмотрительно, со знанием дела.

Знали, значит, знали...

Стоп, об этом пока не надо! Позже, потом...

Выход! Найти выход!

Была бы хоть тоненькая ниточка, за которую зацепиться.

Должна же быть ниточка!

«Пушкин» — только для истинных мужчин!»

«Капут! — сказал этот жирный старик с полуидиотическим смешком. — Короткое замыкание!»

Короткое замыкание...

А ведь передающие телекамеры тоже работают на электричестве. Если добраться до источника питания, то можно их ослепить. Все сразу. Они тогда лишатся глаз.

Щиток находится тут же, на кухне... Нет, так не годится. Они сразу же поймут — и конец.

А если замкнуть там, внизу, в подвале?..

Но туда не добраться. Мне не выйти из квартиры. Глазок телекамеры против двери стережет меня бдительнее, чем самый свирепый цепной пес. Он тотчас же воспроизведет на одном из экранчиков мой уход. И пока я буду в подвале, они расправятся с Ингой.

Вот если ослепить камеру на короткий миг. Будто случайно. На один миг, чтобы успеть отворить и затворить снова дверь.

Разыграть представление? Самое главное, чтобы они ничего не заподозрили. Иначе...

Подключить Ингу?

Выдержат ли у девочки нервы? Одно дело — стойко переносить боль. Другое... Ей ведь никогда не приходилось ползти ночью, припадая к земле, под белыми шупальцами прожекторов, по верху окопов, набитых фашистами.

«...Только для истинных мужчин!..»

Но ведь была, была однажды ночь, когда и я полз впервые! В маскхалате, по снегу, отдающему отвратительным запахом горелого металла...

Да, я тоже не начинал ни со второго раза, ни с третьего, ни с четвертого. У всех все сначала бывает впервые. Второй и третий раз всегда следуют за первым.

Если все-таки постелее потянуть за эту мою ниточку? И размотать весь клубок?..

Целых три часа пролежал я в мучительных раздумьях. Намечал комбинации, прорабатывал их в уме. Разбивал вдребезги. Начинал сызнава, опять отыскивал слабое звено.

Все вертелось вокруг короткого замыкания.

Наконец вырисовалось что-то стоящее.

Риск, конечно, был. И значительный. Но когда на карту поставлена жизнь, не рисковать нельзя. Главное, чтобы риск не выходил за рамки разумного. Скажем, пятьдесят на пятьдесят. Один шанс из двух.

В моих расчетах так примерно и выходило. Причем большую часть риска я принимал на себя, давая возможность Инге выйти из жизнеопасной зоны.

«...Только для истинных мужчин...»

К тому же еще я и отец...

Я снова и снова мысленно репетировал свой спасительный вариант.

Чисто умозрительно получалось неплохо. Даже не слишком много «если». Понятно, на долю везения тоже кое-что приходилось. Но без везения нельзя и улицу пройти на зеленый свет. Вдруг выскочит из-за угла какой-нибудь ошалелый водитель.

«Не повезло», — скажут люди.

И все-таки этот вариант нравился мне все больше и больше. Не просто бежать без оглядки, не просто спастись во что бы то ни стало, а еще и по ним удар нанести...

Только бы что-то не проглядеть! Только бы не упустить из виду какую-нибудь роковую мелочь!

А ну-ка еще раз все по порядку, шаг за шагом, обстоятельно и терпеливо.

Инга несколько раз на цыпочках наведывалась в спальню. Но глаза у меня были закрыты, и она, постояв возле кровати, так же неслышно уходила.

Я потянулся, зевнул сладко, имитируя пробуждение.

— Инга!

Она появилась моментально, будто стояла в ожидании рядом, у двери спальни.

— Проснулся? Ну как, голова еще болит?

— Нет, теперь все в порядке.

— Пойдем к Эллен? Половина седьмого.

— Боюсь, не успеть. Мне еще много писать.

— У-у...

— Завтра у меня выступление — ты забыла?

— Ах да!..

Я уселся за письменный стол в кабинете. Стекланный глаз, конечно, зафиксировал, что я начал писать. Но подсмотреть он не мог. Бумагу загораживала моя спина.

«Доченька! Я угодил в капкан, и без твоей помощи мне не выбраться. В квартире установлены подслушивающие устройства и телекамеры. Свободны от них лишь ванная, туалет, кладовая и часть коридора до двери спальни. Прочитай внимательно и спрячь. Вот что ты должна сделать...»

Письмо получилось подробным и длинным. Но это был единственный выход. Сказать ей я ничего не мог. Даже на латышском — они наверняка учитывали такую возможность.

Подсунул я письмо в ванной — Инга отправилась туда замачивать белье.

Она подняла на меня изумленные глаза, но спросить ничего не успела — я предостерегающе поднес палец к губам.

Затем, пока она читала, я расхаживал по квартире — пусть почаще переключают камеры, наблюдая за мной. Это их будет отвлекать от Инги.

— Инга, где мои желтые носки?

— Посмотри в чемодане, — доносилось из ванной сквозь шум льющейся воды.

Я перерывал весь чемодан.

— Нет их здесь.

— Ох, прости, я забыла. Они уже на полке в шкафу.

Я шел в спальню и смотрел на полках.

Наконец Инга появилась из ванной. Разрумянилась, глаза блестя. Кажется, ей даже понравилось — приключение! Стала спиной к камере — я указал в письме их точное расположение. Подмигнула: мол, все поняла.

— Отец, надеюсь, ты ничего не имеешь против, если я ненадолго слиняю.

— Куда еще?

— Да вот, прошвырнусь с твоего милостивого разрешения по близлежащим тропкам, — сказала она в своей

ехидно-вежливой манере в полном соответствии с моей письменной инструкцией.

— Никуда ты не пойдешь! — торопливо отрезал я.

— Начинается! — сразу вскипела Инга. — Неужели ты ни на минуту не можешь забыть о своих родительских прерогативах!

Ее возмущение было на удивление искренним; впрочем, подобные словесные баталии происходили у нас с ней довольно часто, и моя милая доченька в них изрядно поднаторела.

— А не можешь ли ты хоть на минуту вспомнить об обязанностях дочери? — достойно отпарировал я. — Или тебе совершенно безразлично, здоров ли твой отец, болен ли.

— Но ведь ты сам сказал, что все прошло.

— Ну, если угодно, то только для того, чтобы тебя успокоить.

— Ах так!.. Хорошо, я остаюсь. Только, пожалуйста, не надо аплодисментов!

Инга сердито протопала в кабинет каблучками своих босоножек и забралась там в кресло, закрыв лицо «Бурдой» — так назывался западногерманский журнал мод, который она усердно изучала в свободное от беготни по венским улицам время.

Теперь мне предстояло привести в порядок старый телефонный аппарат, брошенный хозяевами на полку в кладовой, отыскать отвертку и еще кое-что по мелочам. Времени было достаточно.

Инга продолжала мусолить свою «Бурду».

Около девяти вечера я пошел в ванную и открыл кран. Предварительно продефилировал на виду у камер в хозяйском, чуть коротковатом для меня купальном халате.

Шум воды послужил для Инги условным сигналом. Она тут же возникла у двери ванной.

— Ты что, задумал купаться?

— С твоего милостивого разрешения.

— Значит, я могу считать себя свободной?

— Отнюдь! Подстрахуешь меня. Мало ли что может случиться в воде с больным человеком.

Инга фыркнула недовольно и отправилась в прихожую глядеться в захламленное зеркало — опять же в точном соответствии с моей инструкцией.

Сейчас она «заметит» глазок телекамеры.

— Ой! — услышал я, и тут же по коридору простучали каблучки: Инга побежала в кладовку за стремянкой.

— Что ты там?

— В прихожей на стене, у самого потолка, что-то сверкает.

— Перестань! — Симулировать встревоженность оказалось совсем нетрудно: со времени нашей милой беседы со Шмидтом мои нервы были натянуты, как тугая тетива. — Не надо, слышишь!

— А мне интересно.

— Ну что за детские выдумки! Бриллиант, замурованный в стенку, да?

— Может, и бриллиант. Вот посмотрю и узнаю.

— Перестань, я запрещаю!

Но она уже взбиралась по стремянке.

Наступал решающий момент. Я, пригнувшись, чтобы не попасть в поле зрения телекамеры, установленной в спальне, с сумкой в руке прокрался к прихожей.

— Прекрати сейчас же, кому сказано!

— Стеклышко какое-то, — разочарованно сообщила Инга и вдруг, начав слезать, пошатнулась на ступеньке. — Ой!

Это был условленный сигнал.

Инга, хватаясь руками за стену, заслонила на секунду другую своей головой глазок объектива.

Я мигом проскользнул в дверь, одним движением наклеив на торец замка приготовленный заранее кусочек клейкой ленты. Теперь собачка не западет в гнездо и я смогу беспрепятственно, не прибегая к помощи ключа, возвратиться в квартиру.

На лестничной площадке было пусто. За дверью, что-то мурлыча, Инга возилась со стремянкой.

Удалось?

Или нет?

Но все равно назад хода уже не было.

Я сбежал по лестнице вниз, к подвалу. Никто мне не встретился. Войлочные домашние туфли глушили шаги.

Подвал заперт — время позднее. Но это не помеха. Я захватил с собой ключ.

Крышка кабельного телефонного шкафа отошла с ржавым скрежетом, как только я вставил в гнездо отвертку и легонько повернул.

У меня не было времени разбираться в густом перепле-

тении разноцветных проводков, да и вряд ли я сумел бы разобраться. Расчет был исключительно на зрительную память. Я хорошо запомнил две клеммы с левого края блока, к которым с помощью специальных «крокодильчиков» были присоединены концы контрольной трубки монтера с диском набирателя посередине. Он сказал тогда: «Господин из дома рядом». Это обстоятельство и привлекло меня больше всего. Маловероятно, чтобы они прослушивали телефоны не только у нас, но еще и в соседних домах.

В моем распоряжении никаких «крокодильчиков», разумеется, не было. Зато я разыскал в кладовке зажимы для штор и подсоединил их заранее к проводам телефонного аппарата. Оставалось только зацепить оба зажима. Но их крупные зубья то и дело соскакивали с клемм, пока я, наконец, не догадался прижать их покрепче плоскогубцами.

Покрутил диск. Теперь в соответствующей квартире телефонный аппарат должен был издать легкое дребезжание.

Я обождал немного. Трубки никто не поднимал. Неужели в квартире никого нет? Или спят и не слышат?

Плохо! Придется искать другую пару клемм, а это потребует времени. Да и найти не так просто в путанице проводов.

Снова крутанул диск. На этот раз послышался щелчок. Кто-то поднял трубку! Я услышал частое прерывистое дыхание.

— Здравствуйте,— я так и не дождался обязательного «алло!».— Прошу прощения, ваш номер тридцать три — девятнадцать — двести восемь? — спросил наугад.

— Нет, не двести восемь, а четыреста двадцать пять.— Голос был высокий и испуганный — не то женский, не то детский.— А вы кто такой?

— Монтер с телефонной станции.

— А я Мартин.

— Очень приятно, Мартин. Почему ты не спишь? Время позднее. Детям пора спать.

— Я сплю. Уже давно. Только уснуть никак не могу. Мне страшно! — вдруг признался мой невидимый собеседник.

— Ты один дома?

— Да.

— Где же взрослые?

— Мамми и паппи уехали на вокзал встречать бабушку. Она приезжает из Граца. Мы были у нее в гостях в прошлом месяце, а теперь она будет гостить у нас.

Малыш настроился на долгий разговор. В другое время я охотно поболтал бы с ним...

— Послушай, Мартин, тебе нечего бояться. Я рядом с тобой, на другом конце провода. Положи сейчас трубку, а я буду чинить телефон — он у вас плохо работает. Ты сейчас услышишь легкие звоночки — это значит, я занялся делом. Только трубку больше не поднимай, а то ты мне помешаешь. Договорились?

— Договорились.

— Спи спокойно! Придет бабушка, тебя разбудят.

— Не разбудят. Я спортсмен, у меня строгий режим, — сказал мальчуган грустно.

Ему явно не хотелось обратно в постель. Но я промолчал, и он положил трубку.

Итак, номер я знаю. Тридцать три — девятнадцать — четыреста двадцать пять.

Еще раз прикинул: может быть, все-таки лучше позвонить в посольство? Теперь я могу это сделать без особого риска быть услышанным. Дежурный поднимет на ноги ответственных работников, они сообщат австрийским властям. А дальше?

Дальше к дому, завывая сиренами, примчатся полицейские бобики — и тотчас же снайпер из квартиры напротив поведет прицельную стрельбу по нашим окнам. Или же их люди раньше полицейских проникнут в подъезд со двора — там по ночам паркуется целый табун машин.

И я потеряю Ингу.

Даже если товарищи из посольства решат сами приехать мне на помощь, ничего от этого не изменится. Людям Шмидта наверняка известны номера всех посольских машин. И как только они появятся возле дома...

Нет, нужно поступать так, как задумано.

И я присел на корточки возле кабельного ящика, зажал аппарат между колен и стал набирать длинную серию номеров — междугородный код я нашел в телефонном справочнике.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец в трубке щелкнуло, и сразу же раздалась протяжные гудки.

— Алло, вас слушают!

— Добрый вечер! — сказал я торопливо, словно нас могли в любой миг прервать. — Говорит профессор Арвид Ванаг...

Закончив разговор, я отсоединил аппарат, замкнул отверткой крышку ящика.

Теперь распределительный щит.

Открыть его оказалось делом не сложным — та же манипуляция отверткой.

Выключить в доме свет было еще проще: за крышкой с ухмыляющимся черепом и скрещенными костями находился крупногабаритный рубильник. Я чуть не поддался соблазну потянуть за черную эбонитовую рукоятку. Но тут же сообразил: нет, это легко и просто, но слишком уж опасно. Через пять—десять минут они явятся сюда и увидят, что электричество выключено преднамеренно. Не нужно задавать им таких легких загадок!

С помощью клещей и отвертки я замкнул оголенные медные клеммы внизу рубильника. Полыхнуло голубое пламя, раздался сильный треск. Отвертку вырвало из руки и отшвырнуло к противоположной стене.

Вот теперь пусть разбираются!

Не мешкая, я взлетел по темной лестнице — они могут прислать сюда своего человека с улицы.

Дом уже спал, тем не менее в некоторых квартирах слышались тревожные голоса. У мадам Фаундлер заливалась жиденьким лаем крохотная комнатная собачонка.

У нашей двери я задержался; нащупал клейкую ленту, содрал ее с замка. Все! Свое дело она сделала.

Инга со свечой в руке молча указывала мне на телефон. Значит, звонили.

Я тихонько прошел к ванной, прикрыл краны, из которых все еще плескала вода.

— Фу-у!

— С легким паром! — Инга вопросительно смотрела на меня, я успокаивающе кивнул. — Теперь ты, наконец, можешь позвонить?

— Теперь могу.

Я боялся сказать лишнее и сорваться. В мое отсутствие звонили, о чем-то говорили с Ингой, и мое одно неточное слово могло испортить все дело. Телекамеры ослеплены, но подслушивающие устройства от тока не зависят.

— Номер записан на газете, у телефона. Как ты там управился в ванной в такой темнотище?

— А я успел помыться еще до того, как погас свет. Оставалось только вытереться.

Номер телефона был незнакомый, но тоже начинался с цифр «тридцать три». Видно, штаб-квартира у них была где-то совсем близко. Может быть, в нашем доме. Уж не в квартире ли напротив, через двор?

Я бросил взгляд в окно. Там тоже было темно. Весь дом сидел без света. Лишь отблески неоновой рекламы с крыши соседнего здания скользили по стенам неясными цветными тенями. Зеленый, красный, синий... Опять зеленый, красный, синий...

Я набрал номер.

— Это Ваняг.

— Вы дома?

Голос Шмидта. Я узнал его по характерному акценту.

— Нет, звоню вам из уличного автомата.

Короткий смешок:

— Господин профессор снова обрел способность шутить?

— Вы просили позвонить.— Я держался официального тона.— Что вам угодно?

— Всего только успокоить вас: свет сейчас дадут. Случилась небольшая авария на линии. Так что не пытайтесь ничего предпринимать.

— Спасибо. Все?

— Да. Спокойной ночи!

Я положил трубку, нащупав непривычно длинные плечи рычага.

Проверка. И предупреждение. Они беспокоятся. Как бы я не ускользнул из мышеловки, пользуясь отсутствием света.

На лестничной площадке кто-то простуженно кашлянул.

Вероятно, один из тех двоих, попавших под ливень. Так ему и не дали возможности подсохнуть, бедняге. Что у них — туга с людьми?

Как я и предвидел, один из постов наблюдения был переведен на время с улицы сюда, к самой нашей двери.

Поздно, торжествовал я. Слишком поздно!

И тут же забеспокоился. А что, если пост останется здесь до утра?

СПАСИБО АЛЬМЕ,

крохотной собачке мадам Фаундлер!

Чужа незнакомому человеку, она пролаяла без перерыва целый час, отчаянно, самозабвенно, до визга, до хрипоты. Хлопали двери квартир, раздавались встревоженные возмущенные голоса. Как же, непорядок — чужой в доме!

И он убрался. Вероятно, получил соответствующее распоряжение по карманному радио.

Свет дали лишь в двенадцатом часу ночи — видно, я основательно повредил выход кабеля в распределительном щите.

Приготовившись к бессонной ночи, я лежал в спальне с открытыми глазами и думал о завтрашнем дне. Все решат первые минуты после начала моего выступления в лекционном зале старой резиденции.

Из соседней комнаты доносилось мерное и спокойное дыхание Инги. Спит... Если бы девочка знала о всей глупине опасности!

Около часа ночи, неожиданно для самого себя, я заснул. А когда проснулся, противоположная сторона дома через двор была вся уже залита солнцем. На балконе, как всегда по утрам, занимался гантелями симпатичный молодой человек. Он то и дело поглядывал в мою сторону и, стоило мне только приблизиться к раскрытому окну, вежливо поклонился, показав в улыбке ряд ровных белых зубов.

По квартире разнесся дразнящий запах кофе. Инга готовила завтрак. Я посмотрел на часы: шесть. Принял холодный душ, растерся до красноты мохнатым полотенцем.

День сегодня предстоял жаркий.

После семи раздался звонок. Не тоненькое дребезжание псевдоэдисоновского модерна, а солидный сигнал домашнего телефона.

Инга успела первой:

— Слушаю... Сейчас... Тебя, отец!

Это был Шмидт.

— Как спалось, профессор?

— Прекрасно,— ответил я.

— Рад за вас.

Сам-то он вряд ли сегодня сомкнул веки. Если только

на какой-нибудь часок. В кресле, перед своим телевизором с четырьмя экранами.

— Внизу, в подъезде, в вашем почтовом ящике лежит свежая утренняя газета. Можете за ней спуститься.

— Благодарю, как-нибудь позже.

— Интересные новости!

— Я уже слушал последние известия. Ничего особенного. Обычный беспокойный день обычного беспокойного мира.

— И все-таки посмотрите. В разделе происшествий. Я вам еще позвоню.

Он положил трубку.

— Куда ты? — Инга встревожилась, когда я, сбросив халат, стал переодеваться. — Ведь лекция только в десять.

— Вниз за газетой.

— Давай я сбегаю.

— Не надо. Лучше убери со стола.

Мадам Элизабет Фаундлер уже находилась на своем сторожевом посту за приоткрытой дверью:

— Доброе утро, господин...

— Ваняг.

— Да, да, совершенно верно, господин Ваняг. У меня ужасная память на иностранные фамилии. Да и на наши тоже. Я могу часами вспоминать какого-нибудь Кеннера или Треннера. Но это не старческий склероз, не подумайте! Это у меня с самой юности. Однажды был прелестный случай, когда я не смогла назвать отцу имени своего будущего жениха. Между тем его звали так просто: Генрих-Мария-Анна-Иоахим Фаундлер. — Она хихикнула. — Значит, вы уже вернулись? Надеюсь, путешествие было интересным? Слышали, что делалось в доме сегодня ночью? Полная темнота, крики, беготня, топот. Я думала, террористы взяли нас всех в заложники и требуют выкуп. Во всяком случае от меня им не досталось бы ни шиллинга! А бедная Альма! Она до сих пор лежит в нервном полуобмороке, кверху лапками. Куда вы собрались в таком виде? — Она критически оглядела мою тенниску.

— Только за газетами, мадам.

— О-о, как славно! Я вас тоже попрошу! Вот ключ от ящика. Мне должно быть письмо. Вас не затруднит, надеюсь?

— Пожалуйста!

Мои стражи были на своих постах. Я увидел их обоих сквозь стеклянную дверь подъезда. Сегодня дежурила первая пара: пожилой господин с тросточкой и черноволосый парень в джинсах. Только на этот раз он был без своей гитары. И солнцезащитные очки на нем были тоже другие, не так бросающиеся в глаза, обычные, поскромнее.

Вероятно, эти двое считаются у них наиболее надежными — недаром их поставили сюда на самое ответственное время.

Который из двоих поведет меня к старой резиденции, а который останется здесь, смотреть за Ингой?

В моем ящике лежал «Куир». Для мадам Фаундлер почты вообще не было.

— Нет, что вы скажете! — она театрально воздела к потолку руки. — Эти паршивцы не пишут мне уже третью неделю. Но ничего, я их вызову телеграммой на свои похороны!.. А для вас... мы с Альмой уже раскатали тесто.

— Простите?

— Штрудель!.. Мой штрудель — неужели вы забыли?..

Хроника происшествий была разбросана в этой газете по всем страницам. Я пробежал глазами заголовки.

«Вооруженное нападение на престарелого аптекаря».

«Двадцать семь часов под дулом пистолета».

«Ребенок выпал из окна третьего этажа: несчастный случай или преднамеренное убийство?»

«Водитель задушен ремнями безопасности».

«Гибель известного альпиниста под снежной лавиной».

Что имел в виду Шмидт? Зачем ему потребовалось, чтобы я посмотрел хронику происшествий?

А, вот еще: «Наезд на пешехода»...

Отто Гербигер?

Что такое?

Я быстро пробежал глазами мелкий газетный текст:

«Вчера около пятнадцати часов легковая автомашина, выскочившая по непонятной причине на тротуар улицы Зайлерштетте, напротив театра «Ронахер», сбила проходившего там в это время пожилого господина, который получил опасные для жизни травмы головы и грудной клетки. Водителю неопознанной машины удалось скрыться. Пострадавший в бессознательном состоянии

увезен «скорой помощью». В его карманах обнаружены документы на имя Отто Гербигера, библиотекаря».

Около трех... А наша встреча была назначена на три... Зайлерштетте находится совсем близко от Зингерштрассе.

Выходит, Гербигер был сбит машиной по пути к кабачку «Три топора».

Вот почему Шмидт добивался, чтобы я прочитал заметку! Отто Гербигер шел на встречу со мной — и раздавлен машиной. Вокруг меня создана мертвая зона. Я не должен питать никаких иллюзий. Мне остается одно: подчиниться неизбежности.

Если, конечно, я не хочу потерять Ингу...

Вскоре после половины десятого снова прозвучал сигнал внутреннего телефона.

— Профессор, пора! Все как условились: вы идете не спеша, прямо, никуда не сворачивая, ни с кем не заговаривая. Дочери ни звука! Убедите ее дожидаться вашего возвращения.

Я надел пиджак, взял документы.

Инга закапризничала. Ей тоже хотелось на лекцию.

— Нет! — отрезал я решительно. — Мне будет мешать твое присутствие в зале.

Она оскорбленно поджала губы.

Жарища стояла неимоверная. На небе ни единого перышка. От вчерашней грозы и следа не осталось — как будто она мне приснилась.

Я не спеша шагнул по теневой стороне по направлению к старой резиденции.

За мной сразу же потащился «хвост». Молодой, черноволосый, открыто, нисколько не таясь, на расстоянии всего какого-нибудь десятка шагов.

Весь путь занял несколько минут. Я прошел под арку, в ворота. Здесь еще сохранялись остатки предутренней прохлады. Дышалось после уличной духоты легче и свободнее. Наверное, и в зале будет терпимо, если не наберется много народу. Стены здесь толстенные, непрогрываемые, как во всех старинных зданиях.

По истертым каменным ступеням поднялся на третий этаж. Мой страж остался внизу, у входа. Я слышал, как он щелкнул там зажигалкой.

Значит, через этот выход обратный путь мне отрезан.

У массивной резной двери, орнаментированной золотыми полосками, меня ждал атлет Кен в великолепном

черном смокинге с бабочкой. Бедный мой серый клетчатый костюм! Он смотрелся сейчас жалкой тряпкой.

— Здравствуйте, дорогой господин профессор! — Он радостно потирал руки. — А я стою и волнуюсь.

— Еще рано волноваться, господин Кен. Что, если нам с вами хватить по стаканчику холодного оранжада?

Рядом, во дворе старой резиденции, помещался филиал небольшого рестораника.

Лицо Кена расцвело в самодовольной улыбке:

— Я уже позаботился, господин профессор. Пройдемте в служебную комнату.

Все! Теперь он не отпустит меня ни на шаг.

В углу небольшой, обставленной уютной мягкой мебелью комнаты возле лекционного зала стоял холодильник. Кен извлек из него две затуманенные бутылочки пепси-колы.

— Прошу!

Потягивая холодный, пощипывающий во рту напиток, Кен стал расспрашивать меня о поездке, о моих впечатлениях. Я все ждал, когда же он скажет мне о Гербигере.

— А у нас большое несчастье.

Вот!

— Что случилось?

— Вы разве не получали сегодняшней газеты?.. Отто Гербигер! Наш старенький чудакотый библиотекарь. На него наскочила машина. Похоже — умышленно.

— Да, да, я прочитал заметку. Как это случилось?

— Мне тоже известно только то, что в газете. Господин Гербигер ведь вчера практически не был на работе. Отпросился с утра, сказал, что чувствует себя плохо. Ему и дали день отдыха. А он оказался так далеко от дома. Возможно, он шел с кем-то на свидание, а кому-то не понравилось.

— Неужели? Из заметки это никак не вытекает.

— О, мы тут уже научились читать между строк! То и дело какие-то похищения, какие-то загадочные убийства. — Кен встал, приотворил дверь в зал. — А знаете, — сказал, удивленно подняв брови, — народу набралось порядочно, я даже не ожидал. И пресса, телевидение... Поздравляю, господин профессор! Прошлый раз здесь выступал один известный путешественник-норвежец, он не собрал и четверти зала... Ну что, как у нас говорят, начнем во славу господи!

Небольшой уютный зал был и в самом деле почти полон. Я окинул взглядом собравшихся. Самый разношерстный народ. Молодые растрепанные бородачи и тщательно выбритые пожилые люди. Католический священник в сутане. Семь-восемь человек в ведомственной форме — не то железнодорожники, не то трамвайщики; они держались кучкой в последних рядах. Несколько интеллигентного вида старушек. Репортеры — их можно было узнать не столько по блокнотам, сколько по испытующе-сосредоточенным взглядам, которыми они встретили мое появление. Такой хваткий профессиональный взгляд, без всякого любопытства, с одной лишь оценкой, характерен, как я заметил, только для сыщиков и журналистов.

В третьем ряду, почти с краю, сидели двое моих знакомцев: Дузе и Розенберг. Последнее свободное место в ряду, рядом с Дузе, наверное предназначалось для еще одного достойного члена святой троицы — Фреди.

Шмидта я не увидел. Скорее всего, он находился не на передней линии, а где-нибудь в ближнем тылу. Командиры во время проведения операции редко выходят на передовые позиции.

Мы с Кеном сидели на возвышении, за длинным столом. На нем были установлены два микрофона, их то и дело поправлял суетливый прыщеватый юноша в очках с сильными линзами, выскакивавший из переднего ряда. Негромко потрескивали кинокамеры.

— Господин Кен, а не может ли это быть обычным газетным преувеличением, с профессором Гербигером? — Я придвинул поближе один из микрофонов. — Ну, чуть задело крылом машины. Встал, отряхнулся, пошел домой.

— Что вы! Я сам справлялся в больнице.

— Ах так! Тогда другое дело. Куда же его положили?

— Куда? — Кен чуть запнулся. — В Фаворитен. Но навестить его не разрешают — он без сознания.

Подбежал очкарик и, метнув в меня сердитый взгляд, молча передвинул микрофон на место.

— Ну, кажется, пора.

Кен встал. Легкий шумок, возникший в зале при нашем появлении, сразу затих.

— Прошу внимания! — Представительный Кен являл собой саму официальность. — Я имею честь представить вам нашего гостя из Советского Союза, известного исто-

рика, профессора Арвида Ванага! Прошу, господин Ванаг!

Он первый захлопал в ладоши, вызвав несильные аплодисменты в зале.

Наступила решающая минута.

— Уважаемые дамы и господа! — начал я. — Сегодня удивительно жаркий день. Судя по утру, мне кажется, будет еще жарче, чем вчера, чем все последние дни. Намного приятнее быть сейчас у воды, в лесу, в тенистом парке — где хотите, только не в каменном центре Вены, да еще в таком довольно душном зале. Но вы все-таки пошли не на пляж, не в бассейн, не в парк. Вы пришли сюда. Мне это приятно, я благодарю вас от всей души.

Раздались хлопки.

— Как вам теперь уже известно, по своей специальности я историк. Принято считать, что история является наукой, занимающейся только прошлым. В принципе это верно. Однако лишь в принципе. На практике же события прошлого иной раз настолько тесно переплетаются с сегодняшним днем, что очень трудно с полной достоверностью определить, какие из них принадлежат целиком исторической науке, а какие могут стать предметом исследования современной... — я сделал паузу, — современной криминалистики.

В зале зашевелились. Кто-то недоуменно переглянулся с соседом, кто-то заулыбался. Но вниманием зала мне уже удалось овладеть.

Из боковой двери выскользнул Фреди и уселся на свободное место рядом с Дузе. Толстяк повернулся к нему и что-то шепнул. А где Шмидт? Тоже уже в зале? Где-нибудь позади?

— Да, да, я не оговорился: именно криминалистики! Вот один из примеров, который имеет непосредственное отношение к теме моей сегодняшней лекции. Советская власть в Латвии была провозглашена сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции в России, а первое Советское правительство республики создано в восемнадцатом году. В этом смысле с точки зрения исторической науки совершенно неправильно говорить о «советизации» Латвии, как и других республик Прибалтики, в тысяча девятьсот сороковом году. Тогда, в августе сорокового, Советская власть в Прибалтике была не установлена, а восстановлена. По-

тому что в девятнадцатом году, воспользовавшись тем, что дивизии латышских красных стрелков, выполняя свой интернациональный долг, защищали от смертельной опасности сердце пролетарской революции — Москву, латвийская буржуазия, опираясь на штыки немецкой армии фон дер Гольца и на корабельные орудия англо-американской морской эскадры, узурпировала власть и потопила в потоках крови советскую республику в Латвии. Только на улицах Риги после захвата города контрреволюционерами было убито более четырех с половиной тысяч рабочих, женщин и детей. На всей же территории Латвии число жертв белого террора достигло тринадцати тысяч. Тринадцать тысяч трупов мирных, ни в чем не повинных жителей!

Я посмотрел на Дузе. Кончик языка то и дело выныривал изо рта, облизывая сизые губы.

«Погоди! — подумал я, мстительно торжествуя. — То ли еще будет!»

— Это — история. Но это одновременно и область современной криминалистики. Потому что один из палачей латышского народа того, казалось бы, столь далекого времени, чьи руки обгажены невинной кровью, пролитой в том дальнем, целиком принадлежащем истории девятнадцатом году, один из этих палачей жив до сих пор и не понес никакого наказания за свои злодеяния. Более того, он сидит сейчас здесь, среди вас, в этом зале. Посмотрите: в третьем ряду слева представительный седой человек в коричневой замшевой курточке!

Все, как по команде, повернулись к Дузе. Он, большой, громоздкий, не решаясь встать и уйти, втянул голову в плечи, словно огромная коричнево-серая черепаха. Зато со своего места сорвался Фреди и юркнул в ту дверь, откуда только что вошел.

Лишь бы только Инга успела! Только бы она успела!

— Его настоящая фамилия Дузе, но в Вене он живет под вымышленным именем Яниса Берзиньша... Поднимитесь, Дузе, что вы прячетесь за чужими спинами! Дайте возможность репортерам из телевидения запечатлеть вас на пленку. Снимайте, господа! Это будут уникальные кадры. Я ведь еще далеко не все сказал, а он наверняка постарается улизнуть, чтобы избежать скандальной огласки... Итак, Петерис Дузе, палач. Ныне Янис Берзиньш, Герцоггассе, дом пять, квартира восемь. У меня не было

возможности посмотреть списки разыскиваемых военных преступников, но, думаю, там непременно значится фамилия Дузе. Такие субъекты, как он, имеют веские причины для смены фамилий. Вот вам, уважаемые господа, убедительный, на мой взгляд, пример тесного соседства истории и криминалистики.

— Господин профессор! — Кен обмахивался носовым платком; воротник его манишки потерял свою ослепительную белизну, посерев с краю от расплывавшихся пятен пота. — Может быть, лучше вернуться непосредственно к объявленной теме?

— Не мешайте! — выкрикнули из зала.

— Мы слушаем!

— Говорите, профессор!

— Господин Кен совершенно прав: тема моей лекции совсем иная. И много чести было бы уголовным элементам вроде Дузе, если в своих публичных заявлениях я стал бы перечислять их пофамильно. Сделал я это совсем по другой причине. Вчера этот самый Дузе-Берзиньш вместе с другими подобными ему людьми — один из них сидит справа от Дузе, тоже солидного уже возраста мужчина, Эвальд Розенберг его имя, в годы гитлеровской оккупации он работал в управлении фашистской полиции Риги, — так вот Дузе и другие ему подобные обманым путем завлекли меня в ловушку и потребовали, чтобы сегодня, сейчас, во время этой самой лекции, я отрекся бы от своих политических убеждений, изменил своей стране и попросил политического убежища. Они, разумеется, знают, что добровольно я на это никогда не пойду, и попытались принудить меня к измене с помощью гнуснейшего шантажа. Вместе со мной в Вене гостит моя девятнадцатилетняя дочь. Эти люди поставили меня перед выбором: либо я отрекаюсь от Родины, либо теряю дочь. Надеюсь, вы поймете меня и не осудите, если я объявлю теперь, что моя лекция сегодня состояться не сможет. А на все вопросы, которые могут возникнуть у вас, особенно у журналистов, я попрошу ответить господина Кена, одного из устроителей моей лекции.

— Нет, нет! — Он замотал головой, растерянно и вместе с тем энергично. — Мне ничего не известно. Мне... Я...

Но я уже не слушал. Шагнул к выходу, заметив в последнюю минуту с тем же злорадным удовлетворением, как повскакали со своих мест и рванулись к застрявшему

между кресел неповоротливому толстяку Дузе журналисты с передних рядов.

Оказавшись по ту сторону дверей, я захлопнул их с силой и сунул под гнутую бронзовую рукоятку ножку стула, который, уходя в зал, предусмотрительно придвинул поближе к выходу.

Ну, а теперь побыстрей отсюда!

Вниз, под арку, мне было нельзя — внизу стоял черноволосый. Еще в зале я решил: через привратническую. У нее два выхода...

Известное преимущество давало мне то, что я неплохо знал старую резиденцию. В прежние времена, во время работы в газете, мне приходилось бывать здесь по служебным делам.

Длинными извилистыми коридорами со множеством дверей я быстро прошел на другую сторону здания. Затем сбегал по мраморному парадному лестничному маршу. Тут вечно царила толчея: одни посетители поднимались, другие спускались. Мне это было на руку: здесь легче проскользнуть незамеченным, чем по безлюдным боковым лестницам.

Но выходить на улицу я не стал. Через маленькую, едва приметную дверь спустился в полуподвальное помещение, а затем уже проскочил во двор. Рядом находилась внутренняя стоянка служебных автомашин, прикрепленных к высокопоставленным служащим магистрата. Два чопорных «бьюика» поджаривали на солнце свои лакированные черные бока. Шоферы, распахнув дверцы машин, жались к узким полоскам теней вдоль стен. На службе им не разрешалась вольность в одежде, и они, бедняги, мучились при полном параде — в темных пиджаках и галстуках.

Я нащупал в кармане брелок, подаренный мне Кеном. Не снять ли его с ключей и подсунуть на сиденье «бьюика»? Скорее всего, это не просто брелок, а миниатюрный радиомаяк, с помощью которого нетрудно установить, где я нахожусь в любой момент.

Или лучше рискнуть и все-таки сохранить брелок? Если я выберусь целым, он может еще пригодиться.

Во всяком случае, избавиться от него я успею...

Двор был соединен проходом с другим. Миновав низкую темную арку, я оказался возле столиков под нарядными разноцветными зонтами. В служебном ресторане

обеденное время еще не наступило, гостей было мало. Несколько официантов, тихо переговариваясь, неторопливо расставляли приборы.

Кухня дохнула в лицо жаром электрических печей.

— Господину угодно что? — загородил мне дорогу темнолицый усач, говоривший на ломаном немецком. — Чужим нельзя здесь. Еда варится тут.

— Мне только руки помыть.

— А, кло! — Он захихикал, прикрывая рот с неуместной застенчивостью. — Не здесь. Там!

И ткнул пальцем воздух, указывая направление.

К кухне примыкало еще одно помещение — вечерний ресторан. Днем туда, как и в другие рестораны, мало кто заглядывал. Лишь два-три чинных старичка-пенсионера сидели за крохотными рюмочками ликера, растягивая удовольствие и листая газеты на старинных держателях из потемневшего от времени дерева.

Ресторан этот имел два выхода. Один, главный, в ярких рекламных огнях, — на шумную торговую улицу. Другой, мало кому известный, стыдливо задрапированный плотной тканью, — в узенький проулок, составлявший часть проходного двора. Рассказывали, что в прежние времена завсегдатаи этого ресторана, пользовавшегося в Вене дурной славой, легко и бесшумно ускользали этим путем от полицейских облав.

Спокойная, тихая, респектабельная, обсаженная каштанами площадь, на которую меня привели кривые ходы, находилась за две улицы от старой резиденции.

На стоянке стояло такси с поднятым флажком. Однако я предпочел его не нанимать — вдруг подставка?

Остановил проезжавшее мимо свободное такси.

— Куда прикажете?

Водитель был совсем молодым, с еще по-детски пухловатыми щеками, с легким темным пушком на слегка вздернутой губе.

— Выезжайте на Ринг.

Он повел машину по лабиринту переулков и улиц. Движение было сложное, всюду висели знаки с «кирпичами» и направляющими белыми стрелами на синем фоне.

— Сейчас будет Ринг. Поворот разрешен только направо.

— Поезжайте, пожалуйста, к каналу.

У меня не было определенного плана действий. Все

зависело от того, как получилось у Инги. Это я мог узнать, только позвонив на службу к Эллен. А останавливаться у уличного телефона-автомата пока еще было опасно. Такси могли преследовать. У меня не было уверенности, что ищейки Шмидта не взяли след.

У водителя в машине был радиотелефон.

— Вы связаны с диспетчерским пунктом?

— Да, мой господин.

— Большая фирма?

— Наоборот, крошечная. «Эврика», к вашим услугам.

Пять такси, из них одно всегда на ремонте. Правда, машины не собственность фирмы, они арендованы.

— А работы хватает?

— Не жалуемся. Тут есть один секрет. Мы все студенты. Ну, и наша университетская братия из солидарности старается пользоваться только услугами «Эврики». Даже профессора некоторые.

— Вот как!

— А что? Ничего удивительного! И среди профессуры, бывает, попадают люди.

— И в диспетчерской тоже студенты?

— Студентки. Нет, вы не думайте, наши девочки водят машины не хуже мужчин. Но, знаете, клиенты попадают тяжелые. Особенно вечерами, когда туристы расползаются из локалов. Я, например, специально прошел курс джиу-джитсу. Вот мы и разделили труд. В диспетчерской тоже не курорт, завидовать нечему. Девочки ведь там не просто сидят и ждут. Они еще и сами ищут заказы.

Словоохотливый водитель навел меня на новую мысль.

— А нельзя ли из машины попросить вашего диспетчера позвонить по номеру телефона и навести справку?

— Пожалуйста, мой господин. У нас такая услуга предусмотрена по преysкуранту. Пятьдесят шиллингов вызов. Не дорого?

— Нет.

— Я же говорю: мы не шкуродеры.

Я назвал номер телефона нашей квартиры. Водитель нажал клавишу радиоустройства:

— «Эврика-три» вызывает «Эврику-ноль»... «Эврика-три» вызывает «Эврику-ноль».

— «Эврика-ноль» слушает,— отозвался бойкий девичий голосок.— Пока ни одного, даже дерьмового заказа, Куколка. Так что дрыхни себе дальше.

— Ленни, не хаи, у меня клиент.

— Ах так...

— Позвони по номеру... А кто там нужен? — повернулся он ко мне.

— Инга.

— Попроси Ингу.

Наступила пауза. Сердце билось сильно и гулко. Мне казалось, что даже водитель слышит его стук и потому косится на меня опасливо.

— Да, да, слушаю! — Он не выпускал трубку, одной рукой крутя баранку.— Ленни говорит, Инги нет дома.

— А кто отвечает?

— Мадам Элизабет Фаундлер. Она спрашивает, что ей делать? Дверь квартиры не закрывается, замок испорчен.

— Спросите ее, где Инга? Что с Ингой?

Голос у меня прерывался.

— Ленни говорит, Инга ушла, а за ней побежал какой-то мужчина... — Он слушал и тут же передавал мне.— Немолодой, солидный, прилично одетый человек... В руке не то зонтик, не то тросточка.

Агент...

Агент побежал за Ингой?!

МОЯ ДОЧЬ ИНГА

долго не хотела браться за относящуюся непосредственно к ней часть повествования, хотя я ее неоднократно просил об этом, считая, что иначе рассказ о происшествии в Вене будет неполным. В конце концов она все-таки изволила милостиво согласиться, тут же поставив, однако, ультимативное условие: все будет опубликовано в том виде, как она напишет, без каких-либо изменений, сокращений или поправок.

Мне не оставалось ничего другого, как принять ее ультиматум.

Итак, рассказывает Инга.

Все родители одинаковы!

Да, да, да!..

Ну, может быть, это сказано в запале и потому чересчур категорично — допускаю. Но всем родителям действи-

тельно присуще одно и то же малопривлекательное свойство: то они чрезмерно идеализируют своих чад, то раздувают их недостатки до размеров воздушного шара братьев Монгольфье.

Мой достопочтенный и высокочтимый предок тоже не является исключением из этого правила. Ничто родительское ему не чуждо! Хотя, надо признать, по своим отцовским качествам он стоит на голову выше всех прочих знакомых мне пап и мам: не навязывает свою отцовскую волю, не пытается меня перевоспитывать методами принуждения.

За очень редкими исключениями. Если бы существовал такой порядок, при котором дети выставляли отметки своим родителям, то мой отец постоянно ходил бы где-то посередине между отличником и хорошистом.

И несмотря на это, ему тоже присущи общие для всех родителей минусовые качества: идеализация моих достоинств одновременно с преувеличением отрицательных черт. Вот например: «Ну и язва же у меня доченька!» — черным по белому! Или, как теперь выясняется, отец полагает, что мне присущ «термоядерный максимализм»! И все только потому, что я просто-напросто люблю немного поспорить, что из чувства противоречия не могу сразу признать свою неправоту, даже когда мысленно уже вполне согласна с доводами оппонента.

Ну какой же это «термоядерный максимализм»!

Точно так же обстоит дело и с родительской оценкой моих добродетелей. Я, оказывается, «очень смелая девочка». Лестно, но неверно! Да, мне тоже помнятся один или два таких случая, когда во время грозы я прыгала под дождем и даже выкрикивала при этом какие-то лозунги. Но почему? Вовсе не от избытка храбрости — типичный пример родительского заблуждения! Скорее от недостатка жизненного опыта: до меня в то время еще не доходило, что грозы нужно бояться. Ну-ка попробуйте заставить меня теперь сунуть нос на улицу, когда гремит гром!

В этом и заключается весь секрет моей смелости. Я не боюсь только тогда, когда не осознаю опасности. А разве это можно считать настоящей смелостью?

Случилось так, что, когда я училась в седьмом классе, меня даже наградили Почетной грамотой Управления внутренних дел за задержание преступника. По этому

поводу и в школе, и по всему нашему дому ходили легенды.

Но...

Расскажу, как все произошло в действительности, без разных там романтических прикрас.

Я вернулась из школы. Стала возиться с ключом — не лезет. Толкнула дверь — открыта. Интересно! Прошла по комнатам. Никого. А вот из кухни доносится храп. Подошла поближе, смотрю — лежит на полу дядька. Грязный, обросший. Свернулся калачиком, руки сложил под голову — поживает. А рядом валяется пустая бутылка из-под коньяка; она у нас лет десять простояла на верхней полке в кухонном шкафу, будто его ждала.

Обошла кругом — не шевелится. Тронула за руку, за ногу. Храпит всюю! Тогда я и решила: свяжу.

Достала бельевую веревку из кладовки, опутала его всего вдоль и поперек. Даже еще подхихикивала, как смешно он отмахивается от меня во сне.

Закрела квартиру на ключ, спустилась к соседям, вызвала по телефону милицию.

Его забрали. А я проплакала всю ночь, никак заснуть не могла от страха. Дело-то в чем? Страх-то отчего вдруг возник? Милиционеры его обыскали и вытащили из кармана здоровенный, остро наточенный сапожный нож. При мне!

Тогда только я испугалась, тогда только до меня дошло! Вот вам и «смелая девочка»! Я даже грамоту не пошла получать. Совесть не позволила. Стыдно было. Отец сходил, принес. Он-то ничего не знал, он-то гордился мною.

А как же — родитель!

Нечто подобное произошло и в Австрии. До меня не доходило, что отец в опасности. Да я просто представить себе этого не могла! Разумеется, даже мне, при всем моем невнимании, нельзя было не заметить, что отец в чем-то изменился, стал нервнее, возбудимее, что ли. Обычно дома мои экстравагантные выходки оставляли его совершенно спокойным. А тут вдруг он стал на них реагировать, отвечать, иногда даже выговаривать стал. Но я приписывала это смене обстановки. Все-таки, как ни говори, граница, все-таки капиталистическая страна. Вот он и беспокоился, как бы я кому не так ответила, что-то не так сделала.

Даже в поезде, на территории ФРГ, когда отец счел нужным приоткрыться и посвятить меня хотя бы частично в свои заботы, мне показалось, что это не серьезно, что это мистификация, что он таким образом пытается удержать возле себя свою норовистую дочь.

Слегка забеспокоило меня лишь долгое отсутствие отца после нашего возвращения из Инсбрука в Вену. Но и тут не возникло никакого ощущения опасности. Езда без водительских прав, дорожная полиция, задержание, штраф... Мне думалось лишь о возможных неприятностях такого рода.

И вот отец вернулся из полиции в нашу венскую квартиру. Что-то случилось, какая-то большая неприятность. Я видела по его лицу. Если бы он пожаловался, что его несправедливо наказали, содрали большую сумму в качестве штрафа за нарушение правил, я бы повозмущалась вместе с ним и успокоилась. Но он ничего не сказал. Более того, он что-то скрывал от меня — и это сразу растревожило.

Отец выпил таблетку и прилег, делая вид, что спит. Именно дела вид! Во сне дыхание у него становится глубоким и редким, уж я-то знаю! А тут... Он не спал, я нарочно несколько раз заходила в комнату, чтобы проверить. Зачем же ему потребовалось обманывать меня?

И вот наконец, во время стирки в ванной, я получаю от него длинное послание...

Как ни странно, несмотря на всю невероятность своего содержания, оно меня успокоило. И знаете почему! В нем ни словом не упоминалось об опасности, которая грозила бы мне. Отец писал только о том, что сам попал в сложный переплет и теперь ему требуется моя помощь. Ну а в том, что он справится с любой опасностью, у меня никаких сомнений не возникало. Мой отец! Подпольщик, фронтовой разведчик. Такой большой, такой сильный. Что с ним может случиться?

Мне оставалось только в точности выполнить одну за другой все его подробные инструкции.

Когда настало время, я, глядясь в зеркало, «обнаружила» позади себя вверху стены прихожей поблескивающую стекляшку и, заинтересовавшись ею, притащила стремянку. Затем, словно теряя равновесие, покачнувшись на ней, прикрыв объектив телекамеры и дав возможность отцу выйти незамеченным из квартиры.

Как и предвидел отец в своем послании, через несколько минут раздался телефонный звонок.

— Пригласите, пожалуйста, профессора Ванга.

— К сожалению, не могу. Вам придется позвонить позднее.

— Он вышел?

— Нет.

— А где же он?

— Ну, если вам так уж необходимо знать, профессор мнется.

И сильно дернула за веревку, привязанную отцом к переключателю в ванной. Вода с шумом хлынула из верхнего душа.

— Если не трудно, спросите его, пожалуйста, скоро ли он? У меня срочное дело.

— Обождите, сейчас.

Я прошла к ванной.

— Отец, ты еще долго? Тебя спрашивают.

И одновременно нажала кнопку магнитофона-автоматчика, пристроенного у двери. Голос отца не очень четко, зато громко произнес: «Сейчас! Осталось только обтереться... Фу, черт!... Инга, поищи мохнатое полотенце; оно, кажется, в спальне».

Вот как неожиданно пригодилась пленка, на которой я потехи ради несколько дней назад записала разговор с Эллен! Выключила магнитофон, вернулась к телефону.

— К сожалению, это, вероятно, продлится некоторое время.— И добавила извиняющимся тоном: — Он очень страдает от духоты.

— Да, ничего не поделаешь, даже гроза не принесла облегчения. Запишите, пожалуйста, мой номер, барышня. И попросите господина профессора позвонить, как только он выйдет из ванной. Дело действительно очень срочное, он знает.

— Диктуйте, я вас слушаю...

А потом внезапно погас свет, и отец возвратился. Все обошлось как нельзя лучше. Я была довольна, и отец, судя по всему, тоже.

На следующий день, как и было предусмотрено, я попросилась с ним на лекцию и, получив довольно резкий отказ, разыграла обиженную.

Отец ушел.

Стараясь быть все время на виду у телекамер — отец

обозначил их расположение в своем письме, — я занялась обыденными делами. Убрала со стола на кухне, подмела в прихожей, а сама украдкой поглядывала на часы.

Осталось уже совсем немного времени. Через десять минут я должна была покинуть квартиру.

И вот тут-то произошло непредвиденное.

Началось это с того, что у двери квартиры слегка тренькнул звонок. Словно кто-то снаружи неуверенно ткнул кнопку и тут же убрал палец.

Я прислушалась. Звонили или не звонили? Может быть, не у нас — в соседней квартире?

Осторожно, на цыпочках подошла к двери. Тишина. И в то же время мне почему-то казалось, что кто-то стоит там, за дверью. Вот звякнула плитка под каблуком. Вот кашлянули едва слышно, одним дыханием.

Отец предупредил: если будут ломиться в квартиру, ни в коем случае не пускать. Дверь на цепочку — и сразу звонить в полицию. Участок рядом; номер телефона он выписал из справочника и оставил на столике.

Так что же мне теперь — полицию вызывать? Но ведь не ломаются. Не поднимут ли меня полицейские на смех?

Я жду, притаившись, и там ждут. Кто кого переждет.

И снова звонок. Опять такой же короткий, робкий, нерешительный.

Я вздохнула облегченно. Нет, все в порядке! Никакие темные личности так не звонят.

Ну не дуручка ли! А ведь скоро двадцать лет!

Приободрилась, набралась храбрости. Все же открыла не сразу. Спросила сначала:

— Кто там?

В ответ прошелестели:

— Прошу извинить, мне нужна фрейлейн Инга.

— Зачем?

— Ей весточка от отца.

Весточка? Это предусмотрено не было. Но вдруг что-то изменилось? Я буду тут осторожничать, а тем временем у отца случится неприятность. Или, наоборот, все отменяется, а я помчусь отсюда сломя голову, как велит его инструкции. Позвонить отец не может, ясно, телефон прослушивается. Что ему остается, как не послать кого-нибудь с поручением?

Решилась, приоткрыла дверь.

Вижу, стоит пожилой, смиренного вида мужчина. Длин-

ный, узкоплечий. Постное гладкое лицо. Трогательные губки кошечкой. Ясные карие глазки с короткими белесыми ресницами. В одной руке старомодная тросточка, другой при виде меня вежливо, как и полагается воспитанному господину, приподнимает шляпу.

— Фрейлейн Инга?

— Да, это я.

— Значит, записка предназначена вам.

Закладывает свою тросточку под мышку и сует руку во внутренний карман светлого летнего пиджака.

— Сейчас, сейчас, момент... Господин профессор просил, чтобы вы срочно написали ответ... Сейчас...

Ему неудобно, ему неловко, тросточка мешает. Он тычется ею во все стороны и в конце концов роняет.

— Пардон! — даже покраснел, то ли оттого, что нагнулся за тросточкой, то ли от сознания собственной неловкости.

Ну как тут не пригласить его войти! Тем более, мне еще ответ писать.

— Заходите, пожалуйста.

— Да, да, благодарю, фрейлейн.

И шагнул в прихожую.

Я заперла дверь, взяла из его протянутой руки листок. И обомлела.

На листке ровным счетом ничего не было!

— Так ведь...

Представляю, какое у меня было лицо!

А он мгновенно преобразился. Глаза округлились, в них загорелось злорадство — ну в точности волк, которому удалось провести маленьких глупых козлят.

— Тихо-тихо-тихо!

И теснит меня в глубь квартиры, в кабинет.

Так ловко у него это все получилось, что не успела я опомниться — и уже сижу в глубоком кресле в простенке между окнами. А он одной рукой просовывает между гнутыми подлокотниками свою тросточку, чтобы помешать мне подняться, и одновременно другой рукой прижимает за плечо к спинке кресла.

Меня в жар бросило от стыда и гнева. Ах, думаю, мокрица ты, хилячка! Так дать себя провести! И кому! Это же не волк даже — паршивый кот Бонифаций!

Рванулась изо всех сил. Нет! У него руки прямо железные!

— Тихо-тихо-тихо! — И еще смеется: — «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?»... Да, вы же, кажется, не молитесь.

И снова звонок у двери. На этот раз долгий, требовательный. Ну, подумала я, все пропало! Второй. Его сообщник.

Но тут вижу, нет, он сам насторожился. Откуда-то в руке появился странной формы пистолет: рукоятка короткая, словно обрезанная, а узкое дуло, наоборот, намного длиннее обычного и на конце словно вздуто.

— Тихо! — Черное отверстие ствола смотрит мне прямо в глаз.— Тихо! Тихо!

Словно он все слова на свете позабыл, кроме одного этого «тихо».

Опять звонят. Еще настойчивее. Несколько раз подряд.

— Барышня! Русская барышня, я опять забыла, как вас звать! — Узнаю надтреснутый старушечий голос.— Откройте же скорей! Мне трудно держать! Приходится звонить носом — заняты обе руки.

— Кто это? — шепчет в ухо мой Бонифаций.— Только тихо!

— Соседка. Мадам Фаундлер.

А старушка все названивает:

— Барышня! Барышня, я знаю, вы дома, вы только что открывали тому господину с палочкой.

Лицо у Бонифация скомкалось, как у резиновой игрушки. Пробормотал:

— Эта идиотка поднимет на ноги весь дом.

— Да,— подтвердила я, не скрывая радости.— Да! Уж она-то не отвяжется!

Кот Бонифаций, на что-то решившись, вскинул свой длиннотулый пистолет, рывком выдернул тросточку из-под ручек кресла.

— Откройте! Но только не вздумайте... Уложу на месте и вас и ее!

Вцепился в меня своими железными пальцами, потащил к двери. Сам стал за угол стены.

Я повернула ключ.

Мадам Фаундлер держала в руках большое овальное блюдо со штруделем.

— Ай-яй-яй! — Не переступая порога, она обиженно качала головой.— У нас, в Южном Тироле, не так встре-

чают гостей! Конечно, когда поживешь хоть немного в этой Вене...

А я стою и лихорадочно соображаю. Рвануться сейчас на лестничную площадку — получу пулю в спину. Пушу ее в квартиру — опять вместе с ней попаду в лапы Бонифация. И тогда уже не вырваться. Последний мой шанс!

А рука сама подбирается к ключу. Замок ведь исправен. Если вытащить ключ и захлопнуть дверь, его не открыть. Придется тогда Бонифацию взламывать дверь, а на это уйдет время.

Все решила Альма, верткая крохотная собачонка мадам Фаундлер. Она крутилась тут же, возле ног хозяйки. Но вдруг насторожила ушки и кинулась с визгливым остервенелым лаем в глубь коридора.

В следующий момент, выхватив ключ из замка, я выскочила из квартиры, с силой захлопнув за собой дверь. Оттолкнула ошарашенную мадам Фаундлер, не выпускаящую из рук блюдо со своим штруделем, и понеслась вниз по лестнице.

Мои каблучки дробью стучали по ступенькам, Бонифаций ломился в запертую дверь. Собачка заходилась лаем. Бедная мадам Фаундлер истерически вопила: «Что такое? Что такое? Альма! Успокойся, Альма!»...

В этом благочинном доме, где на лестнице лишний раз даже чихнуть не решаются, сто лет, наверное, не слышали такого шума.

Дверь подвала была отперта. Я пробежала к сарайчику наших квартирных хозяев, дрожащей рукой едва попала ключом в замочную скважину.

Дальше уже пошло проще. Заложив дверь на засов, я перевела дух. Прислушалась. Даже сюда долетал шум с лестничной клетки. Что там? Повыскакивали из квартир? Схватили Бонифация?.. Ну да, заперлись, наверное, на все свои цепочки и засовы!

Отец описал точно: дверь сарайчика вела в подвал другого дома. Одного только он не мог предвидеть: парадный ход отпирался изнутри не простым нажатием дверной ручки, как у нас, а ключом, которого у меня, разумеется, не было.

Пришлось ждать, когда кто-нибудь спустится и пройдет на улицу.

Теперь мне уже стало страшно. Я плакала.

Толстая старуха в черном кружевном платке, которая выпустила меня из подъезда, неодобрительно посмотрела на мое залитое слезами лицо:

— Эх, девочки, девочки! И предупреждают их, и уговаривают, и наказывают...

Я проскользнула мимо нее на улицу и чуть не закричала от радости. Тут же, рядом, у тротуара, стоял новенький канареечно-желтый «фиат». Карл, опершись о крыло, озабоченно оглядывался по сторонам.

— Карл!

Я бросилась к нему.

— Скорее в машину, фрейлейн! — Карл торопливо открыл дверцу. — Тут во дворе бродит один тип...

Отец так и предвидел: скорее всего, и здесь, на тылах нашего дома, тоже выставлен пост. Поэтому он и попросил Карла, когда звонил ему в Зальцбург, подвести машину как можно ближе к подъезду. Номер им знакомый, даже не венский, вряд ли их это насторожит.

Когда мы выезжали из переулка, в арке, под самыми часами с движущимися фигурами, я увидела кота Бонифация. Он спешил, почти бежал, размахивая тросточкой.

— Вот этот! — я указала на него Карлу. — Он только что держал меня под дулом пистолета.

Карл посмотрел ему вслед.

— Когда вчера вечером в Зальцбург вдруг позвонил господин профессор, я сразу понял, что дело серьезное. К нам сюда, в Австрию, напоззло всякой твари. Мы люди гостеприимные, спокойные, вот они и пользуются... Ну, не надо плакать, барышня Инга. Теперь все позади...

А я и не думала плакать. Просто слезы сами собой лились из глаз.

— На Райзнерштрассе, фрейлейн Инга?

— Да-да!

В своей письменной инструкции, которую мы позднее шутя называли «Венским меморандумом», отец велел мне, как только я вырвусь из дома, сразу же ехать в советское посольство.

— А где Лиззль? Она не приехала с вами?

— Нет, она здесь и шлет барышне свой сердечный привет. Только... мне показалось более целесообразным оставить ее на время у брата...

Я хотела выйти на углу, но Карл настоял на том, чтобы подвести меня к самому зданию посольства.

— Мало ли что! Так будет безопаснее. Ну, с богом! И ничего не бойтесь, фрейлейн Инга! Я постою, покараулю, пока вы не войдете.

Нажала кнопку звонка. Когда спросили, назвала себя. Дверь открылась. Я обернулась, помахала рукой Карлу.

Точнее, его желтой машине. Потому что глаза по-прежнему заливала влага, и я не видела ничего, кроме желтого пятна, которое вдруг тронулось с места и быстро исчезло из моего поля зрения.

В вестибюле меня окружили взволнованные люди.

— А товарищ Ванга?

— Я не знаю... Мне надо позвонить.

— Где же он?

— Не знаю ничего. Пожалуйста, отведите меня к телефону. Это очень срочно.

Набрала номер Эллен и сказала ей все, как велел отец, слово в слово.

А потом... Потом я, дура набитая, к испугу всех, кто находился рядом, вдруг заревела в голос. Кто-то меня утешал, кто-то подавал стакан с водой, кто-то гладил по голове, как маленькую. А я редела белугой, редела и все никак не могли успокоиться.

«Очень смелая девочка»!

Ну, каково?

НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ

мне тот долгий час, в течение которого юный таксист с забавным прозвищем Куколка возил меня по Вене. Я предоставил ему свободу действий, и он, выбравшись из сутолоки центра, с явным наслаждением гонял на скорости свою потрепанную колымагу по незагруженным трассам, соединявшим между собой новые окраинные жилые массивы.

Никто как будто за нами не пристраивался; я следил за дорогой в боковое зеркало. Вероятно, сигналы, поступавшие из брелока, были слишком слабы. Либо мои преследователи теперь, после всего случившегося, потеряли ко мне интерес. Такое тоже не исключалось.

Куколка, выпытав, что я из Советского Союза, стал с жаром обращать меня в свою «новую левую веру», как он называл странную идеологическую кашу из вполне

современных взглядов на общество, примитивного утопизма Томмазо Кампанеллы и мистических верований средневековья, сваренную на бурлящем огне политических страстей западного мира.

Я слушал вполуха. Давно минуло одиннадцать. Пора звонить Эллен, надо, наконец, решаться. Если все обошлось благополучно, Инга уже должна была сообщить о себе. Тогда я узнаю, где она: в посольстве ли, как задумано, либо укрылась в другом месте.

А если не получилось?..

По моей просьбе Куколка затормозил возле уличного автомата на пустынной улице, примыкавшей к парку. Я набрал служебный номер Эллен. Рука противно дрожала, палец срывался с отверстий диска.

— Слушаю,— раздался мягкий грудной голос.

— Здравствуй. Это Арвид.

— Ой, как хорошо, что ты позвонил! Только что был странный звонок от Инги. Она попрощалась, сказала, что ей нужно срочно уехать. Куда? Почему? Я ничего не могу понять!

Значит, все! Я вздохнул легко и свободно.

— Встретимся позже — я тебе объясню. Как Вальтер?

— Все так же. «Состояние без изменений, посещения не разрешаются». К тому же еще телефон в палате отключен... Поразительно! Что это за клиника такая, где ничего толком не узнаешь!

— Не волнуйся, Эллен, все образуется.

— Я уже не волнуюсь — я просто злюсь.

— В какой он палате?

— В пятьдесят второй. Это, кажется, единственная конкретная информация, которую мне удалось выбить по телефону. Может быть, попробовать тебе?..

Именно это я и намеревался сделать. Только не по телефону. Теперь, когда Инга оказалась вне опасности, мне нужно было во что бы то ни стало увидеться с Вальтером.

Вернувшись к такси, я спросил Куколку:

— Вы знаете клинику Бреннера на Левегассе?

Он хмыкнул:

— Разве я вам еще не говорил, что штудирую именно медицину? — И стал разворачивать машину. — Между прочим, клиника Бреннера — это не барак для самых обнищавших, вы знаете?

Выходя из такси у здания клиники, я незаметно засунул брелок с ключами под кожаную подушку сиденья.

— Покружите пока по ближним улицам,— попросил Куколку. — За мой счет, разумеется. И снова подъезжайте минут через пятнадцать.

И полез в карман за деньгами.

— Не надо,— жестом остановил меня Куколка. — Фирма «Эврика» авансов не берет.

— Но смотрите, сколько уже накрутило. Вдруг я скроюсь через черный ход?

Он, улыбаясь, медленно покачал головой.

— Это будет для меня равнозначно провалу на экзамене. Я ведь не просто студент-медик, я специализируюсь в области психологии...

Да, клиника Бреннера действительно была не для бедняков. Ухоженный просторный сад, трехэтажное, солидное, вовсе не упрощенного типа современное здание, фешенебельный холл.

Доктор Бреннер, добродушного вида лысый толстяк, принял меня без промедления.

— Состояние господина Редлиха? — Он прохаживался по просторному кабинету, сцепив на животе крепкие волосатые руки. — Как раз сегодня утром я лично его обследовал. Ну что можно сказать? Состояние вполне удовлетворительное. Сердце, сосуды — все в норме. И анализы... Вот они, уже готовы. — Он взял со стола пачку листков. — Право же, в нашем возрасте, при нашем ритме жизни трудно желать лучшего.

— Но эти обмороки? Несколько раз подряд.

— Обмороки... — У доктора Бреннера была забавная привычка по-детски выпячивать губы. — От медиков требуют, чтобы они решали болезни, как кроссворд. Скорее всего, обмороки неврогенного происхождения. Плюс еще сильное переутомление. Профессор Редлих слишком много работает, я ему говорил не раз. Плюс еще радиация, конфронтация, бог знает что еще... Побудет у нас, наблюдаем.

— Но к нему никого не пускают, даже жену. Телефон отключен.

— Что поделаешь, таково желание самого больного... Кстати, вы не знаете, случайно, каковы отношения в семье господина Редлиха? Не скрою, мне приходило в голову и это. Может быть, здесь ключ к решению кроссворда?

Нет, ключ к решению был совсем в другом — теперь это стало для меня уже не догадкой, а очевидностью.

Пятьдесят вторая палата помещалась на втором этаже. Пройти туда не составило никакого труда. В клиниках такого рода сложнее всего проникнуть за входную дверь — она обычно тщательно охраняется. А уж дальше никто не остановит тебя, никто не спросит, к кому ты и зачем. Даже белый халат не обязателен — посетители проходят в своей одежде.

Вальтер сидел спиной к двери, в кресле у окна. В одной руке книга, другой делал какие-то пометки на листке. Видно, Вальтер и здесь, в клинике, строго регламентировал свой день. Он был так поглощен работой, что даже не заметил, как я вошел в палату.

— Добрый день!

Вальтер стремительно обернулся. По лицу промелькнула тень. Испуг? Недовольство?

— Как ты сюда попал?

— Конечно же, не в окно по водосточной трубе. Я сказал, что мне нужно к доктору Бреннеру, и меня пропустили. А потом уже поднялся к тебе... Ты хорошо выглядишь, Вальтер.

Он не стал притворяться.

— Да, все уже прошло.

— Доктор Бреннер считает — всего лишь нервы.

— Не знаю. Ему виднее.

— Напрасно ты заставляешь так мучиться Эллен.

— У меня свои соображения.

Говорить со мной Вальтеру явно не хотелось, и он вовсе не собирался это скрывать. Но я сам должен был спросить его кое о чем. Собственно, для этого я и пришел.

— Скажи, Вальтер, кто мог заранее знать о том, что возле Санкт-Пельтена тебе станет плохо и за руль сяду я?

У него шевельнулись скулы.

— Не знаю.

— Как ты думаешь, можно ли вообще знать заранее, кто и когда потеряет сознание?

— По-моему, нет.

— По-моему — тоже. Но так называемая полиция остановила меня не случайно.

— Почему ты пришел к такому ошеломляющему выводу? И почему так называемая?

— Это выяснилось из дальнейшего.
— Допустим. Но при чем тут я?
— Не хочешь говорить откровенно?
— Ах, откровенно! Ты хочешь откровенности! — Он смерил меня уничтожающим взглядом. — Изволь!.. Знакомо ли тебе такое латышское слово — «Зви́рбулис»?

— Да, знакомо.
— Мне сказали, оно значит «Воробей».
— Совершенно верно.
— И это тебе ничего не говорит?
— Только одно. Тебе показали документ.
— Ты сам хотел откровенности. — Он первый отвел взгляд. — И виноват прежде всего ты! Если бы ты не подписал той бумаги, не было бы никаких последствий. Ни возле Санкт-Пельтена, ни в Вене. Так что пеняй на себя, только на себя. За все в жизни приходится когда-нибудь платить. В том числе и за грехи молодости.

— Кто тебе показал документ?
— Не все ли равно? Пойдешь и убьешь его? — спросил он издевательски. — Иль будешь избличать, как меня?.. Строишь из себя правоверного девственника! Ты, который предавал еще с юных лет!

Он швырял в меня злые слова, как тяжелые камни. Но они до меня не долетали. Я стоял и молча смотрел на его искаженное иронической усмешкой лицо. Когда он поймался на их крючок? Еще в самом начале своего пути? Иль позднее, когда понял, что надо выбирать: убеждения или карьера?

Скорее всего, именно так. Одна уступка — первая ступенька вверх, другая — еще одна ступенька... Он обрел положение — и оказался в самом низу, в трясине.

Иозеф Тракл был прав. Он инстинктивно чуял неладное. Но и Тракл не мог знать всего. Он считал, что Вальтер просто сбился с пути.

Один лишь я знал теперь все. Вальтер предал. А предателем нельзя быть ни на четверть, ни на половину. Предательство завладевает всем человеком, всем его существом. Как страшная неизлечимая болезнь.

Как смерть.
Я повернулся и пошел к двери. Мне больше здесь нечего было делать.

— Арвид! — крикнул вслед Вальтер.
Я остановился.

— Зачем ты пришел? Оправдываться? Защищаться?.. Так почему же ты ничего не говоришь?

— Оправдываться?.. Мне не с чего оправдываться — все это ложь. И ты знал! Обязан был знать — мы были друзьями! Но тебе очень хотелось верить. Очень! Это как-то оправдывало тебя самого. Хотя бы в своих собственных глазах.

— Твоя теория — ломаный грош! Воробей — вот где истина! Воробей! — Он цеплялся за последнюю соломинку. — От Воробья тебе никуда не деться!

— И Воробей ложь. Вот видишь, я прав: ты сам ищешь себе оправдания. Но Воробей тебя тоже не вытянет из трясины. Если бы ты был... прежним, то, узнав о Воробье, нашел бы способ известить наших товарищей о моем, как ты считал, предательстве. Но ты ничего не сказал нашим. Ты помог тем, другим. И они с твоей помощью загнали меня в ржавый капкан. И именно поэтому ты так добивался, чтобы в этот раз я приехал не один, а с Ингой. Именно с Ингой!.. Вот тебе и вся истина!

Вальтер стоял вполборота ко мне, уперев взгляд в стену. Он был весь натужен, до мельчайшего мускула, туловище даже подрагивало от напряжения. Лишь его крепкие тренированные ноги словно выросли в пол.

Я шагнул в тамбур.

— Обожди! — снова остановил меня Вальтер.

— Бесполезно! Нам не о чем больше с тобой говорить. Ты ведь все равно не назовешь имени.

— Не могу... Они будут мстить. И не только мне одному... — Вальтер по-прежнему не отводил глаз от стены. — Об одном прошу, — произнес едва слышно, — не говори ничего Эллен.

Я вышел...

Куколку я отпустил на площади Хёхштедт, у дома, где находилось издательство «Глобус».

— Благодарю вас, мой господин! — таксист, не пересчитывая, обрадованно сунул солидную пачку двадцатилленинговых в кассовую сумку рядом со своим сиденьем. — Ну, все, сегодня я наверняка вырвусь вперед!

— Что у вас — соревнование?

— Своего рода. У кого выручка больше, тот освобождается от грязной работы по дому. «Эврика» — это ведь не просто таксомоторная фирма, это еще и студен-

ческая коммуна. Мы все вместе работаем и живем. Единой семьей, свободной от всяких предрассудков...

Да, неумная молодость закручивает здесь самые неожиданные виражи!

В приемной редакции я спросил Герберта Пристера. Материалы этого талантливого журналиста-коммуниста привлекали меня своей остротой и бескомпромиссностью.

Мне объяснили, где его найти. Я прошел через общую редакционную комнату, больше похожую на склад письменных столов. Они располагались впритык, как косячки домино. Кто-то ругался по телефону. Кто-то прогонял на скорости магноленту с интервью. Кто-то, сидя за пишущей машинкой с заложенным в нее чистым листом, задумчиво пускал дым в потолок, словно отыскивая там первую, начальную фразу, которая, как мощный буксир, потянет за собой остальные.

Рабочий день в редакции еще только начинался.

Двухметрового роста сутулый детина в яркой ковбойке с закатанными рукавами, весь обложенный гранками, недовольно поморщился, когда я отворил матовую стеклянную дверь в его каморку.

— Мне нужен Герберт Пристер.

— Всем нужен Герберт Пристер, а больше всех ему самому.— Он растормошил гранки на столе, разыскал секундомер, нажал пусковую головку.— Даю вам три минуты времени.— И оттопырил в ожидании нижнюю губу, отчего лицо сразу приобрело скучающе-брезгливое выражение.

Но оно тотчас же исчезло, как только я назвал свою фамилию.

— О, так, значит, это вы... сегодня утром? А нас почему-то не поставили в известность, и уже одно это обстоятельство заставляет насторожиться. Кто устроитель лекции?

— Научное общество «Восток — Запад».

— «Восток — Запад», «Восток — Запад»!..

Отложив свой секундомер, он забежал по клетушке, умудряясь при этом каким-то чудом не сталкиваться с мебелью. Потрепанные джинсы пузырями вздувались на худых коленях.

— У всех этих обществ и союзов, существующих на частные пожертвования, есть что-то общее с шикарными дамами без мужей. Так же много средств, так же мно-

го поклонников, так же много тайн... Кто у них президентом?

Я назвал фамилию.

— Ну, это весьма почтенная личность.

— Не сомневаюсь. Только вот он долго был не у дел.

— И этим могли воспользоваться?

— Может быть, лучше рассказать все с самого начала? — предложил я.

— Вы правы.

На сей раз обошлось без секундомера. Герберт Пристер слушал заинтересованно, не прерывая, делая изредка пометки в большом настольном блокноте. Затем задал несколько точных вопросов, которые показали, что он уже нащупал главный нервный узел всей этой истории.

— Очень интересно, профессор! Но есть ли у вас доказательство? Вы знаете наш закон о печати? Это же цербер на мученическом пути левой прессы! Чуть что — и суд по обвинению в клевете. Мы уже раз напоролись на риф. Такая пробоина — чуть не пошел корабль ко дну. Еще одного подобного прокола наши финансы не выдержат.

— Кое-что есть. Скажем, те же миниатюрные телекамеры в квартире.

— Думаете, их еще не убрали?

— Вряд ли. Среди бела дня это слишком рискованно. Жилой дом все-таки.

— Верно... Ганса ко мне! — рявкнул Герберт Пристер.— Вы сказали, улица Марка Аврелия?..

Появился фоторепортер. Герберт Пристер четко и ясно поставил перед ним задачу. Я набросал схему расположения камер. Потом отцепил ключи от брелока.

— Этот, с большой головкой, от подъезда. А этот от квартиры — на случай, если все-таки удалось запереть. Там есть соседка-старушка, Элизабет Фаундлер. Помоему, она сможет рассказать кое-что интересное о том, как происходил тайный ночной «ремонт».

Фоторепортер навесил на себя кучу аппаратов и умчался. Герберт Пристер опять заметался по клетушке.

— С телекамерами хорошо, однако безадресно. Кто их установил? Кто? Репортер загадывает читателю загадку и оставляет ее без ответа. Так нельзя. Это как гуляш без перца. Как любовь без поцелуя. Как мина без начинки.

— Вот.— Я положил на стол брелок.— Эта мина, кажется, с начинкой.

— Пи-пи-пи? — сразу догадался Герберт Пристер.— «Ве-Зе»... «Восток — Запад», — расшифровал он витой вензель на брелоке.— И от этого открестьятся. Да, брелок их. Но наспиговал его кто-то со стороны. Это можно проделать с любым значком. Докажите обратное!.. Как раз тот самый случай, когда нам могут пришить клевету.

— Есть еще кое-что. Но из области догадок и логических умозаключений.— предупредил я.— Ваша редакция получает «Куир»? Нужен сегодняшний номер.

— Сейчас поищем. Если еще коллеги не растерзали. Газета нашлась. Я показал заметку о злостном наезде на Отто Гербигера.

— Между тем с ним ничего не случилось.

— Откуда вам известно?

— Я сказал: логическое умозаключение.

— Пусть даже так, пусть он жив и здоров,— пожал плечами Герберт Пристер.— «Куир» ошибся. Бывает! Нет, это тоже ничего нам с вами не даст.

— Я не досказал. Кен заявил сегодня утром перед самой лекцией, что в справочном бюро больницы Фаворите ему сообщили о безнадежном состоянии доставленного к ним вчера Отто Гербигера. Он якобы лично справлялся.

— Кому заявил?

— Мне.

— Были свидетели?

— Весь зал. Но никто, кроме меня, не слышал.

Герберт Пристер скривил щеку, как от внезапной боли в зубе.

— Не пойдет! Он будет нагло отрицать — и все.

— А если это его заявление записано на пленку?

Он встрепенулся:

— Серьезно?.. Где пленка? У вас?

— Думаю, на венском радио.

Я рассказал, как было дело.

— А вы молодец, профессор! — похвалил он.— Если захотите, можем вас взять на должность стажера — нам как раз нужен... Сейчас выясним. У меня на радио есть один добрый приятель, еще с времен голубого детства.

Телефонный разговор с радиоцентром занял ровно полторы минуты. Герберт Пристер засекал время; у него,

видно, вошло в привычку щелкать секундомером, просто так, без всякой надобности.

— Он позвонит мне, как только проверит. А пока давайте свяжемся для верности с больницей Фаворитен. Вдруг логика вас подвела, и Гербигер, позабыв про все земные заботы, безмятежно почивает в морге.

Ответ был такой, какого я и ожидал. Означенный гражданин в больницу не поступал. Ни сегодня, ни вчера. Никогда.

Потом позвонили из радио. Я не слышал, что именно говорили Герберту Пристеру, но он расцветал на глазах.

— Прекрасно! Перепиши для меня пленочку — в долгу не останусь! — И швырнул трубку.— Поздравляю, профессор! Все слышно совершенно отчетливо. Правда, Кен будет оправдываться, что ему наврали в справочной. Но этому никто не поверит, даже суд. Нет, мы с вами все-таки сунем фитиль в пороховую бочку!

Герберта Пристера было не узнать. Первоначальное напускное равнодушие слетело с него, как шелуха. Журналист учуял горячее дельце!

— А теперь насчет вашего Гербигера. Знаете, у журналистов есть волчий прием: нахрап. Действовать будем так...

Он подробно проинструктировал меня.

— Ну что — поехали?.. Хотя минуточку, я захвачу с собой магнитофон. И «Минокс». Не бесполезно будет зафиксировать на фотопленку содержимое книжных полок... Марион! — крикнул он на ходу секретарше.— Если я пропаду, ищите концы в обществе «Восток — Запад»...

Бульдогообразный привратник у входа в великокняжеский дворец, в прошлый раз овеваемый вентилятором и мирно дремавший за стеклом своей будки, теперь неожиданно проявил высокую степень бдительности.

— Что господам угодно?

Он подозрительно поглядывал на долговязого Герберта Пристера снизу вверх.

— Господам угодно пройти.

— Прошу прощения — куда именно?

В бывшем аристократическом палаццо размещалась, помимо научного общества «Восток — Запад», еще добрая дюжина разномастных организаций.

— К любителям хорового пения.

— Извольте обождать, сейчас извещу барышню в приемной.

— Нет нужды.— Герберт Пристер помахал у него под носом своим удостоверением.— Пресса!

— Все равно! — Привратник взялся за трубку внутреннего телефона.— Порядок для всех один.

— А это?

Перед ним легла стошиллинговая банкнота.

— Пожалуйста, господа, проходите! — Привратник осклабился, прибирая деньги.— Покорнейше благодарю! Все дорожает с каждым днем...

Преодолевая застоявшуюся печную духоту на лестнице, поднялись на мансарду. Открыли дверь библиотеки — и сразу же в лицо пахнуло прохладной свежестью.

Отто Гербигер, маленький и шуплый, тонул в своем старомодном просторном кожаном кресле. При виде меня он кротко и ласково улыбнулся:

— Господин профессор, какая честь!

Он торопливо обогнул письменный стол, подал мне мягкую узкую безвольную руку.

— Это Герберт Пристер. Вы знакомы?

— Как?! Сам Герберт Пристер, некоронованный король сенсационных репортажей?! — Гербигер и его одарил той же кроткой улыбкой, однако руки не подал.— Надеюсь, я не стану героем ваших очередных разоблачений!

— Как знать, как знать!

Гербигер понимающе усмехнулся, оценив грубоватую репортерскую шутку.

Он предложил нам сесть. Однако Герберт Пристер с профессиональной бесцеремонностью устремился к книгам.

— Нет, я лучше посмотрю полки.

— Предупреждаю заранее, ничего сенсационного вы там не найдете. Сплошная периодика.

— Ничего, ничего, вы себе беседуйте...

И пошел шелкать своим миниатюрным фотоаппаратом. Гербигера коробило, но он деликатно молчал.

— Уж и не чаял застать вас здесь, господин Гербигер. Такая жуткая заметка в газете!

— Я и сам ушипнул себя сегодня утром, чтобы убедиться, не сон ли это... Вот только сейчас закончил долгое объяснение с редакцией «Курира».

— И что же?

— Говорят, кто-то их подвёл, кто-то что-то не проверил. Извиняются, даже предлагают денежную компенсацию. Как будто в деньгах дело... А я прождал вас вчера целый час! — Он смотрел на меня с мягкой укоризной.

— Никак не смог, прошу простить. Нарушение правил уличного движения, дорожная полиция, долгие объяснения... Мне, право, было бы гораздо приятнее сидеть с вами в «Трех топорах», чем в полицейском участке.

— Ах так! Тогда понятно! — Он без тени беспокойства косился на Герберта Пристера, который, как коршун, кружил и кружил со своим «Миноксом» у книжных полок.— Уверяю вас, господин Пристер, там нет ничего достойного внимания!

— Да я уж и сам вижу.

Однако от книг не отходил.

— Господин Гербигер,— начал я, как мы по дороге сюда условились с Пристером,— вы собирались мне что-то сообщить.

— Я?! — искренне поразился он.

— Насчет агентов некоей организации с аббревиатурным названием ЦРУ.

— ЦРУ?! Это ужасно! — Его голубые глаза смотрели на меня с детской наивностью.— Это ужасно,— повторил он,— но вы, наверное, меня неправильно поняли, господин профессор. Просто мне было бы приятно отобедать с вами — и все.

— Ах вот как!

— Посмотрите! — Он легким кивком указал на магнитофон, который журналист оставил на краю стола.— Эта штука обладает способностью взрываться с силой, не меньшей, чем бомба.

— Эта штука не включена.— Герберт Пристер уже стоял рядом с нами.— Видите: диски не движутся.

Гербигер беззвучно рассмеялся.

— Неважно! У репортеров всегда что-нибудь да включено. Откуда мне знать, может быть, мини-магнитофон в вашем нагрудном кармане?.. Нет-нет, господин профессор, вы ошиблись. Если бы даже я хотел вам что-нибудь рассказать,— я подчеркиваю: если бы! — то теперь, после заметки в «Курир»... Нет-нет, до смерти мне осталось не так уж долго, и торопить это печальное событие не имеет никакого смысла.

— А здесь ничего секретного? — Герберт Пристер бесцеремонно ворохнул бумаги на столе. — Мне с профессором очень хотелось бы подцепить за хвост кое-кого из вашего уважаемого научного общества.

— Осторожно, ох, осторожно, господин Пристер! Этот ужасный закон о печати — вы же лучше меня знаете.

Щелкнул включатель магнитофона.

— Вот теперь я его включил, будьте внимательны! Господин профессор, вы хотели задать вопросы.

Я посмотрел на Гербигера. Ни тени настороженности или растерянности на лице! Все тот же доверчивый, наивный, чуть удивленный взгляд.

— Честно признаюсь, меня смутил ваш русский язык, господин Гербигер.

— Да-да, сам чувствую: я стал его забывать. — У него даже слегка запечалились глаза. — Отсутствие разговорной практики, легко понять.

— Я не об этом. «Аэроплан», «вакация», «ресторация», устаревшие языковые обороты... Так в России не говорят уже давным-давно.

— Ну и что же?

— Вы разве не в Советском Союзе овладели русским?

— Что вы! Моим учителем был один старый эмигрант, бывший российский граф. В те годы он уже лишился всех своих поместий, работал шофером такси и был активным членом профсоюза! — рассмеялся Гербигер. — Даже в пикетчиках ходил во время забастовок, представляете?

— А в Советском Союзе вы жили?

— Никогда!

Его глаза лучились ангельским чистосердечием.

— В Москве, в Свердловске, в Новосибирске? Бутафором в театре?

— Да ни единого дня!.. Вероятно, господин профессор спутал меня с кем-то другим. Не мудрено: у вас в Австрии было столько всяких встреч.

Герберт Пристер снова щелкнул клавишей своего малогабаритного кассетного магнитофона.

— Я ж вам говорил, бесполезно, профессор! Он будет отрицать — и дело с концом.

— Но не хотите же вы, чтобы я говорил неправду? У меня просто язык не повернется... Даже в угоду такому уважаемому мною человеку. Что может быть хуже лжи!

— Ладно, кончим с этим! — Герберт Пристер сунул магнитофон в сумку из мешковины. — Скажите лучше, господин Гербигер, почему на всех этих шикарных дорогих полках у вас здесь не нашлось места ни для единой приличной книжки? И общество вроде не из бедных, и библиотекарь опытный.

— Что делать? — Гербигер печально вздохнул. — Вы совершенно правы: ни одной приличной книги! Отношение к библиотеке у руководства могло быть и получше. Я понимаю, общество еще совсем молодое, до всего сразу не доходят руки. И все-таки...

— Вот это я и хотел от вас услышать!

— Это ужасно! Вы так торжествуете, будто я вам выдал бог весть какой секрет. Не проходит недели без того, чтобы я не ходил кланяться средства для библиотеки к господам из руководства — сам президент общества, к сожалению, серьезно болен. Но, скажу откровенно, понимания пока не встречаю. Можете так и написать в своей газете. Но только, ради всего святого, без ссылки на меня.

— Тогда еще один вопрос.

Я весь напрягся. Вот теперь следовало главное!

— У вас здесь так приятно. Прохлада, легкий освежающий ветерок. Очевидно, кондиционер?

— С вашего разрешения.

Гербигер не мог не почуять ловушку. Но ничего не изменилось ни в выражении его лица, ни в позе. Та же кротость, то же добросердечие. Этот человек поразительно владел собой.

— Вы очень любите удобства, господин Гербигер?

— А вы?

— Верно, и я. Но у нас в помещении кондиционера нет. Дорогая штука! Вот так и погибаем от жары. И кстати, президент вашего общества тоже. Мировая величина, а мучается в духоте. И Кен, ваш деятельный, энергичный Кен, тоже парится в своем кабинете. А библиотекарь, простой библиотекарь, тот блаженствует. И вы еще жалуетесь на плохое отношение со стороны руководства!.. Между прочим, кто у вас ведает хозяйством? Не тот же ли самый господин Кен? Пожалуй, у президента могут возникнуть к нему кое-какие вопросы, когда появится моя статья. И знаете, каким будет самый неприятный вопрос? Почему вам, господин Гербигер, оказывается такое предпочтительное внимание?.. Или вы

тоже, как и Кен, рассчитываете на серьезную болезнь президента? Но ведь те же вопросы могут возникнуть и у официальных инстанций?

— Может быть, вы и хороший журналист. Скорее всего, именно так. Но — извините меня! — вы очень плохо осведомлены о работе в книгохранилище. — Гербигера, казалось, ничто не может вывести из его ангельского терпения. — Не мне оказывается предпочтительное внимание, а библиотеке. Это библиотека, мой дорогой друг. А условия хранения книг требуют...

Но тут Герберт Пристер, уже не таясь, откровенно расхохотался ему в лицо.

— Все! Поздно! Вы ведь сами несколько минут назад сказали, что здесь нет ни единой приличной книжки, сплошная периодика. А магнитофон, к вашему сведению, был все время включен; я только перевел его на другую скорость. Кроме того, у меня есть еще и снимки... Итак, книги отпадают. Почему же вас так жалует Кен?.. Молчите?.. А знаете, вы ведь оказались пророком. Великолепная газетная сенсация!

Я неотрывно смотрел на Гербигера. Поразительно! Кроткая, отрешенная улыбка так и не покидала его лица. Он сидел, горбясь, вдавившись в кожаную спинку своего непомерно большого кресла, похожий на святого, излучающего безмерное долготерпение и доброту. Седой венчик вокруг лысины вполне заменял нимб.

Нет, этот человек был не только опытным постановщиком тайных спектаклей, он и сам обладал незаурядным актерским мастерством. Жаль только, что оно так и останется неизвестным широкой публике. Ведь даже Пристер в своей статье вряд ли сможет уделить достаточно внимания этой стороне его столь многогранного дарования.

... Самолет, на котором мы прилетели из Вены, прибыл вечером, точно по расписанию. К трапу спешил высокий, плотный, слегка прихрамывающий человек.

— Ой, дядя Витя, да вы ли это! — Инга зачарованно уставилась на ряды орденских планок на левой стороне пиджака; к нам домой он всегда являлся без каких-либо наградных знаков.

Мой стародавний приятель, друг нашей семьи Виктор Клепиков, широко улыбаясь, шагал навстречу.

— А что — не похож? Решил вот по такому случаю встретить вас при полном параде.

Он привлек меня к себе, прижал крепко, потом обнял Ингу.

— Ну что, сударыня, будем кофров дожидаться или двинем пустыми?

— Ой, дядя Витя, давайте скорее! — восторгалась Инга. — Не могу как Москву видеть охота!..

На улице Горького Виктор отпустил свою машину. Мы пошли все трое в обнимку по ярко освещенной нарядной бурлящей улице, и прохожие с веселыми, недоумевающими улыбками оборачивались нам вслед. Их можно было понять.

Виктор шутил без конца, Инга смеялась. Глаза у нее были ошалелые и счастливые. Мне тоже было хорошо.

Не надо было больше думать ни про слезку, ни про «хвосты», ни про гадючьи глазки телекамер, ни про черный «мерседес» с красными кожаными сиденьями.

Мне было так хорошо...

А вечером пришла короткая телеграмма от Эллен: «Вальтер скоростно скончался».

В письме, которое я получил несколькими днями позже, Эллен писала:

«Вальтер принял смертельную дозу снотворного. Врачи уверяют, произошла роковая ошибка. Я думаю иначе: Вальтер наложил на себя руки. Но почему? Почему?»

Бедная Эллен, конечно, была права. Вальтер свел счеты с жизнью.

Но это не было обычным самоубийством.

Вальтер Редлих судил себя, вынес себе смертный приговор и сам привел его в исполнение.

На большее у него мужества не хватило...

De mortuis aut bene, aut nihil.

О мертвых либо говорят хорошо, либо не говорят вовсе.

И все же бывают случаи, когда можно и даже нужно пренебречь этим мудрым советом древних латинян.

Не для того, чтобы потревожить мертвых.

Чтобы предостеречь живых!

СОДЕРЖАНИЕ

Тугие сгруйки	5
Громкий звонок	27
Пассажирский поезд	55
На следующий день	72
Снег, снег, снег...	95
Почему мне так беспокоинно?	113
Рассказ моей жены	137
Старинный трехбашенный герб	161
Никто	177
Легкий завтрак	190
Из Инсбрука в Вену	206
Пути и судьбы человеческие	224
Пауза	241
Спасибо Альме	265
Моя дочь Инга	277
Никогда не забыть	287

Для старшего возраста

Лев Израилевич Квин

РЖАВЫЙ КАПКАН НА ЗЕЛЕНОМ ПОЛЕ

Роман

ИБ № 7943

Ответственный редактор *А. Н. Печерская* Художественный редактор
В. А. Горячева. Технический редактор *Л. С. Степина* Корректоры *А. А. Гу-*
сельникова и *Ю. Н. Федикова*

Сдано в набор 07.05.84 Подписано к печати 17.01.85 Формат 84×108^{1/32}
Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный Печать высокая Усл. печ.
л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,38 Уч.-изд. л. 17,23 Тираж 100 000 экз. Заказ
№ 5325 Цена 90 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство
«Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Чер-
касский пер., 1

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Рос-
главополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушеvский
вал, 49

